

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

На правах рукописи

Петров Константин Григорьевич

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ А.Н. ПОПОВА
(КОН.ХІХ – НАЧ. ХХ ВВ)**

Специальность: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и
образования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата педагогических наук

Научный руководитель:
доктор педагогических наук
профессор, Н.П. Сенченков

Великий Новгород – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 СОЦИАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.Н. ПОПОВА	17
1.1 Политика образовательной реформы в России во второй половине XIX века.....	17
1.2 Ретроспектива проблемы женского образования в России	33
1.3 Организация женского образования на Смоленщине	48
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	61
Глава 2 СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЗЕМСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ А.Н. ПОПОВА.....	63
2.1 Проявление духовно-нравственных ценностей и демократических взглядов А.Н. Попова	63
2.2 Организация народного и женского образования А.Н. Поповым в Смоленской губернии	89
2.3 Организация и деятельность Соболевской женской учительской семинарии	104
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	133
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	136
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение А. Александр Николаевич Попов	152
Приложение Б. Мельница в селе Соболево-Воробьево	153
Приложение В. Здания Соболевской женской учительской семинарии. Учебный корпус	154
Приложение Г. Здания Соболевской женской учительской семинарии. Общежитие младшего возраста	155

Приложение Д. Здания Соболевской женской учительской семинарии. Квартирный корпус	156
Приложение Е. Здания Соболевской женской учительской семинарии. Преподавательский корпус	157
Приложение Ж. Здания Соболевской женской учительской семинарии. Столовый корпус	158
Приложение З. План территории Соболевской женской учительской семинарии. Масштаб 1:1000	159
Приложение И. Письмо выпускницы Соболево-Воробьевской женской учительской семинарии Шаповаловой С.Е. 1918г.	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Образовательная система в современной России претерпевает значительные структурные, содержательные и аксиологические преобразования. Начавшаяся в 90-е годы XX века коренная перестройка политического и социального укладов государства к настоящему времени достигла определенных результатов. Однако вопрос реформирования системы образования по-прежнему остается актуальным.

Важным содействием активному творческому поиску ученых-педагогов и методистов образования становится обращение к историческому опыту отечественной и зарубежной педагогики, выявление идей, которые могут быть значимыми для сегодняшних реалий. Особое внимание привлекает к себе хронологический период с середины XIX – до начала XX века, когда Российская империя также находилась в условиях грандиозной реорганизации всех сфер жизни общества и государства, несмотря на то, что в то время эта реорганизация явилась следствием не революционного изменения политического режима, а осознания обществом и государством необходимости эволюции государственной системы.

Тем не менее, реформа образования, проводимая в обозначенный период императором Александром II, стала одной из наиболее сложных и долгосрочных и была продолжена впоследствии его потомками, Александром III и Николаем II. Проектируемые изменения осложнялись двумя главными факторами. Во-первых, крупными финансовыми затратами, что являлось следствием масштабности охвата территории и численности населения России, при учете затрат на остальные реформы; во-вторых, стремлением консервативных слоев общества сохранить существующий политический строй и основы социального и религиозного уклада российского общества, к которым необходимо было адаптировать новые формы и стандарты образования, в том числе женского. Все это стало причиной трудности протекания и снижения результативности данной реформы.

Что касается женского образования в данный период, оно оставалось острой и неразрешенной проблемой. Возрастающий в силу развития общественных гуманистических тенденций спрос на женские учебные заведения не соответствовал существующему предложению ни в количестве образовательных учреждений, ни в качестве преподавания в них. Данная проблема также осложнялась и крупными финансовыми затратами, и широко распространенным общественным и политическим стремлением закрепления неравенства полов.

В сложившихся условиях большой вклад в развитие системы образования в России внесла частная инициатива меценатов, дворян и промышленников, которые, помимо оказания поддержки представителям искусства и сохранения культурного наследия, способствовали делу просвещения путем организации на собственные средства народных школ, училищ, пансионов, а также театров, библиотек, читален и т.д. Подобный опыт имеет ценность и актуальность в настоящее время, когда на этапе глубоких общественных трансформаций актуализируется потребность в просветительской деятельности частных лиц, растет интерес к культурно-просветительским инициативам как одной из форм вложения финансовых средств. В данном контексте правомерно обратиться к региональным аспектам истории просветительской деятельности в сфере образования, выявить основные исторические персоналии, раскрыть специфику их работы.

Одним из наиболее ярких и крупных представителей меценатов-просветителей Смоленской губернии второй половины XIX века является гласный Смоленского губернского земского собрания, помещик Краснинского уезда – Александр Николаевич Попов (1840-1910). Его деятельность по развитию образования в провинциальных городах, а также деревнях и поселках, имела большое значение для повышения уровня грамотности населения губернии. А его родовое имение Соболево-Воробьево и организованный в нем учебно-просветительский центр являлись образцовыми примерами результатов данной деятельности и имели широкую известность в России. Особую ценность, помимо конкретных деяний и достижений, имеют его идеологические взгляды, суть

которых заключалась в видении пути развития Российского государства и общества исключительно средствами просвещения и повышения культуры русского народа.

Однако в современных научных и периодических источниках имя данного помещика-просветителя практически не упоминается, причиной чему во многом послужило его аристократическое происхождение и целенаправленное забвение, наряду со многими другими, в советское время. Данный факт свидетельствует о необходимости проведения исследования просветительских достижений в сфере образования А.Н. Попова, их актуальности и значимости.

Основные дефиниции исследования. Ведущим понятием в диссертации выступает *«просветительская деятельность в сфере образования»*, которое трактуется как совокупность информационно-образовательных мероприятий по пропаганде и целенаправленному распространению научных знаний и иных социально-значимых сведений, формирующих общую культуру человека, основы его мировоззрения и комплекс интеллектуальных способностей к компетентному действию.

Также важным термином в рамках тематики диссертации является *«педагогические взгляды»*, понимаемый как мнения, суждения по поводу педагогических явлений, не сложившиеся в целостную и самостоятельную концепцию.

Поскольку отдельный параграф диссертации посвящен созданию А.Н. Поповым Соболевской женской учительской семинарии как квинтэссенции его просветительской деятельности в сфере образования, необходимо осветить и трактовку термина *«учительская семинария»*, понимаемого как среднее специальное учебное заведение, предназначенное для подготовки преподавателей начальной школы.

Состояние изученности проблемы. По результатам проведенного системного историографического и библиографического анализа был сделан вывод об отсутствии исследования, посвященного целостному изучению педагогических взглядов и просветительской деятельности в сфере образования

А.Н. Попова, ее предпосылок, актуальности, прогрессивности и значимости в развитии системы народного образования. Была выявлена одна биографическая статья доктора педагогических наук А.И. Власенкова, выпускника Соболевского педагогического училища, ставшего преемником учительской семинарии, организованной А.Н. Поповым. Данная статья, посвященная событиям жизни, государственной, земской и частной просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова, была опубликована в журнале «Край Смоленский». Иные краеведческие источники, как показало исследование, лишь ссылались на текст обозначенной работы. Изучение фондов Государственного архива Смоленской области по вопросу создания и деятельности Соболевской учительской семинарии показало наличие единственного документа, содержащего информацию о списке учениц данного учебного заведения в 1911 году. В связи с чем значительная часть материала исследования была выявлена из косвенных источников периодической печати конца XIX века, журналов заседаний Новгородского и Смоленского губернских земских собраний, архивных источников, рассказывающих о тех или иных событиях, происходивших в губернии.

Проблема исследования состоит в необходимости разрешения следующих **противоречий**:

- между значимостью деятельности А.Н. Попова по развитию просвещения в Смоленской губернии и малым количеством краеведческих историко-педагогических исследований по данной тематике;
- между актуальностью феномена меценатства в сфере образования и ограниченной практикой обращения к накопленному опыту отечественных просветителей в Смоленской области.

Научная задача данного исследования – доказать, что просветительская деятельность в сфере образования А.Н. Попова явилась отражением реформаторской социально-культурной действительности в России во второй половине XIX века, контаминированной с личностными идеологическими и духовно-нравственными ориентирами, а, следовательно, в современных реалиях

подобного реформаторского характера при сохранении обществом базовых морально-нравственных ценностей возрождение просветительской деятельности такого же уровня и такого же качества станет важной опорой развития российской системы образования.

Актуальность и значимость обозначенной проблемы, необходимость решения выявленных противоречий обусловили выбор темы диссертационного исследования **«Педагогические взгляды и просветительская деятельность в сфере образования А.Н. Попова (кон. XIX – нач. XX вв)»**.

Объект исследования – общественно-педагогическая ситуация в России во второй половине XIX века.

Предмет исследования – деятельность А.Н. Попова по развитию народного и педагогического (женского) образования в конце XIX – начале XX вв.

Целью исследования является раскрытие феномена просветительской деятельности А.Н. Попова в сфере образования.

Исходя из поставленной цели были определены следующие **задачи исследования**:

1. Проанализировать социально-политические и образовательные процессы в России во второй половине XIX века как факторы, стимулировавшие развитие просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова.

2. Выявить историко-региональную специфику женского образования в Смоленской губернии во второй половине XIX века в ее корреляции с общероссийской проблематикой женского образования и в ее значимости для практики просветительской деятельности.

3. Используя архивные материалы, документы, прочие исторические источники, а также педагогическую и краеведческую литературу по теме исследования, определить предпосылки становления социально-демократических и педагогических взглядов А.Н. Попова и их реализацию в рамках государственной службы и частной инициативы.

4. Раскрыть основные направления просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова, их главные мотивы и оценить их результативность и своевременность.

Теоретическую основу данного исследования составили:

– идеи гуманистической направленности образования и воспитания (В.П. Борисенков, М.М. Бахтин, В.А. Сухомлинский, Н.Е. Щуркова);

– концепции исторической обусловленности развития педагогических идей и взглядов (Б.М. Бим-Бад, М.В. Богуславский, Э.Д. Днепров, Г.Б. Корнетов, З.И. Равкин);

– теории периодизации педагогики (М.И. Демков, А.К. Медведков, К.В. Кузьмин, М.В. Богуславский);

– исторические теории, характеризующие понятие «меценатство» и различные аспекты, связанные с ним (Г.А. Аванесова, Т.Г. Богатырева, О.Н. Астафьева, К.Б. Соколов, Н.А. Хренов);

– историографические теории, раскрывающие особенности периодизации явления просветительства в России (Я.Д. Бетяев, П.И. Епифанов, Л.А. Дербов, Ю.Ф. Карякин, Ю.А. Коган, К.В. Пигарев, М.М. Штранге).

Методологическую основу данного исследования составляют:

– современные методологические и теоретические основы историко-педагогических исследований (М.В. Богуславский, Э.Д. Днепров, С.В. Куликова, А.В. Овчинников, Б.М. Бим-Бад, М.Е. Стеклов, Н.П. Сенченков);

– методологические идеи, раскрывающие сущность методологии, количественных и качественных методов исследования, понятийного аппарата (В.И. Загвязинский, В.В. Краевский, И.А. Липский, С.А. Расчетина);

– *системный подход* (И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин) в изучении диахронии идеологических основ деятельности А.Н. Попова в особенностях историко-культурного развития России во второй половине XIX века;

– *антропологический подход* (К.Д. Ушинский, Б.М. Бим-Бад, Г.М. Коджаспирова) в понимании просветительской деятельности в сфере

образования А.Н. Попова в контексте направленного процесса становления и развития его личностных и идеологических предпочтений.

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач применялись следующие **методы историко-педагогического исследования**:

комплекс теоретических методов (историко-сравнительный, историко-системный), применяемых для раскрытия сущности просветительской деятельности в сфере образования на разных этапах развития системы образования в России во второй половине XIX века;

количественный метод (контент-анализ) для первичной систематизации информации источников о земской и просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова;

качественный метод (биографический), позволяющий проследить становление и развитие социально-демократических ценностей А.Н. Попова в непосредственной связи с эволюцией общественно-педагогических и социокультурных тенденций в России во второй половине XIX века.

Источники исследования:

- Историко-педагогические исследования образовательной политики в России во второй половине XIX века (М.В. Богуславский, И.А. Соловков, С.В. Калинина, В.В. Каширина, Э.Д. Днепров).
- Педагогические работы и диссертационные исследования, посвященные освещению проблемы женского образования в России и в Смоленской губернии в частности (Э.Д. Днепров, Е.О. Лихачева, Н.А. Мицюк, Л.Б. Хорошилова, Е.А. Андреева, Н.А. Дмитриева, П.П. Любимов, Т.М. Леонтьева).
- Труды по истории меценатства как социокультурного феномена (П.А. Бурьшкин, Д.Толоконников, П.В. Власов, В.Ю. Карнишин);
- Биографические труды, освещающие образцы организаторской меценатской деятельности А.Н. Попова (А.И. Власенков).
- Материалы государственных архивов: Государственного архива Смоленской области (ГАСО) (Ф. 1, 7, 45, 51, 80, 534, 670, Р–3017); Российского

государственного исторического архива (РГИА) (Ф. 1276); Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА) (Ф. 733); Государственного архива Новгородской области (ГАНО) (Ф. 391); Государственного архива Псковской области (ГАПО) (Ф. 62); Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) (Ф. 427); Государственного исторического архива Новгородской области (ГИАНО) (Ф. 98).

- Периодические издания Смоленской губернии второй половины XIX – начала XX века: «Смоленский вестник», «Смоленские епархиальные ведомости», «Смоленские губернские ведомости».
- Законодательные акты и постановления Российской империи: университетские уставы, уставы училищ, женских гимназий и прогимназий, постановления Министерства народного просвещения.

Организация исследования.

Первый этап (2011 – 2013) – поисковый. На данном этапе проводилось изучение историко-педагогической литературы по теме исследования, сбор, анализ и обобщение архивных материалов.

Второй этап (2013 – 2014) – теоретический. В этот период проводилась теоретическая разработка проблемы, была определена структура и логика изложения диссертационной работы, осуществлялась апробация полученных результатов путем публикации научных статей по теме диссертации. Шло написание основного текста работы.

Третий этап (2014 – 2017) – обобщающий. Он включал в себя дополнительный сбор и конкретизацию биографических фактов на основе архивных материалов, обобщение и систематизацию полученной информации, формулирование выводов по результатам исследования, редактирование текста диссертации.

Хронологические рамки исследования включают период со второй половины XIX века до начала XX века. Выбор данного интервала обусловлен двумя причинами. Во-первых, данный период российской истории

характеризуется проведением масштабных государственных реформ, затронувших все социальные и политические сферы жизни общества, важное место среди которых занимает образовательная реформа. Во-вторых, именно к этому времени относится политическая и меценатская деятельность А.Н. Попова, включавшая сначала период работы в Череповецком уезде Новгородской губернии в 1865-1882 гг., затем в Смоленском губернском земском собрании (1882-1907 гг.) и впоследствии, после отставки, сконцентрировавшаяся на создании и развитии учительской семинарии в его родовом имении Соболево-Воробьево (1907-1910 гг.).

Научная новизна исследования состоит в том, что:

– доказано, что просветительская деятельность А.Н. Попова в сфере образования являлась отражением социально-культурного процесса в России во второй половине XIX века, а также личностных идеологических и духовно-нравственных ориентиров;

– выявлено исключительное значение просветительской благотворительности для развития женского образования в Смоленской губернии;

– определен вклад А.Н. Попова в развитие народного и женского образования Новгородской и Смоленской губерний в конце XIX – начале XX вв.

– введены новые, не использованные ранее архивные источники, на основе которых представлен анализ результатов земской деятельности А.Н. Попова в Новгородской и Смоленской губерниях, а также деятельности Соболевской женской учительской семинарии;

– раскрыты особенности просветительской деятельности А.Н. Попова в сфере образования, оценена ее актуальность для своей эпохи.

Теоретическая значимость исследования заключается в следующем:

– раскрыта связь между основами просветительской деятельности и общественно-педагогическими реалиями, выражающаяся в повышении социальной активности благотворителей и меценатов в сложный период реформирования системы российского образования во второй половине XIX века, заключавшейся в разрешении ими локальных проблем образовательной системы,

связанных с созданием, оснащением и содержанием учебных заведений в провинциальных городах и селах;

– выявлена историко-региональная специфика женского образования в Смоленской губернии, заключающаяся в том, что становление сети женских учебных заведений в губернии всецело происходило благодаря частной инициативе, а количество пансионов и значительный спрос на получение образования в них стали дополнительным стимулом для организации государственных женских училищ;

– определены предпосылки становления педагогических взглядов А.Н. Попова, базировавшихся на принципах демократизма и позитивизма, которые сложились под влиянием социально-политических педагогических тенденций реорганизации образовательной системы в сторону гуманизации, бессловности и гендерного равенства, а также образцов благотворительной деятельности меценатов-просветителей ряда российских губерний;

– обозначены основные векторы просветительской деятельности А.Н. Попова в сфере образования, направленные, в первую очередь, на разрешение проблем сельского начального и женского образования посредством не только создания новых учебных заведений, но и обеспечения их квалифицированными педагогическими кадрами, готовыми работать и жить в условиях сельского быта. В этих целях им была создана Соболевская женская учительская семинария в отдаленном Краснинском уезде Смоленской губернии, готовившая будущих народных учительниц.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что:

– рассмотренные идеи просветительства, актуализирующиеся на переходных этапах, могут стать теоретическим основанием для осмысления образца просветительской деятельности в сфере образования, возможной к реализации в настоящее время;

– полученные результаты и выводы могут быть использованы при изучении истории общественных инициатив в отечественном образовании, дополняют данный раздел истории педагогики региональной спецификой;

– материалы исследования могут применяться на спецкурсах и семинарах по истории образования в педагогических вузах, посвященных особенностям развития женского образования в Смоленской губернии, феномену просветительской деятельности в образовательной среде России, персоналиям Смоленщины.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сложный реформаторский период в истории российского образования во второй половине XIX века стал стимулом активизации просветительской деятельности дворян и промышленников в сфере образования, особенно в провинции, проблема развития сети учебных заведений в которой осложнялась материально-финансовыми вопросами и обострилась в связи со значительным ростом спроса на образование после отмены крепостного права.

2. Важным аспектом практики просветительской деятельности в сфере образования в России во второй половине XIX века являлась проблематика женского образования. Его специфика в Смоленской губернии заключалась в том, что система женского образования во второй половине XIX века долгое время находилась полностью в юрисдикции частных учебных заведений. Это с одной стороны представляло собой яркий образец просветительской деятельности, однако, с другой стороны не всегда благоприятно сказывалось на качестве преподаваемого материала и требовало более тщательного профессионального подхода. Сеть открываемых с конца 60-х годов государственных женских учебных заведений не отвечала в полной мере уровню спроса, и вплоть до начала XX века частные женские училища и пансионы продолжали играть важную роль в вопросе женского образования.

3. Становление и развитие педагогических взглядов и просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова в Смоленской губернии является отражением общественно-педагогических и социокультурных тенденций, сложившихся в России ко второй половине XIX века, заложивших идеологическую и аксиологическую основу его политических и жизненных ориентиров.

4. Отличительными чертами феномена просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова являются:

концентрация на развитии народного и женского образования, качественный уровень которого был необходим, по его мнению, для развития и процветания России, но в то же время не обеспечивался в должной степени государственными органами власти;

конструктивная солидарность с возникшей в 1880-х годах в России теорией малых дел, в соответствии с которой ведущим вектором его жизненного пути стало служение народу, в частности, развитию образования. В контексте данной идеи он организует в родовом имении Соболево-Воробьево полномасштабный учебно-просветительский комплекс, включавший начальные школы, ремесленные училища и педагогическую семинарию, и ряд культурно-массовых учреждений, что не только создавало необходимые условия для развития народного образования, но также представляло яркий пример просветительской деятельности для других регионов;

идеологическая опора на представление о единственно верном пути развития Российского государства исключительно через образование русского народа, его приобщение к культуре как ведущим основам самосовершенствования общества и повышения качества его жизни;

понимание феномена «хождения в народ» как предназначения представителей аристократических слоев, обязанных повсеместно по мере возможностей заниматься просветительской работой в сфере образования, тем самым весь комплекс организационно-просветительских мероприятий, реализованных А.Н. Поповым, понимался им не как личная заслуга, а как долг перед обществом.

Обоснование и достоверность результатов исследования обеспечиваются применением адекватных объекту, предмету, цели и задачам исследования методов, использованием комплекса взаимодополняющих информационных источников, а также введением малоизвестных историко-педагогических материалов на основе архивных документов.

Апробация работы и внедрение в практику результатов исследования: материалы диссертационного исследования докладывались на заседаниях кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета, на международных научно-практических конференциях: «Учитель и время: десятые педагогические чтения, посвященные памяти А.Е. Кондратенкова» (Смоленск, 2015), «Становление и развитие предпринимательства в России: история, современность и перспективы» (Смоленск, 2015), «Учитель и время: одиннадцатые педагогические чтения, посвященные памяти А.Е. Кондратенкова» (Смоленск, 2016), на международной научно-практической конференции в рамках Недели международного сотрудничества НовГУ «Развитие детско-взрослых сообществ в условиях многообразия» (Великий Новгород, 2017), «Учитель и время: двенадцатые педагогические чтения, посвященные памяти А.Е. Кондратенкова» (Смоленск, 2017), «Место и роль педагогической психологии в системе научных знаний» (Казань, 2017), «Инновационное развитие современной науки (Пенза, 2017), на заседании XXXI сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки Российской академии образования (Тверь, 2016).

Структура диссертации обусловлена логикой научного исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной литературы и приложений. Список литературы включает 216 источников. Общий объем текста диссертации 160 страниц, включающие 16 страниц библиографического списка и 9 страниц приложений.

ГЛАВА 1 СОЦИАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ А.Н. ПОПОВА

1. 1 Политика образовательной реформы в России во второй половине XIX века

Вторая половина XIX века отметилась в истории России значительными переменами во всех сферах социальной и политической жизни государства. Экономическое и техническое отставание России от западных держав к середине столетия становилось все более явным и представляло угрозу самому суверенитету страны. Ярким примером несостоятельности существующих общественно-политических отношений и экономической структуры стали печальные итоги Крымской войны 1853-1856 гг.

На данном этапе страна встала перед необходимостью глобальных преобразований. Как отмечает в своей статье, посвященной образовательной реформе России, член-корреспондент РАО, профессор М.В. Богуславский «проводимые реформы были ориентированы «сверху-вниз», иными словами, они не являлись следствием постепенной эволюции политической и социальной жизни России, пришедшей к своевременному переходу на новый уровень развития, а организовывались на неподготовленной почве, быстрыми темпами, в условиях вынужденного форсирования событий. Это явилось одной из причин массовых недовольств населения политикой государства, что мешало полноценной реализации проводимых реформ и в целом негативно сказалось на дальнейшей истории Российской империи» [11, с. 15].

Одной из важнейших в ряду масштабных реформ, проводимых императором Александром II, была образовательная реформа. На тот момент была необходима модернизация существующих учебных заведений, создание

новых ступеней обучения, в частности, народной начальной школы, среднего специального и педагогического образования. Практически полностью отсутствовало на тот момент женское образование. Важной задачей было повышение роста грамотности среди населения страны с ориентацией на увеличение систематически обучающихся до 4-5 миллионов человек [12]. В свою очередь, данные планы требовали подготовки значительного количества преподавателей разного уровня.

Развитие экономики и промышленности определило потребность образования не только детей, подростков и юношей, но и взрослого населения. В связи с этим предстояло в значительной степени увеличить финансирование образования, накопить материальную базу, расширяющую возможности образовательного процесса. Как пишет М.В. Богуславский, «составной частью процессов модернизации выступала выработка политики реформирования всей сферы образования, прежде всего в плане формирования его новой правовой базы. Одно государство в лице Министерства народного просвещения и других заинтересованных ведомств не могло решить все эти глобальные, рассчитанные на десятилетия работы задачи. Объективно возникала необходимость включения в процессы реформирования системы образования общественной и частной инициативы, поощрения благотворительности» [11, с. 8].

Прогрессивная линия государственных образовательных реформ связана с деятельностью министра народного просвещения А.В. Головнина, имевшего ярко выраженные либеральные убеждения. Возглавив в конце 1861 года министерство, он реорганизовал систему управления образованием. Стремясь к децентрализации, А.В. Головнин расширил компетенцию попечителей учебных округов, передав им ряд полномочий, что отразилось в тексте Университетского устава 1863 года: «Попечитель учебного округа принимал нужные меры для того, чтобы университеты исполняли свои обязанности; в случае нарушений обязался довести до сведения о случившемся Министра народного просвещения; имел право на Университетских Советах предоставлять свои предложения по делам университета и учебного округа» [158, пар. 26].

Это позволило министерству перейти к решению актуальной на тот момент задачи формирования новой программно-методической базы образования, необходимость в которой появилась после отмены крепостного права в 1861 году. Работы над новыми проектами велись вместе с членами Учебного комитета, в котором были задействованы многие педагоги и видные общественные деятели – Н.Х. Вессель, В.И. Водовозов, Д.Д. Семенов и др.

Этот шаг обусловил большой потенциал Университетского устава 1863 года и положения о гимназиях и прогимназиях 1864 года – документов, основанных на принципах демократичности и всеобщности. Приведем конкретные цитаты из вышеназванных документов. В главе 8 Университетского устава «Об учащих» говорится, «студентом мог стать молодой человек, достигший 17-летнего возраста и окончивший гимназию или сдавший там экзамен и получивший об этом аттестат, а также окончивший высшее или среднее учебное заведение» [158, пар. 85]. Положение IV Устава гимназий и прогимназий сообщает, «в гимназии и прогимназии обучаются дети всех состояний, без различия звания и вероисповедания» [108, ст. 53].

В это же время начинается масштабная реконструкция и модернизация системы российского образования. В этой связи А.В. Головнин отмечал, что деятельность Министерства народного просвещения должна определять социальные реформации, являться «локомотивом социальных реформ» и давать тем самым пример остальным ведомствам [2, с. 509].

Нововведения в сфере образования были отражены в «Уставе гимназий и прогимназий», утвержденном 19 ноября 1864г., который стал результатом долгих обсуждений и определенного компромисса между интересами различных государственных и общественных структур [87]. Компромиссный характер Устава заключался в том, что устанавливались два вида средней школы: классическая и реальная. Учебный курс классических гимназий включал основные предметы: русский, латинский и греческий языки, Закон Божий, математику, физику, историю, географию, естественную историю, чистописание, рисование, черчение. Дополнительными также являлись французский и немецкий

языки [87, пар. 39]. Перечень учебных предметов реальных гимназий несколько отличался: в большем объеме преподавались математика и естественная история, а также физика, немецкий и французский языки стали обязательными к изучению, в свою очередь латинский и греческий языки из программы были исключены [87, пар. 40]. Прогимназии также подразделялись на классические и реальные. Учреждение того или иного типа гимназий и прогимназий определялось по усмотрению министра народного просвещения, «смотря по местным потребностям и учебным средствам, в том числе, какое укажет опыт» [87, пар. 7].

Многие положения Устава были прогрессивными для своего времени. Так, его текст провозглашал принципы всеобщности образования, рекомендации личностной ориентации на каждого учащегося при подборе методов и средств обучения, с учетом его возрастных способностей и возможностей, рекомендации отмены телесных наказаний в учебных заведениях [87]. Содержание Устава расширяло права педагогических советов, в частности, по вопросам отбора и утверждения предметных программ обучения. Учителям предоставлялось больше самостоятельности в плане проработки учебно-воспитательного процесса, вплоть до составления собственной авторской программы.

Вместе с тем обучение в гимназиях оставалось платным, что, наряду с идеями всеобщности образования, вводило материальные ограничения. От оплаты освобождались «дети совершенно недостаточных родителей» [87, пар. 60], однако, как отмечается в том же параграфе Устава, «чтобы общее число освобождаемых от платы за ученье составляло, в отношении ко всему числу учащихся, не более десяти процентов» [87, пар. 60]. Предусматривалась и ранее не практиковавшаяся выдача денежных пособий и стипендий. Как сообщает текст Устава, «бедным ученикам, отличающимся успехами и поведением, могут быть выдаваемы, по определению педагогического совета, единовременные денежные вспоможения и ежегодные стипендии, из специальных средств заведения» [87, пар. 61].

Однако реализация реформ в масштабах всей страны требовала длительного времени и значительных финансовых затрат, что вносило свои сложности в процесс становления системы нового российского образования.

Помимо материальных, существовали и идеологические аспекты, препятствовавшие целостной и последовательной системе мер по реализации образовательных реформ. М.В. Богуславский раскрывает проблематику реформы образования следующим образом: «с одной стороны, правительство осознавало необходимость либерализации общественной жизни и актуализации популярных в западных странах и в среде российской интеллигенции гуманистических идей. С другой стороны, оно было заинтересовано в сохранении существующего государственного строя и сохранении культурно-исторической аутентичности русского народа, которая могла значительно пострадать вследствие внедрения западных образцов и ориентиров. Таким образом, вводимые реформы сменялись вводимыми ограничениями и контрреформами, которые если не возвращали систему образования на дореформенный уровень, то значительно тормозили ее развитие»[11, с. 5].

Большое количество поставленных задач, ряд не менее важных реформ в других сферах жизни российского государства, необходимость значительных затрат и важность сохранения политической стабильности в стране являлись преградами на пути реформирования российского образования. В дополнение ко всему реализация реформ, как в образовании, так и в остальных отраслях была приостановлена в результате роста общественных движений, недовольных происходящими изменениями, а также роста деятельности террористических организаций, повлекших в 1881 году гибель императора Александра II. Новым правителем императором Александром III был проведен ряд консервативных реформ.

Их курс был диаметрально противоположен политике министра А.В. Головнина. Профессор М.В. Богуславский, исследуя данный вопрос, отмечает, на смену прогрессивным шагам министерства народного просвещения в развитии системы образования и уровня преподавания пришли «запаздывающие»,

нововведения реализовывались в крайних случаях, в качестве, своего рода, уступке общественному мнению [21, с. 38].

На смену господствовавшим идеям гласности, открытости и демократичности пришел новый режим закрытой деятельности министерства. Проекты разрабатывались исключительно специалистами, без учета общественного и педагогического мнения. На место прежнего курса децентрализации был внедрен курс на максимальную регламентацию и ужесточение работы системы управления.

Важным аспектом стала возможность передачи начального обучения под контроль церкви, вместе с тем возврата к сословности обучения на средней ступени, ограничения возможности получения университетского образования детям не дворянских семей [11, с. 12].

Наиболее активно новый политический курс проводился графом Д.А.Толстым, назначенным министром народного просвещения в 1866 году [168]. Своей главной задачей новый министр считал борьбу с нигилизмом в просвещении [100]. В одной из своих статей он писал: «Дело было в том, идти ли России по широкому пути, проложенному европейскою цивилизацией, в том направлении, которое произвело великих ученых и государственных людей, или же по тем неведомым, неиспытанным тропинкам, которые предлагали наши доморощенные утописты» [213]. Реализацию своих идей он видел в восстановлении классической системы образования, имеющей в основе общеевропейские культурные традиции.

Новые положения нашли свое отражение в Уставе 1871 года, согласно которому был принят лишь один вид средних учебных заведений, учебный план которых соответствовал классическим гимназиям: «1) закон божий; 2) русский язык с церковно-славянским и словесность; 3) краткие основания логики; 4) и 5) латинский и греческий языки; 6) математика; 7) и 8) математическая география и физика, с кратким естествоведением; 9) история; 10) география; 11) и 12) немецкий и французский языки; 13) чистописание» [109, пар. 12]. Преобладал курс на социальную дискриминацию, призванный минимизировать и по

возможности предотвратить доступ в учреждения среднего образования представителей недворянских сословий, что создавалось в целях снижения революционной активности среди молодого населения. Для достижения этой цели единственным типом средней школы, дающей полноценное среднее образование и право поступления в высшие учебные заведения, была признана классическая гимназия: «Только ученики, окончившие курс учения в гимназиях, или имеющие свидетельство о знании полного курса сих гимназий, могут поступать в студенты университетов» [109, пар. 130]. В учебный план были включены латинский и греческий языки [109, пар.12], причем на их изучение отводилось 41,2% учебного времени [109, пар. 74], в то же время было сокращено преподавание материалистических естественных наук до совмещенных математической географии и физики и краткого естествоведения [109, пар. 12].

В апреле 1880 года граф Д.А. Толстой был отправлен в отставку вследствие «крайнего раздражения общества, особенно отцов и матерей, на министра народного просвещения» [173], однако, выбранная им линия сохранилась и была продолжена следующим министром И.Д. Деляновым.

Прежний политический курс был усилен. Главной задачей нового руководства министерства стала контрреформа университетского образования, которая была отражена в новом Университетском уставе 1884 года, продолжавшем линию на централизацию и регламентацию управления образованием. Согласно тексту Устава, «ректор избирается министром народного просвещения из числа ординарных профессоров университета и назначается Высочайшим приказом на четыре года» [110, ст.410]. Ужесточался надзор над учащимися, упразднялись студенческие суды. Об инспекции студентов говорится следующее: «Инспектор студентов определяется в должность министром народного просвещения, по представлению попечителя ученого округа... Инспектор студентов и его помощники, в действиях своих, руководствуются инструкцией, данной министром народного просвещения» [110, ст. 446, 452]. Данный устав с незначительными изменениями был актуален для российских университетов вплоть до 1917 года [112].

Ограничения в получении образования для недворянских сословий были усилены и нашли отражение в докладе министра народного просвещения И.Д. Делянова «О сокращении гимназического образования», вошедший в историю, как «циркуляр о кухаркиных детях» [106]. В нем говорилось, что «независимо от возвышения платы за учение, было бы, по крайней мере, нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства» [106, с. 881]. Этим распоряжением попечители учебных заведений обязывались «принять самые строгие и безотлагательные меры к очищению учебных заведений от лиц низших сословий – детей кучеров, лакеев, поваров ... и тому подобных людей, детям коих, ..., вовсе не следует стремиться к высшему и среднему образованию» [106, с. 881]. Плата за обучение, следуя этим же целям, была повышена.

Если к этой политике прибавить «Положение о церковно-приходских школах» 1884 года, способствовавшее их широкому распространению, а также «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах» 1897 года, которые отводили 45% учебного времени изучению предметов, имеющих религиозную направленность, то можно сделать вывод об укреплении консервативной линии в системе образования [89].

После смерти И.Д. Делянова в 1898 году министром просвещения стал Н.П. Боголепов. В обстановке участвовавших случаев студенческих беспорядков внимание министерства было обращено к высшей школе, где в целях сохранения порядка приходилось применять непопулярные меры, такие, как введение должностей инспекторов и надсмотрщиков над студентами. Ситуация обострилась, когда по предложению С.Ю. Витте, занимавшего пост министра финансов, Николай II утвердил «Временные правила» 29 июля 1899 года, согласно которым «воспитанники высших учебных заведений, за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким

беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к такому уклонению, подлежат, ..., удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбывания воинской повинности» [88, с. 935]. Виновником этой инициативы был признан министр Н.П. Боголепова, и в начале 1901 года он был убит в здании министерства [171]. Со смерти министра народного просвещения началась череда убийств крупных русских государственных деятелей в начале XX века.

В целом вторая половина XIX века отметилась в истории реформ полноценным завершением формирования системы российского образования. Были сформированы все основные ступени образования – от начального до дополнительного. Возросло количество образовательных учреждений, увеличилось число обучающихся. По данным Комитета грамотности, проводившего исследование в 1894 году, в России насчитывалось 60592 начальных училищ и школ грамотности, в которых обучалось 2970066 человек [104]. В образовательный процесс были вовлечены миллионы людей разных сословий и возрастов. Значительно повысилась грамотность населения, которая достигла 21% [14]. В городах процент грамотной молодежи достигал 40. Формально образование стало всеобщим для людей любого социального положения, а также без религиозных и национальных ограничений.

Однако в действительность ситуация с образованием была значительно хуже. Далеко не все дети школьного возраста получали даже начальное образование. В среднем по стране лишь треть детей школьного возраста обучалась грамоте [14]. Следовательно, уровень образования оставался низким. Также острым оставался вопрос просвещения народов России.

Таким образом, как пишет М.В. Богуславский, «был нарушен единый вектор образовательной реформы, которая превратилась в череду событий, то меняющих российское образование и выводящих его на новый уровень, то возвращающих его на прежние позиции» [13, с. 6]. В таких условиях без должного внимания оказалась отрасль народного образования. На деле в сельской местности зачастую не хватало приходских школ, нередко они вообще

отсутствовали. Обучение велось в классах по 40-50 человек, в которых работал один учитель, далеко не всегда получивший педагогическое образование. В качестве учителей выступали дьяки, отставные солдаты и т.п. [13].

Задача обеспечения сельских поселений школами осложнялась в связи с крестьянской реформой 1861 года, которая добавила в сферу влияния образовательной политики многие миллионы крестьян, практически исключенных из процесса обучения в прежние времена.

Большую роль в это время в развитии российского образования, в вопросах вовлечения всех слоев общества в его процесс и в реализации некоторых аспектов государственной образовательной программы сыграла просветительская деятельность в сфере образования общественных организаций и меценатов [10, 151, 43, 61]. Значительные успехи их работы во многом способствовали повышению уровня грамотности среди низших слоев населения, в провинциальных городах и деревнях, повышению заинтересованности данных слоев в образовательном процессе и в получении ими возможности дальнейшего, как правило, технического и специального образования. Можно найти немало примеров богатых помещиков и дворян, которые жертвовали значительные финансовые средства на строительство школ для крестьян, оснащение их необходимыми средствами обучения, учебной литературой. Приведем несколько конкретных иллюстраций.

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, более известная как организатор художественно-промышленных мастерских, коллекционер и меценат в области литературы и искусства Смоленской губернии, значительное внимание уделяла просветительской деятельности.

В приобретенном ею в 1893 году селе Талашкине были организованы курсы плодоводства и огородничества, которые к 1900 году переросли в низшую сельскохозяйственную школу с мужским и женским отделениями и трехлетним подготовительным классом, дававшим возможность принимать в школу неграмотных. Помимо общеобразовательной подготовки учащиеся этой школы получали основные познания по сельскому хозяйству [19]. Как писала о своей

школе княгиня М.К. Тенишева в книге воспоминаний: «Через год после существования моей двухклассной школы, видя успехи учеников и прилежание, с которым они взялись за сельское хозяйство, я надумала реформировать мою маленькую школу в так называемую низшую сельскохозяйственную первого разряда. Расширенная программа этого типа школы дала бы возможность выпускать молодых людей, способных вести как свое хозяйство, так и отправлять различные обязанности по сельскому хозяйству в частных имениях» [156, с. 34].

Школа в Талашкине была оснащена лучшим, по тем временам, оборудованием, общедоступной библиотекой, рядом учебно-хозяйственных мастерских, где не только учащиеся, но и местные жители занимались обработкой дерева, чеканкой по металлу, керамикой и т.д., что, помимо образовательного аспекта, способствовало возрождению народных ремесел [8].

Кроме образовательной деятельности княгиня Тенишева осуществляла культурно-просветительскую работу. Из учащихся Талашкинской народной школы был организован народный театр. В имении был создан археологический и этнографический музей, способствовавший не только просвещению населения и сохранению исторических ценностей, но и развитию патриотического воспитания. В 1909 году в Смоленске при ее участии был организован педагогический музей.

Широкую меценатскую деятельность проводили братья Таланцевы в городе Ядрине Казанской губернии (ныне территория Чувашской республики). Имея крупный личный капитал от винокуренных предприятий и издательского дома, большие суммы они тратили на создание и обеспечение школ, благотворительных заведений [42].

Так, в 1906 году после открытия женской прогимназии Ядринская городская управа решила построить реальное училище. Местных средств города и уездного земства было недостаточно, и городской староста обратился за содействием к Торговому дому «Братья Таланцевы». Через год каменное здание училища было выстроено и оценено в 100 тысяч рублей, из которых 32 тысячи оплачены казной, а 68 тысяч – Таланцевыми [42].

В 1909 году за строительство здания реального училища М.М. Таланцев был награжден орденом св. Анны 3-й степени. И потом Михаил Михайлович не раз оказывал помощь учебному заведению в укреплении его хозяйства. Например, в 1916-1917 годах на его же деньги были возведены новые постройки (в том числе жилые дома для персонала) во дворе училища [42].

В 1900 году Таланцевы на свои деньги открыли в Ядрине детский приют трудолюбия в честь великой княгини Ольги Константиновны, откуда ведет свою историю современный детский дом в этом городе. Здесь обучали грамоте, учили переплетной работе более 20 детей. Продуктами, мылом, учебными пособиями приют обеспечивал магазин торгового дома [157].

Старший из братьев Зиновий Михайлович в 1906-1911 годах на личные деньги помог преобразовать прогимназию в полную женскую гимназию. В 1911 году на его деньги был воздвигнут второй этаж прогимназии, где можно было разместить еще 4 класса [42]. Так город Ядрин получил полную женскую гимназию (среднюю школу) [157].

З.М. Таланцев купил парты и другое оборудование, выделял суммы на стипендии беднейшим ученикам. В 1913 году власти разрешили ему быть членом попечительского совета гимназии. А в 1915 году Зиновий Михайлович удостоился награды – ордена св. Станислава 3-й степени.

Примеры меценатской деятельности можно назвать в Псковской губернии. Здесь 6 декабря 1860 г. в уездном городе Торопце открывается детский приют св. Ольги на средства, которые были завещаны статским советником В.Л. Нефедьевым. Приют размещался в его каменном двухэтажном доме. Здесь воспитывались девочки от 3 до 12 лет [96]. Местной Земской Управой ежегодно ассигновалась сумма на содержание приюта в размере 300 рублей, кроме того в его содержании участвовало Торопецкое Городское Общество. В 1905 году приют насчитывал 11 девочек, получавших полное содержание и 37 проходящих, которые платили за обучение 12 рублей в год [96].

Основное внимание в учебном процессе уделялось развитию навыков ведения домашнего хозяйства у воспитанниц. В учебном процессе основное

внимание при обучении отводилось формированию и развитию у воспитанниц навыков ведения домашнего хозяйства. Известны случаи, когда отличницам учебы назначались поощрения и награды, так, например, одной из воспитанниц за успешную учебу была вручена швейная машинка [176].

Примеры меценатства были известны и вдали от центрального региона, в Сибирских губерниях. Крупные предприниматели и купцы 1-й гильдии Алексей Федорович и Елена Григорьевна Морозовы вели благотворительную деятельность в Томской губернии, в городе Бийске. А.Ф.Морозов был почетным блюстителем мужского и женского городских училищ, ежегодно жертвовал на их содержание денежные средства. В 1875 г. он построил каменное здание для городского мужского училища, на его деньги содержалась Николаевская мужская богадельня в Бийске [28]. Совместно с купцом А.В.Соколовым им было выстроено каменное здание для катехизаторского училища. Также он оказывал финансовую помощь барнаульскому Обществу попечения о начальном образовании [28].

Е.Г.Морозова также занималась активной благотворительной деятельностью. Она являлась попечительницей Бийской женской прогимназии, а после преобразования ее в гимназию пожертвовала большую часть средств на строительство здания для нее; почетной блюстительницей Успенского и Николаевского женских приходских училищ. На собственные деньги она построила домовую церковь при юродском мужском училище. С образованием в Бийске Общества попечения о начальном образовании в 1902 г. являлась его бессменным председателем до своей смерти в 1908 года [28].

Одним из самых наиболее известных сибирских меценатов являлся иркутский купец А. М. Сибиряков. Среди его заслуг – строительство Томского университета в 1880 году, на которое им было потрачено 200 000 рублей, за что впоследствии меценат был награжден орденом Святого Владимира III степени [9]. Для нового университета Сибиряковым было приобретено книжное собрание, включавшее 4674 тома из личной библиотеки Жуковского, содержащее многочисленные переводы, маргиналии и дневниковые записи.

Крупные средства были вложены Сибиряковым в создание Высшего Технического училища в Иркутске, открытие народных школ, а также обустройство и оснащение Томского университета [9]. В 1882 году им были переданы зоологические и ботанические коллекции экспедиции А.Э. Норденшельда музеям университета. В 1876 году он передал в дар Иркутской мужской гимназии ряд скульптур и полотен, в том числе работы И.К. Айвазовского [9].

В 1882 году в своем доме он открыл бесплатную народную школу, рассчитанную на 80 учащихся. Всего на строительство и оснащение народных школ им было пожертвовано около 800 тысяч рублей [9]. Крупные суммы он перечислял в фонд Общества вспомоществования учащимся Восточной Сибири [9].

Подобные примеры ярким образом иллюстрируют глубину и распространенность гуманистической просветительской идеи в среде российского дворянства и российской интеллигенции второй половины XIX-начала XX века. В основном их меценатская деятельность касалась материально-бытовых вопросов, таких, как строительство школ, училищ, гимназий, оснащение их учебниками и иными необходимыми средствами обучения, организация фондов, стипендий и денежных выплат в поддержку учителей. И, как правило, эти работы проводились в отдаленных, провинциальных регионах и в сельской местности, где особенно остро стояли проблемы низкой грамотности населения, причем не только детей, но и взрослых.

Кроме того, тратились средства на поддержку творческой интеллигенции, а также просвещение взрослого населения, открытие публичных библиотек, читальных домов и др. Не всегда в таких ситуациях речь шла об альтруизме и заботе о ближнем [172]. Как и в настоящее время, многие меценаты вели благотворительность в собственных целях. Только если сейчас это делается ради рекламы своего имени или компании, либо списания налогов, либо в рамках предвыборной агитации, то в XIX веке целью меценатов было получение высоких званий и даже родовых титулов, которые назначались за благотворительность,

либо получение денежных средств и укрепление своего положения в обществе. Примером тому может быть смоленская мужская частная гимназия, учрежденная 28-летним чиновником Н.П. Евневичем. Не имея собственных средств на проведение необходимых работ, им было подготовлено соответствующее прошение в Министерство народного просвещения в ноябре 1905 года. Основные финансовые заботы ложились на плечи министерства, а одним из пунктов прошения было условие, по которому сам Н.П. Евневич назначался директором будущей гимназии. Безусловно, созданное учебное заведение послужило на пользу губернии, однако и сам чиновник получил значительную материальную выгоду и повысил свой социальный статус [58].

Однако значительную долю меценатов составляли люди иных взглядов, преследовавших исключительно общественно-полезные цели. Для большинства из них благотворительность стала практически образом жизни, чертой характера. Многие крупные банкиры и фабриканты были потомками купцов-старообрядцев и унаследовали от них особое отношение к богатству и предпринимательству. Исследователь московского купечества П.А. Бурышкин в своей книге «Москва купеческая» отмечал, что меценатство для предпринимателей в России воспринималось как нечто большее, чем просто оказание помощи, скорее как выполнение предназначения, долга перед народом и своей страной [15, с. 36].

«В России же меценатство для предпринимателей – это был, прежде всего, патриотический долг перед Родиной, – подчеркивает Д. Толоконников, потомок династии Рябушинских. – Они считали, что если Бог наградил их деньгами с какой-то целью, то целью этой была благотворительная деятельность и помощь ближнему своему. То есть в России было истинное меценатство, когда люди жертвовали деньги на благое дело, не ожидая взамен каких-то определенных почестей, они делали это не во славу себе. Именно это и являлось характерной чертой российского меценатства, его нравственной особенностью» [32, с. 104].

Как характерный пример, Д. Толоконников описывает Арсения Ивановича Морозова: «Этот человек, располагающий огромными средствами, тем не менее, постоянно чувствовал себя в долгу перед Родиной, пред Богом и людьми, и

работал, возвращая этот долг тем, что давал людям рабочие места, строил храмы и больницы, жертвовал нуждающимся, давал образование детям рабочих. Это был нормальный путь развития отношений богатства и бедности, сопряженный с высокой религиозностью и нравственностью» [32, с. 109]. При этом Д. Толоконников отмечает, что иностранцев среди крупных промышленников и торговцев, ведущих меценатскую деятельность, практически не наблюдалось [32].

Благотворительная деятельность зачастую отличалась большим профессионализмом и именно поэтому принесла столь значительные результаты для русской культуры. Ведь «стремление что-либо сделать для отечественной культуры и желание делать это бескорыстно ещё не значит приносить ей ощутимую пользу... Профессионализм в меценатстве это еще и обладание особым даром инициативы, интуиции видеть и делать то, что для отечественной культуры имело непреходящее значение» [32, с. 110].

Говоря об общем настрое просветительской инициативы в России второй половины XIX века, Д. Толоконников подчеркивает: «Исключительно важно отметить и то, что подлинная меценатская деятельность не носит разовый характер, не проявляется в случайных или разрозненных акциях. Только имея тенденцию к постоянству и системности, меценатство утверждает свою значимость в национальной культуре» [32, с. 110].

Роль меценатства для российского общества Д. Толоконников оценивает следующим образом: «Ратуя за возрождение национальных традиций, предлагая способы и средства для поддержания отечественного меценатства в современных условиях, необходимо учитывать его подлинное содержание, сложившееся в русской культуре исторически. Речь в данном случае идет не о «вредных» и трудно реализуемых на практике отделениях «истинных» меценатов от «неистинных», а о том, чтобы не подменять масштабных понятий явлениями случайного порядка и разового характера. Предпринимательская благотворительность играла существенную роль в жизни российского общества. Она была формой поддержки неимущих слоев населения и способом улучшения жизни работающих. Меценатство имело важное значение для самих

предпринимателей. Будучи, как правило, людьми религиозными, русские предприниматели считали необходимым помогать нуждающимся, чтобы «искупить» свою жесткость в деловой сфере, оправдать богатство и заслужить прощение за совершенные грехи. Обладая большой практической сметкой, предприниматели стремились направить деньги на благоугодное дело, также максимально целесообразно делая то, что могло бы принести пользу Отечеству или нуждающимся» [32, с. 112].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что курс образовательных реформ, проводимых в России во второй половине XIX века, не был выдержан в едином векторе, вследствие чего не мог обеспечить достижения планируемых результатов и удовлетворить запросы общества. Сильнее всего от этого страдало народное образование, поскольку, помимо вышеизложенной проблемы, имела место нехватка финансирования и материального обеспечения. В сложившейся ситуации важную роль в развитии и распространении образования сыграла просветительская инициатива в сфере образования прогрессивно мыслящих меценатов, создававших и содержавших учебные заведения преимущественно за свой счет, образцы которой были широко известны во многих губерниях России, и которая служила стимулом и нравственным ориентиром для аристократов и землевладельцев, желавших внести свой вклад в развитие российского образования.

1.2 Ретроспектива проблемы женского образования в России

Одной из наиболее острых проблем системы образования второй половины XIX – начала XX века было женское образование. На начало данного периода женщины не принимались в университеты, школы для девочек являлись редкостью, а программа в них качественно отличалась от обучения в мужских учебных заведениях, специализируясь в основном на, так называемых, «женских»

обязанностях, к которым относились рукоделие, умение вести домашнее хозяйство и прочее.

С древних времен проблема женского образования была актуальна практически для всех культур. История приводит не многочисленные примеры образованных женщин, так в Древней Греции существовали гетеры (подобные японским гейшам), которые обучались искусствам (музыке, поэзии, литературе), а также философии, политике в рамках познания основных событий, с целью поддержания беседы с мужчиной [83]. Среди наиболее известных из гетер можно назвать Аспазию, имя которой дошло до нас из трудов Плутарха. Согласно их текстам Аспазия долгое время была любовницей Перикла, в связи с чем общалась в среде интеллектуальной элиты и оказывала, по мнению автора, большое влияние на политическую жизнь Афин [87]. Приводя цитату Плутарха: «Что касается Аспазии, то, по некоторым известиям, Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах. Да и Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения...» [84]. И далее: «У Платона... написано..., что эта женщина славилась тем, что многие в Афинах искали ее общества ради ее ораторского таланта» [84]. Одно время в Афинах даже существовал слух, что Аспазия писала для Перикла речи его выступлений [84].

Обычная гражданка получала в то время лишь необходимый минимум образования: умения читать, писать, считать, иногда сюда добавлялось физическое воспитание, а также необходимые навыки ведения домашнего хозяйства.

Иным является пример Древней Спарты, в которой женщины посещали учебные заведения (гимназии) наравне с мужчинами. В основе спартанского женского воспитания лежала идея того, что «способности одинаково распределены между полами, и все занятия доступны по природе и женщине, и мужчине» [86]. Девушки наравне с юношами занимались и физическими упражнениями, поскольку, как отмечает Ксенофонт в описании Спартанского

государства, «от здоровых и сильных супругов и дети будут сильными и здоровыми» [49].

В эпоху Средневековья монополия на образование, как мужское, так и женское, принадлежала церкви. Женщинам привилегированных сословий надлежало обладать умениями чтения, письма, умением разбираться в поэзии и искусстве, поддержать беседу. Нередкими были случаи отправления девочек из дворянских семей в женские монастыри, где они дополнительно получали религиозное воспитание. Зачастую девочки находились на домашнем обучении с приходящим священником. Что касается других сословий, в это же время появляются первые учебные заведения для девочек в европейских городах. Так, еще в XIV веке во Флоренции были созданы специальные школы для обучения дочерей ремесленников. Поскольку дочь и жена мастера были заняты вместе с ним в мастерской, то и обучение ремеслу они получали на одном уровне [37].

Эпохой расцвета женского образования можно назвать время Ренессанса, когда женщина смогла получить образование на одном уровне с мужчиной, а родители отдавали на обучение домашним учителям, как сыновей, так и дочерей. Однако сохранялась разница в содержании образования. Женщины обучались в духе воспитания домашней хозяйки, тонкой и чувствующей натуры, поэтому основными предметами являлись литература, музыка, искусство, живопись, рукоделие, иногда иностранные языки.

С конца XVII века появляются учебные заведения для девочек из аристократических семей, как правило, закрытые пансионы, в которых готовили жен для правящей элиты. С XIX века масштабы женского образования расширяются, появляются школы для бедняков, в том числе и женские, как, например, в Англии, Франции, Германии, программа которых была направлена на их подготовку для работы горничной. При мануфактурах создаются курсы ткачества, в которых, помимо обучения навыкам работы со станками, преподавали также счет и грамоту [38].

С 60-х годов XIX века сфера женского образования в Европе и США получает свое развитие. Открываются начальные и средние школы для девочек с

программой тождественной мужским учебным заведениям, кроме дополнительных специальных предметов, таких, как рукоделие. Вскоре женщины получают доступ и к высшему образованию, первыми университетами на этом поприще стали Цюрихский в Швейцарии и Сорбонна во Франции [169]. В 1873 году при участии английской феминистки и общественного деятеля Эмили Сары Дэвис учреждается первое высшее образовательное заведение для женщин – Джиртонский колледж, находившийся в составе Кембриджского университета[167].

Что касается вопроса женского образования в России, первыми сообщениями этой тематики становятся упоминания В.Н. Татищева о девичьем училище в Киеве при Андреевском монастыре, основанном в 1086 году сестрой князя Владимира Мономаха Анной Всеволодовной: «Всеволод заложил церковь святого Андрея при Иоанне Добром, митрополите русском, и построил при церкви оной монастырь женский, в котором постриглась первая дочь его девица Анка. Собравши же молодых девиц неколико, обучала писанию, також ремеслам, пению, швению и иным полезным им знаниям, да от юности навыкнув разумети закон божий и трудолюбие, а любострастие в юности воздержанием умертвляют» [155, с. 138]. Здесь девочек обучали чтению, письму, пению, швейному делу. В XII веке в Полоцком княжестве при монастырях, построенных по инициативе Евфросинии Полоцкой, обучались монахини и женщины-мирянки [74]. Здесь девочки обучались помимо чтения и письма основным правилам поведения, среди которых были: «ступать следует кротко, говорить – смиренно, при этом слова не должны быть ни грубыми, ни оскорбительными по отношению к другим людям» [40, с. 147]. В обществе старших девочкам надлежало молчать, проявляя тем самым уважение, помогать бедным и увечным [40].

Однако уровень распространения женского образования оставался по-прежнему низким. В поучениях митрополита Данила, датированных XVI веком, говорилось, что обучение необходимо получать не только монахам, но и мирянам, причем обоого пола[41].

В том же XVI веке был составлен сборник наставлений, посвященный вопросам быта, ведения хозяйства и воспитания детей – «Домострой». Касательно педагогических указаний, его текст требовал воспитания детей в «страхе божиим» [36], соблюдения религиозных обрядов, послушания старшим, пропагандирует суровую дисциплину, с применением телесных наказаний. Вместе с тем он призывает родителей любить своих детей, заботиться о них, об их росте и развитии и применять столь жесткие методы исключительно в целях воспитания трудолюбия, вежливости, бережливости:

«А пошлет Бог кому детей, сыновей и дочерей, то заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в добром навыке: учить страху божию и вежливости, и всякому порядку. А со временем, по детям смотря и по возрасту их, учить рукоделию, отец - сыновей, мать - дочерей, кто к чему способен, какие кому Бог способности даст» [36, с. 16]. Что касается воспитания девочек, то, как следует из приведенной цитаты, оно обеспечивалось матерью, которая обучала свою дочь необходимым для домашнего быта навыкам. В свою очередь нравственное и религиозное воспитание было общим для всех и опережало по времени трудовое.

К началу XVIII века Россия вышла на новый этап экономического и культурного развития, отставая, тем не менее, от западноевропейских государств. Это определило курс Петра I на масштабную реорганизацию политической, социальной и культурной жизни страны, развитие промышленности и новых форм производства, а кроме того, создание самой мощной армии в Европе, что в свою очередь требовало развития науки и образования. В связи с чем важным аспектом государственной деятельности Петра I стали реформы в области просвещения, наряду с которыми были сделаны некоторые шаги по вопросу развития женского образования.

Девочки из дворянских семей обучались на дому танцам, музыке, иностранным языкам, вместе с гувернантками они изучали светские манеры, рукоделие. Основу их воспитания составляло привитие вежливости, обходительности в общении. Отдельные школы для девочек в это время

существовали в Прибалтике, в Москве с 1694 года, в Петербурге с 1703 года. Появлялись также частные школы, где девочки обучались чтению, иногда и письму [34].

Одним из указов Петра I от 1724 года было предписано монахиням «воспитывать сирот обоего пола и обучать их грамоте, а девочек сверх того прядению, шитью и другим мастерствам» [25, с. 141].

Ко второй половине XVIII века возросло число частных пансионов для девочек из привилегированных сословий, большую часть которых содержали иностранцы, в основном французы. Как правило, в таких учебных заведениях существовало разделение детей по полу, лишь иногда мальчики и девочки обучались совместно. Основная часть таких пансионов находилась в Петербурге и Москве. Сроки обучения в них определялись самим содержанием [163].

Однако, несмотря на некоторые изменения и новшества, уровень образования женщин в России ко второй половине XVIII века оставался недостаточным и ограничивался, как правило, домашним обучением. Воспитание девочек считалось делом семейным, подбор учителей осуществлялся родителями, которые нередко были вынуждены обращаться к услугам иностранцев, далеко не всегда компетентных ни в вопросах воспитания, ни в преподаваемых предметах: «большая часть не токмо учить науке не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали» [91, с. 436]. В 1755 году был издан указ, определявший иностранцам необходимость сдачи экзамена, предварявшего их педагогическую деятельность, однако, практического применения он не имел [91].

Развитие просветительских идей в обществе отчасти способствовало и развитию женского образования. В 1754 году в Петербурге и Москве были учреждены первые акушерские школы, впоследствии появившиеся и в других городах [75].

Екатерина II, начав свое царствование в 1762 году, взяла курс на улучшение ряда социальных аспектов, в том числе на развитие образования в стране. С этой

целью для разработки проектов реформирования был привлечен личный секретарь императрицы, президент Императорской Академии искусств И.И. Бецкой (1704-1795 гг), который был знаком с трудами французских просветителей и устройством европейских образовательных учреждений. По его инициативе в 1763 году в Москве открывается воспитательный дом с госпиталем. Позднее подобные учреждения создаются в других городах: Петербурге, Архангельске, Томске, Пскове, Гродно [105].

В 1764 году И.И. Бецким был составлен доклад для императрицы о реорганизации дела воспитания детей в России – «Генеральное учреждение о воспитании обоого пола юношества», который вступил в силу на законодательном уровне. Его текст говорит о необходимости воспитания в России «новой породы людей» всех сословий с помощью создания закрытых образовательных и воспитательных учреждений, обучение в которых проводилось бы с возраста 5-6 лет и до достижения 18-20 лет: «Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоого пола детей, которых принимать отнюдь не старее как по пятому и по шестому году» [150, с. 4]. Все время обучения дети должны быть изолированы от влияния общества: «И так о воспитании юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, как выше показано, от пятого и шестого до осьмнадцати и двадцати лет безвыходного в училищах пребывания. Во все же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые ближние сродники хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не иначе как в самом училище, а то в присутствии их Начальников» [150, с. 4]. О ценности воспитания И.И. Бецкой говорит следующее: «По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитание: достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не иначе можно как избрать средства к тому прямые и основательные. Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие

получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям; и так следуя из родов в роды в будущие веки» [150, с. 3].

Говоря о женском образовании, И.И. Бецкой признавал его важную роль, особенно в вопросах воспитания детей раннего возраста. В документе «Генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение вдовьей, ссудной и сохранной казны, в пользу всего общества» он пишет: «Но мы, мужчины, столь тщеславимся превосходством в крепости сил своих, столь горды и при том столь упрямы и неправосудны, что и в приобретении наставлений, к просвещению разума потребных, препятствуем такому полу, которому мы... за все одолжены» [29, с. 23].

Важным этапом развития женского образования в России можно считать 1764 год, когда по проекту И.И. Бецкого и согласно указу императрицы Екатерины II от 5 мая 1764 года в Петербурге было открыто Воспитательное общество благородных девиц [4]. Общество было рассчитано на 200 воспитанниц, при нем дополнительно создавалось училище для девушек мещанского сословия на 240 учениц. Как гласит текст указа «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге ...»: «Для пользы всего государства ... восхотели Мы учредить такое же воспитание; и потому назнача в Санкт-Петербурге новостроющийся Воскресенский монастырь, в коем бы содержалось завсегда до двух сот благородных девиц» [90, с. 742].

С 1843 года появляются средние учебные заведения для дочерей духовенства – епархиальные училища [92]. В 1844 году появилось предписание об открытии особых школ для девочек в тех населенных пунктах, где их количество было не менее 25. Однако большого количества учащихся эти школы в реалиях крепостной России привлечь не могли [162].

С середины XIX века сеть женских учебных заведений была несколько расширена, что явилось следствием влияния общественно-педагогических движений, развития прогрессивной педагогической мысли [152, 71, 98], также возросли возможности обучения девочек в совместных школах. Однако

воспользоваться ими по-прежнему могли девочки исключительно из состоятельных семей [44, с. 217].

К 60-м годам XIX века все чаще поднимается вопрос об обучении девушек низших сословий [48]. В 1861 году императором Александром II учреждается Особый комитет по проблемам совместного школьного обучения мальчиков и девочек [53]. Для его организации были выбраны воскресные школы, куда девочки были допущены вместе с мальчиками.

Однако изменения в женском образовании встретили сопротивление консерваторов, считавших, что система закрытых сословных учреждений лучше подходит для воспитания девушек, поскольку дает уверенность родителям «что их дочери будут встречаться в школе с равными им и что на их успехи, приемы, поведение и манеры будет обращено особое внимание» [26, с. 67].

30 мая 1858 года утверждается «Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения» [93]. Согласно его тексту содержание данных училищ лежало главным образом на средства благотворителей и благотворительных организаций, общественных деятелей, правительством финансовая поддержка обеспечивалась лишь в особых случаях. Приведем цитату из данного документа: «Училища для девиц учреждаются в городах, коих жители наиболее нуждаются в средствах для образования дочерей своих, и где представится возможность дать училищу необходимые для открытия и обеспечения существования онаго способы от Правительства, от разных ведомств и сословий или от частных пожертвований» [93, с. 689].

Контингент женских училищ составляли девочки городского сословия. Согласно тексту «Положения», вводились шестигодичные и трехгодичные разряды училищ. Учебные предметы в них были одинаковыми, однако различия содержались «в объеме собственно научного образования, имеют одну цель сообщить ученицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины» [93, с. 690].

В училищах первого разряда преподавались: «а. Закон Божий, б. Русский язык, в. Арифметика и понятия об измерениях, г. География, д. История, е.

Некоторые сведения из Естественной Истории, ж. Чистописание и з. Рукоделия. К предметам необязательным относятся: Французский и Немецкий языки, рисование, музыка, пение и танцевание» [93, с. 691]. Последние дисциплины проводились «за особую плату, по соглашению с Начальницею училища» [93, с. 691]. В училищах второго разряда преподавались Закон Божий, краткая грамматика русского языка, сокращенная русская история, география, начала арифметики, чистописание и рукоделие [93, с. 691].

Первое училище для приходящих учениц появляется в Петербурге по инициативе инспектора Павловского женского института Н.А. Вышнеградского в 1858 году [96]. Впоследствии они открываются и в других городах: Вологде, Самаре, Твери, Смоленске, Туле, Великом Устюге, и др. [30]. К 1865 году их число составило 176 [30]. В училища принимались девочки всех сословий (кроме крепостных) в возрасте 9-13 лет. Большую часть из них по-прежнему составляли девочки из привилегированных сословий. В 1858 году из 162 учениц, поступивших в училище, 97 были дворянского сословия, 21 купеческого, 12 – из семей духовенства, 30 из мещанских семей и лишь одна крестьянка [163].

Целью данных училищ было не только общее образование своих воспитанниц, но также их подготовка к общественной жизни. По окончании учебы воспитанницы получали звание домашней наставницы, вследствие чего при Петербургском мариинском училище в 1860 году был открыт одногодичный педагогический класс, впоследствии реорганизованный в двухгодичные педагогические курсы, готовившие учительниц и воспитательниц [52]. На курсах имелось два отделения: гуманитарное и естественно-математическое. Поступать на курсы могли как выпускницы женских училищ, так и выпускницы институтов благородных девиц [73].

В дальнейшем, по мнению кандидата педагогических наук И.М. Гриневич, отраженному в статье «Формирование правового статуса женского гимназического образования в XIX веке», «период общественного подъема 60-х годов, вынудивший царское правительство пойти на известные уступки

общественной инициативе в области образования вообще и женского в частности, сменился эпохой реакции» [30, с. 11].

Уже в 1864 году содержанию естественных наук, преподаваемых в женских училищах, было предписано ориентироваться на Закон Божий [87]. Консервативный курс в развитии женского образования, как и системы российского образования в целом, связан с началом деятельности министра народного просвещения Д.А. Толстого, который считал воспитание женщины состоявшимся только в том случае, если «воспитание ее будет направлено сообразно с видами и желаниями благомыслящего правительства» [50, с. 11].

В 1870 году учреждается «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения». Согласно ему женские училища первого разряда были переименованы в женские гимназии, а училища второго разряда – в прогимназии. Их содержание по-прежнему оставалось значительным образом в руках земских и общественных, а также благотворительных организаций, лишь десятую часть своего бюджета получая из государственных средств [111].

Новое «Положение» ограничивало общественную инициативу [77]. В ведомстве попечительских советов оставалось изыскание материальных средств и содержание хозяйственной составляющей женских гимназий и прогимназий. Утверждение программ преподавания, учебной литературы, объемов изучения тех или иных предметов отныне находилось под контролем министерства и не допускалось к обсуждению педагогическими советами учебных заведений. Обращаясь к тексту «Положения»: «Объем преподавания предметов, распределение их по классам, число уроков по каждому предмету, правила испытания учениц при поступлении, переводе из класса в класс и по окончании курса, а равно и другие подробности, относящиеся к учебному делу, определяются особою инструкцією министра народного просвещения» [109, пар. 29].

Новое «Положение» сохраняло наличие в учебном плане обязательных и необязательных предметов, однако стремилось повысить практичность получаемого образования, что достигалось сокращением содержания

преподавания. Так, к обязательным относились: Закон Божий, русский язык (объяснительное чтение и начальные основания грамматики), русская история и география в сокращенном объеме, арифметика (первые четыре действия над целыми числами с возможно практическим приспособлением к ведению счетов), чистописание и рукоделие. Среди необязательных предметов были иностранные языки (французский и немецкий), рисование, музыка, пение, обучение которым производилось за отдельную плату [111].

В целях достижения единообразия работы учебных заведений, министерством утверждаются учебные планы и программы [31]. Таким образом, в 1874 году были выпущены первые общегосударственные программы для женских гимназий и прогимназий. Согласно им в курс обучения была включена алгебра, а в число необязательных предметов педагогика.

Смена названий женских училищ на гимназии и прогимназии имело своей задачей показать их соответствие мужским учебным заведениям того же уровня, однако в реальности женские гимназии давали значительно меньший объем знаний при общем равенстве количества времени обучения и преподавания отдельных предметов [34].

В 80-е годы XIX века реакционная политика государства в отношении женского образования была продолжена. Министр народного просвещения И.Д. Делянов во всеподданнейшем докладе 1884 года отмечал: «учреждение в последнее время, начиная с 60-х годов большого количества женских гимназий и прогимназий... отражается теперь неблагоприятно на образовании девиц, которые стремятся ... в различные женские курсы как в России, так и за границей; причем большинство увлекается не столько научными занятиями, сколько ложным стремлением и желанием выйти из своей семьи и из своей среды, оставить обыденные обязанности и добиться прав, едва ли соответствующих призванию женщины. С другой стороны, нельзя считать правильным, что женские учебные заведения, ..., назначены не только давать воспитание и образование учащимся в них девицам, но и права на звание домашних и начальных учительниц, чем они

привлекают к себе и таких лиц, которым свойственно было бы искать элементарного образования» [101, с. 661].

Следствием реакционной политики государства в сфере женского образования стал привилегированный характер женских учебных заведений, обучаться в которых могли, главным образом, девочки дворянского сословия и прочих обеспеченных семей. Несмотря на провозглашенную всесословность женского образования, ведомство императрицы Марии также участвовало в реализации общего вектора закрытости учебных заведений для девочек из малоимущих семей и низших слоев путем повышения платы за обучение, которая к концу 80-х годов составляла 65-70 рублей в год в петербургских и 40 рублей в год в губернских гимназиях, а к 1887 году повысилась до 100 рублей в год [46].

Со второй половины XIX века появляются частные женские гимназии, соответственные по уровню подготовки мужской средней школе. Подобной стала гимназия С.Н. Фишер, открытая в Москве в 1872 году [73]. В 1876 году выпускницы гимназии получили следующие преимущества: кончившие шестилетний курс обучения удостоивались звания домашней учительницы, выпускницы, кончившие обучение с отличием – домашней наставницы. С 1879 года к этим преимуществам добавилась возможность получения аттестата, дававшего право преподавать в четырех низших классах мужских прогимназий и гимназий, а также в женских гимназиях [73]. С 1895 года выпускницы гимназии С.Н. Фишер получили право высшего образования в университетах без дополнительных испытаний [73].

В этот же период появляются две женские гимназии в Петербурге: в 1868 году открывается частная женская гимназия М.П. Спешневой, выпускницы которой также могли обучаться на высших курсах, в 1870 году – гимназия княгини А.А. Оболенской, не уступавшая по содержанию образования от мужского реального училища [73].

Помимо женских гимназий открываются институты – закрытые учебные заведения для девушек. Согласно Уставу женских учебных заведений, ведомства учреждений императрицы Марии 1855 года существовало три разряда

институтов: первый (высший), предназначенный для девушек из дворянских семей, а также семей гражданских и высоких военных чинов; второй (средний), для дочерей гражданских и военных обер-офицеров, купцов, почетных граждан; третий (низший) для девушек из прочих сословий. Первые два разряда давали выпускницам звание домашней наставницы и учительницы. Программа обучения в них важное место отводила эстетическому воспитанию и таким предметам, как пение, танцы, музыка, рисование. Третий разряд специализировался на предметах профессиональной подготовки, рукоделия и ведения домашнего хозяйства [161, пар. 105-110].

Помимо гимназий и институтов со второй половины XIX века с разрешения синода появляются епархиальные училища. Согласно утвержденному в 1868 году единому Уставу женских епархиальных училищ данный тип учебных заведений провозглашался полузакрытым, то есть часть воспитанниц проживала в интернате, а часть – вне территории училища [102]. За удвоенную плату в епархиальные училища принимались дети не из семей духовенства, так в 1889 году около 15% воспитанниц училищ составляли девочки из других семей [46].

Обучение в епархиальном женском училище было рассчитано на шесть лет [119]. Программа включала Закон Божий, русский язык и русскую литературу, теорию словесности, историю, арифметику и общие основы геометрии, общую физику, педагогику, чистописание и церковное пение [160]. Также обязательными являлись рукоделие и ведение домашнего хозяйства. За дополнительную плату преподавались музыка, рисование, а также иностранные языки. Несмотря на обширный перечень учебных предметов, основная программа обучения была крайне краткой. Подробные программы составлялись самими училищами, однако они должны были быть утверждены епархиальными властями, причем объем и содержание обучения четко регламентировались уставом 1868 года, а следовательно, не могли выйти за рамки дозволенного минимума [54].

Выпускницы епархиальных училищ становились учительницами церковно-приходских и начальных народных школ [116]. В целях большей педагогической подготовки при училищах открывались школы разных типов, в которых

воспитанницы проходили практику. К 1889 году из 41 епархиального училища подобные школы были открыты в 23 из них [45].

В целом на вторую половину XIX века женское среднее образование значительно уступало мужскому и по уровню, и по степени распространенности и не соответствовало потребностям [30].

Женское профессиональное образование в обозначенный период также было развито недостаточно, что отчасти было связано с положением женщин в различных сферах социальной жизни. Несмотря на расширяющиеся либеральные тенденции и развитие капиталистических отношений, а следовательно и уровень вовлечения женщин в производственный процесс и общественную жизнь, ни правительством, ни деятелями народного образования не считалось необходимым получение женщинами образования, равного по уровню и глубине мужскому. Цитата из доклада на I съезде по техническому и профессиональному образованию говорит о профессиональном образовании женщин следующее: «Назначение жизни женщины - это семья... всякого рода познания, и общеобразовательные, и ремесленные, нужны ей в семье и для семьи» [154, с. 16]. Следовательно, уровень познания женщин в учебных предметах должен ограничиваться необходимым минимумом, способным обеспечить ведение домашнего хозяйства и воспитание детей в дошкольный период.

На период конца XIX – начала XX века проблема женского образования остается острой и имеет по-прежнему ряд важных неразрешенных вопросов, несмотря на рост числа женских учебных заведений и количества обучающихся в них (с 1856 по 1893 годы число девочек средних школ увеличилось в 12 раз) [44]. Важной проблемой оставался уровень подготовки в женских учебных заведениях, как правило, значительно уступавший мужским учебным заведениям того же типа, а также общая социальная и политическая тенденция закрепления неравенства полов, шедшая в разрез с общемировыми и даже российскими прогрессивными идеями того времени. По-прежнему высшее образование было практически недоступным для женщин. Учебные заведения содержались во многом на частные средства [35].

Следовательно, проблема женского образования в России, как и во многих странах мира, являлась краеугольным камнем образовательной системы, препятствиями на пути решения которой зачастую выступали консервативность мышления и патриархальность устоев, сложившихся в обществе. Поэтому забота об обучении девочек считалась прогрессивным шагом в деятельности, как министров, так и меценатов-гуманистов.

1.3 Организация женского образования на Смоленщине

Началом формирования системы женского образования в Смоленской губернии можно считать первую половину XIX века, когда в городе Смоленске были учреждены первые частные женские пансионы. Согласно тексту «Устава учебных заведений, подведомых университетам», изданного Императором Александром I в 1804 году, уездные училища и гимназии предназначались только для юношей, и девочки к обучению не допускались [86, с. 626]. Однако пансионная форма учебного заведения была доступна лицам обоего пола. Ограничение касалось лишь отдельного обучения мальчиков и девочек: «пансионы должны быть учреждены для детей одного только которого-нибудь пола, так, чтобы никогда не воспитывались дети обоего пола вместе» [86, с. 643]. 12 января 1835 года к этому документу добавилось «Положение о частных учебных заведениях», которое регламентировало порядок функционирования частных пансионов и училищ, указав, что управлять женскими пансионами могут только «лица женского пола» [183, с. 2]. Исключение составляли лишь образовательные учреждения, подконтрольные Духовному ведомству [85]. Все это осложняло процесс появления женских учебных заведений, добавляя к финансовым и материальным проблемам юридические.

В своем диссертационном исследовании Н.А. Дмитриева отмечает, что осознание правительством необходимости организации женского образования в

России как требования времени к началу 1850-х годов побудило его принять ряд мер по расширению частной инициативы в организации женских школ и пансионов и упразднению ряда положений, ограничивающих работу частных учебных заведений [152]. Это, несомненно, дало стимул для развития сети образовательных учреждений, в первую очередь частных пансионов, «поскольку женское образование изначально считалось элитарной прерогативой и было направлено преимущественно на дворянское сословие, среди частных пансионов и женских школ преимущество отдавалось в основном пансионам, поскольку они предполагали более высокий уровень обучения, сходный по уровню с уездными училищами, в то время, как школы обеспечивали лишь уровень начального образования» [80, с. 251].

Информация о времени возникновения первого частного женского пансиона в Смоленской губернии неоднозначна в разных источниках. По данным смоленского краеведа М.В. Аксенова, опубликованным в книге «Очерки из истории народного просвещения в Смоленском крае», подобные учебные заведения существовали в начале XVIII века [1], П. Любимов в книге «Исторический очерк Смоленской Мариинской женской гимназии» дает более конкретную дату – 1824 год [55]. Публицист Ф.Ф. Шперк, составляя краткий очерк истории народного образования в Смоленской губернии, приводит период 40-х годов XIX века [166]. В результате исследования архивных источников Н.А. Дмитриева называет дату 1819 год. В это время, согласно документам Смоленского архива, был открыт первый женский частный пансион Екатериной Фалькенштейн в Вязьме [188]. Сведений о работе и сотрудниках пансиона до настоящего времени не сохранилось. Однако, открытие женского учебного заведения не в губернском центре говорит о наличии достаточно высокой потребности в женском образовании на Смоленщине.

Спустя год в 1820 году уже в Смоленске открывается женский пансион Е. Петровой, однако вскоре он был закрыт [179].

С июня 1824 года открывается пансион Е. Февизио [180], рассчитанный на обучение 20 воспитанниц.

До середины XIX века число частных женских пансионов в Смоленской губернии росло. По данным Смоленского архива, в 1830-е годы в губернии насчитывалось лишь три пансиона, а в 1850-е годы их было уже 8, а именно: пансионы Е. Гартброт, Э. Розенплентер, А. Хведкевич, М. Макалинской, Е. Зенкович, Е. Де-Бональ, Е. Широковой, А. Го [196]. Помимо губернского центра пансионы появляются и в уездных городах. В 1848 году Шарлотой Эрихсон был открыт женский пансион в Рославле, где преподавали учителя из местного уездного училища [197].

По своему уровню пансионы для девочек «занимали промежуточное положение между начальными и средними учебными заведениями. В традиционный набор учебных предметов входили: Закон Божий, русский язык, иностранные языки (французский, немецкий), арифметика, география, всеобщая и российская история, рисование, рукоделие, танцы [80, с. 251]. Могли присутствовать и дополнительные предметы, например, курсы логики и риторики в гимназии Е. Февизио [193].

Формы содержания пансионов были различны: пансионная, полупансионная и приходящая. Провинциальные содержательницы чаще ориентировались на образец закрытых женских учебных заведений ведомства Императрицы Марии и организовывали полное проживание учениц. К середине XIX века распространение получило пребывание в пансионе с утра и до окончания занятий, включая завтрак и обед (полупансионная) и присутствие только при изучении курса предметов (приходящая). Популярность последних двух форм, вероятно, связана с повышением общественного спроса на обучение в женских пансионах, поскольку они позволяли содержать гораздо большее количество воспитанниц [97].

С середины 1850-х годов престижность частных женских пансионов возрастает. В связи с этим повышается и качество обучения в них. Примером может послужить один из самых знаменитых пансионов Смоленской губернии, принадлежавший Е.Ф. Зенкович. Он был рассчитан на 40 учениц, 10 из которых проживали в нем, а 30 являлись приходящими. Преподавание учебных предметов

было устроено на фундаментальном уровне. Основная часть преподавателей приглашалась из лучших гимназий города. Как отмечала газета «Смоленские губернские ведомости»: «госпожа Зенкович сильно желает дать правильное устройство своему заведению, сообразуясь с понятиями нынешнего века о воспитании» [113].

В своем исследовании Н.А. Дмитриева отмечает и ряд недостатков частных женских пансионов. Среди них: малочисленность и их территориальная организация преимущественно в губернском центре, высокая плата за обучение, вследствие чего они оставались элитарным учебным заведением для девочек из состоятельных семей дворянского и купеческого происхождения. Одной из самых низких была плата за обучение в пансионе Е. Зенкович: 130 рублей с полных пансионеров. В среднем же плата составляла 300-500 рублей в год [152]. Кроме того, деятельность пансионов полностью зависела от их содержательниц, в связи с чем они работали, как правило, не регулярно и закрывались в случае болезни, переезда, либо банкротства. Как, например, пансион Е. Февизио, закрытый в 1834 году по причине болезни содержательницы [182], или пансион Зенченко [185], который был закрыт в 1840 году из-за смены места службы ее мужа и переезда в другой город (спустя два года супруги вновь вернулись в Смоленск, и пансион возобновил свою деятельность) [195].

В 1858 году выходит положение Министерства народного просвещения о женских училищах [93], вместе с этим в Смоленске открываются женские гимназии и прогимназии, предоставлявшие достаточно высокий уровень образования, вместе с тем, «будучи ориентированными на среднее сословие, плата за обучение в них была низкой (15-25 рублей в год)» [80, с. 251]. Число женских пансионов начинает сокращаться. В 1860 году работало уже только три пансиона: Е. Зенкович, Л. Кнобельсдорф, Е. Гартброт [184]. К 1866 году в губернии насчитывался всего один женский пансион Е. Щукиной в городе Гжатске [186]. Уже в 1870 году дворянка Е. Миллер решила организовать женский пансион в городе Духовщине, однако, даже получив разрешение, не

смогла его открыть по причине того, что «отсутствовали желающие поступить в него» [190].

Однако не всегда частные пансионы закрывались с появлением новых типов женских учебных заведений. Некоторые из них были переформированы в женские училища и гимназии, где их бывшие содержательницы назначались на пост начальницы [191]. Таким образом, во второй половине XIX века появляются частные женские гимназии, которые, по сути, оставались теми же пансионами, однако с иным названием и более высоким уровнем обучения. В качестве примера частные женские гимназии Е.И. Ровинской и Е. Г. Швиттау были созданы на базе бывших частных женских школ [194].

В целом, частные женские пансионы сыграли большую роль в становлении и развитии системы женского образования на Смоленщине, как и во всей России. Во-первых, они явились первыми учебными заведениями в губернии, занимающимися вопросом женского образования. Во-вторых, уровень образования в них был достаточно высоким, и к середине века мог сравняться с уровнем государственных гимназий, что говорит о возрастании понимания необходимости обучения женщин, как на правительственном, так и на общественном уровне. Об этом же можно судить по увеличению количества пансионов, числа воспитанниц в них, а также географии, которая охватывала и губернский центр, и уездные города. В-третьих, как отмечает кандидат исторических наук Н.А. Мицюк в статье «Образование не для одной только гостини» Феномен провинциальных женских пансионов»[60], «организация частных учебных заведений, содержащими которых были, как правило, женщины стала «одним из первых трудовых поприщ для провинциальных дворянок. Открытие и содержание женщинами пансионов – новая форма гендерной идентичности для женщин в провинции» [60, с. 7].

К середине XIX века появляются и другие формы женских учебных заведений. Так получают развитие женские епархиальные училища духовного ведомства, предназначенные в основном «для дочерей православных священников и причетников, однако они не являлись сословными учебными

заведениями» [80, с. 251]. Как гласит первая глава Устава епархиальных женских училищ: «В епархиальные училища могут быть принимаемы девицы и из других сословий, со взносом платы, определяемой местным духовенством» [160]. Главной целью таких учебных заведений было воспитание девочек как будущих матерей и жен священников, в связи с чем важный акцент был сделан на морально-нравственном воспитании. Однако впоследствии требования к выпускницам епархиальных училищ возрастают. По мнению священнослужителей, «девице духовного звания недостаточно быть доброй матерью и опытной хозяйкой, миссия, возложенная на жену священника, требует изучения широкого спектра наук, которые в ее жизни могли иметь как теоретическое, так и практическое значение» [3, с. 86]. Жене священника надлежало заниматься воспитанием детей, управлением домом, а кроме того, «пользоваться уважением среди прихожан, которые обучали своих детей грамоте» [80, с. 252].

В 1841 году Императором Николаем I был подписан Устав духовных консисторий, согласно которому «епархиальному начальству вменяется в обязанность располагать и поощрять приходское Духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ, в виде простом и приспособленном к народному быту, для обучения детей поселян чтению, письму, молитвам и начаткам Катехизиса. Подобные училища заводить по возможности при монастырях, мужских для мальчиков, женских для девочек» [159, с. 6].

В 1849 году в Смоленской губернии открывается первое женское епархиальное училище при Аркадьевском женском монастыре в городе Вязьме [199]. Целью данного училища, согласно тексту его Устава, было: «Девицам духовного звания давать воспитание, вполне соответствующее их двоякому значению: быть достойными супругами и служителями алтаря Господня, быть попечительными матерями, которые возвращали детей в правила благочестия и добронравия» [117]. Училище постоянно испытывало финансовые трудности, и в 1852 году было переведено в Смоленск при Воскресенском женском монастыре.

Позднее женские епархиальные училища были открыты и в других городах: Ржеве, Симбирске, Полоцке [95].

Учебный процесс епархиального училища был рассчитан на три отделения с двухгодичным курсом. В конце каждого года проводились публичные испытания. К обязательным предметам, преподаваемым ученицам, относились: Закон Божий, словесность и русский язык, история, география, арифметика, чтение, духовное пение [119]. Как отмечает Н.А. Дмитриева, обучение велось с религиозным характером. При изучении истории делался акцент на жития русских православных святых, при изучении географии внимание уделялось местам паломничества [152].

Как отмечено в статье «Организация женского образования на Смоленщине в XIX веке»: «Смоленское женское епархиальное училище явилось одним из первых профессиональных женских учебных заведений. С 1876 года Устав училища был переработан, и оно было реформировано в шестиклассное. В результате выпускницы имели право на звание учительницы народной школы наравне с воспитанницами женских гимназий. В этом же году при ней открывается монастырская женская начальная школа открытого типа, допускающая обучение девочек из всех сословий. Программа обучения в них включала Закон Божий, письмо, чтение, грамматику и арифметику» [80, с. 252].

В середине 1880-х годов городской санитарной комиссией здание епархиального училища было признано непригодным для помещения учебного заведения, около половины учениц были вынуждены проживать на квартирах по причине нехватки мест. По этим причинам в 1890-х годах Смоленской епархией приобретает участок земли возле Воскресенского монастыря, на котором начинается строительство нового здания училища, которое было открыто в 1901 году (в настоящее время в данном здании располагается Смоленский государственный университет) [199].

До начала 60-х годов государственные женские учебные заведения в губернии отсутствовали. В конце 40-х годов XIX века, как сообщается в «Материалах для истории женского образования в России» Е.О. Лихачевой,

дворянским сословием была предпринята попытка открытия на Смоленщине среднего женского учебного заведения под покровительством Императрицы Марии исключительно для дочерей дворян. Организация и содержание учебного заведения предусматривалась на добровольные пожертвования, однако набралась лишь незначительная сумма в 325 рублей 50 копеек, и план учреждения женского училища не был реализован [53].

Ситуация меняется в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, когда в 1856 году выходит предписание Министерства народного просвещения к губернским директорам училищ «О необходимости открытия в городах и крупных уездных поселениях женских школ и о представлении мнений по поводу открытия таких школ». В нем сообщалось, что «принятые доселе меры по образованию детей женского пола не вполне удовлетворяют потребностям настоящего времени. Заведения, принадлежащие Императрице Марии Александровне, ... предназначены для детей одного сословия дворян и чиновников. Лица среднего сословия в губернских и уездных городах не имеют средств дать дочерям своим необходимое образование ... Учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах дополнило бы стройную систему народного образования» [178, с. 1].

В 1859-1965 годах ряд женских училищ открывается в других городах губернии: Белом, Вязьме, Дорогобуже, Рославле. Главная воспитательная задача заключалась в том, чтобы «сообщить ученицам те элементарные и умственные сведения и познание религиозно-нравственных и умственных правил, которые впоследствии должны развить их как женщину, будущую супругу и мать семейства» [99, с. 132].

Система управления деятельностью женских училищ была поставлена слажено и функционально. Училища находились под попечительством директора народных училищ Смоленской губернии, который представлял отчет о работе в Министерство народного просвещения. В каждом училище были организованы педагогический и попечительский советы. Причем их деятельность была строго регламентирована и дифференцирована. Педагогический совет занимался

исключительно вопросами, касающимися организации образовательного процесса: утверждением учебных программ, числа классов, распределением учебных предметов по классам. Попечительский совет занимался вопросами административно-финансового характера: материальным улучшением, определением платы за обучение, начислением стипендий и материальной помощи ученицам из бедных семей. Такая слаженная структура, по мнению Т.М.Леонтьевой, являлась залогом успешного государственного финансирования женских училищ и, как следствие, их надежного функционирования [99].

Однако для открытия женского учебного заведения требовалось прохождение ряда процедур, исполнение которых зачастую затягивалось, что негативно сказывалось на развитии сети женских училищ. К ним относились: сбор необходимых денежных средств, составление подробной сметы расходов, утверждение учебной программы, формирование управленческих кадров, официальное разрешение Министерства народного просвещения на основании училища [99].

21 мая 1861 года в Смоленской губернии было организовано первое открытое женское учебное заведение, «это было двухклассное училище с третьим приготовительным классом, который в 1866 году из-за нехватки финансирования был закрыт. В год открытия училище насчитывало 30 воспитанниц. В следующем 1862 году к ним добавилось еще 20 [80, с. 253]. Плата за обучение составляла 15 рублей в год. Однако торжественность и значимость организации данного учебного заведения послужили значительному повышению меценатской активности дворян, которые принимали содержание ряда учениц за свой счет. В числе таковых газета «Смоленские епархиальные ведомости» называет И.И. Барышникова, А.А. Булгакова, М.И. Блинова [198].

Женское училище по своей форме являлось всесловным. Что касается уровня преподавания, содержание образовательной программы женского училища включало курс приходских училищ (Закон Божий, чтение, письмо, арифметика), который был дополнен преподаванием российской истории, грамматики, географии, французского языка [59]. Однако уровень подготовки

учениц был недостаточным: «курс истории включал период лишь до времени царствования Ивана IV Грозного, изучение французского языка сопровождалось прохождением и заучиванием французских анекдотов. Также в учебной программе оставались предметы, предназначенные для исключительно женского воспитания, такие, как танцы и рукоделие» [80, с. 253].

В это же время при женских училищах открываются бесплатные курсы продолжительностью в один год после окончания обучения, суть которых заключалась в организации педагогической практики для учениц и совершенствования преподавательских навыков, а также углубления предметных знаний.

В дальнейшем сеть учебных заведений развивается, «6 декабря 1861 года в Смоленске было открыто женское училище первого разряда, которое с 1862 года стало именоваться Мариинским. Оно включало три отделения с двухгодичным курсом обучения, воспитанницы обучались шесть лет, по два года в каждом классе [80, с. 254].

Обучение было всесловного типа, доступное девочкам, начиная с восьми лет [76]. Желающие поступить девочки должны были уметь писать и читать [115, с. 363].

Учебная программа мариинского училища содержала предметы обязательного и необязательного типа, «к первым относились Закон Божий, русский язык с церковнославянским, русская словесность, математика (арифметика, алгебра, геометрия), география (всеобщая и русская), история (всеобщая и русская), естественная история, физика, математическая география, чистописание и рукоделие. Плата за изучение обязательного курса составляла 10 рублей в год. К необязательным предметам относились: иностранные языки (французский и немецкий), древние языки (латинский и греческий), педагогика, рисование, музыка, танцы, пение и гимнастика [80, с. 254]. Необязательные предметы увеличивали ежегодную плату ровно вдвое. Однако с 1867 года плата за обучение повысилась для всех учениц и составила 30 рублей в год [114].

Контингент учениц преимущественно состоял из девочек дворянского происхождения. Согласно архивным данным, в 1871 году в училище из 131 ученицы 100 происходили из дворянских семей, 2 ученицы из духовного сословия и 26 из мещанского [189]. Однако, к середине 70-х годов ситуация изменилась. Как пишет попечительница гимназии в 1875 году: «По сравнению с предшествующим 1874 годом есть довольно занимательная разница в сословиях и происхождении учеников. Почти половина их относится к сословию сельскому и городскому. Явление далеко не случайное, оно вызвано великою реформою последующего времени. Без сомнения, только неблагоприятные условия сельского населения задерживают еще на время большой прилив детей в гимназии из простого класса» [192, л. 91].

Уже в 1862 году на педагогическом совете женского училища поднимался вопрос о переформировании его в шестиклассное училище с годичным сроком обучения. Однако изменения вступили в силу лишь с 1867 года, когда в училище был открыт четвертый класс, еще через год пятый класс и в следующем году шестой [187].

С появлением положения Министерства народного просвещения «О женских гимназиях и прогимназиях» [111] в 1870 году Смоленское Мариинское женское училище реорганизуется в женскую гимназию [55].

В 1876 году гимназия располагалась в здании бывшей мужской гимназии на улице Большой Благовещенской [118]. В конце XIX века публицист Ф.Ф. Шперк отмечает, что в связи с увеличением количества учениц, а их насчитывалось уже около 500, здание женской гимназии должно быть расширено [166, с. 84]. В связи с этим «в 1884 году на рассмотрении у Смоленского земского Собрания находилось ходатайство попечительского совета Мариинской женской гимназии об открытии в Смоленске дополнительного училища... В 1886 году была организована четырехклассная прогимназия, которая с 1 июля 1902 года именовалась как 2-я Смоленская женская гимназия [80, с. 255].

В 1871 году при Смоленской Мариинской гимназии была открыта прогимназия с годичным курсом обучения. Учебный процесс был рассчитан на

три класса, однако, как отмечалось в распоряжении Министерства народного просвещения по женским гимназиям и прогимназиям, «там, где представляется возможность, они могут заключать в себе и большее число классов» [107, с. 10-11]. Перечень изучаемых предметов в прогимназии составлял: Закон Божий, русский язык, арифметику с основами геометрии, географию, историю, основы физики и естествознания, чистописание, рукоделие, гимнастику. Данные предметы относились к обязательному курсу изучения. Необязательными были иностранные языки (французский и немецкий), рисование, музыка, пение, танцы, педагогика.

В 1870-1880-е годы в городах губернии открывается ряд женских прогимназий, содержание которых находилось как на губернском, так и на уездном обеспечении. По данным статистического сборника «Смоленское земство и народное образование», в 1880 году на прогимназии было израсходовано 14 620 рублей, из них земствами 5590 рублей [216]. По данным этого же сборника в 1880-1881 учебном году в средних и неполных средних женских учебных заведениях в Смоленской губернии обучалось 1265 учащихся [216, с. 34].

Женское профессиональное образование как система отсутствовало в Смоленской губернии, как и в России. Первые шаги были сделаны лишь в 70-е годы, когда «21 мая 1875 года в Смоленске благотворительным обществом при активном участии губернатора А.Г. Лопатина была организована трехклассная Рукодельная школа с четырехлетним курсом обучения» [80, с. 255]. Содержание обучения включало Закон Божий, русский язык, арифметику, чистописание и пение. Кроме того организовывалось профессиональное обучение башмачному и белошвейному ремеслам. Однако вскоре в 1884 году Рукодельная школа была закрыта [7].

Исходя из данных Бельского календаря-ежегодника за 1914 год [62], в губернии существовало женское ремесленное училище, обучающее женским ремеслам: дамско-портновскому и белошвейному с корсетным. Обучение было рассчитано на пять лет, два первых общеобразовательного характера и три оставшихся преимущественно профессионального.

К обучению допускались «девицы всех состояний без различия звания и вероисповедания, после окончания курса реальных училищ» [62, с. 70]. Обучение в училище давало звание подмастерицы [62].

Таким образом, «система женского образования в Смоленской губернии полноценно формировалась, как и во всей России, во второй половине XIX века. Первоначально инициатива организации подобных учебных заведений исходила из частных лиц, что указывает как на прогрессивное общественное мышление с одной стороны, так и на ограничительную реакционную политику государства, которая сменилась лишь к концу 60-х годов XIX века – с другой. Сеть открываемых женских учебных заведений, приобретая общедоступность за счет снижения платы и снятия ограничений на сословные предпочтения, по-прежнему отставала от подобных им мужских училищ и гимназий. Перечень преподаваемых дисциплин и объем содержания обучения всецело соответствовали основной цели данных учебных заведений – подготовке домашних либо народных учительниц, а также воспитательниц. Таким образом, к концу XIX века проблема женского образования на территории Смоленской губернии оставалась важной и на содержательном, и на учредительном уровнях» [80, с. 256].

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В данной главе мы рассмотрели политику образовательной реформы, начатой в 1863 году императором Александром II. Были обозначены ее основные этапы, связанные со сменой руководителей Министерства народного просвещения, на протяжении которых постоянно менялся доминирующий вектор преобразований, что значительно тормозило общий ход реформы. Вносимые коррективы министров, однако, не были безосновательны, а являлись прямым отражением политической ситуации в стране на данный момент.

В целом же общий курс изменений был ориентирован на либерализацию учебного процесса и его всеобщую доступность.

В развитии образовательной системы России во второй половине XIX века можно выделить две проблемы, осложнявшие ее реформирование.

Во-первых, огромная территория страны и большая численность населения требовали крупных финансовых затрат на создание, оснащение и содержание учебных заведений, что затрудняло процесс строительства новых школ в сельской местности, оставляя значительную часть крестьян без доступа к образованию. В сложившихся условиях большое значение в распространении грамотности и образования имела просветительская инициатива крупных помещиков, землевладельцев и промышленников, которые брали на себя заботы о материальном обеспечении школ, училищ и гимназий в провинциальных городах и деревнях. Примеры подобной меценатской деятельности не единичны, ее география охватывает практически всю территорию страны, следовательно, уместно говорить о ней как об одном из факторов развития образования в России.

Во-вторых, сохранялась и даже в некоторой мере обострялась проблема женского образования, об архаичности которой говорили мыслители и педагоги не только в России, но и в зарубежной Европе. Вопрос о создании учебных заведений для женщин в российском обществе осложнялся его общим традиционным патриархальным устоем, что, к слову, было характерно и для западных стран. Создававшиеся гимназии и институты, как правило, отличались в

учебном плане от мужских, значительно им уступая, что не устраивало общественность и требовало дополнительных методических разработок и законодательных актов. В целом же проблема женского образования оставалась достаточно острой и актуальной вплоть до начала XX века, в связи с чем отношение к ней можно рассматривать как один из критериев прогрессивности политических деятелей, а также меценатов-просветителей.

Что касается территории Смоленской губернии, то полноценная система женского образования сложилась здесь лишь ко второй половине XIX века. Тем не менее, созданные женские учебные заведения значительно уступали аналогичным мужским и в количестве училищ, и в качестве содержания образовательной программы, что соответствовало общей тенденции педагогики в стране в обозначенный период.

Глава 2 СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ЗЕМСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ А.Н. ПОПОВА

2. 1 Проявление духовно-нравственных ценностей и демократических взглядов А.Н. Попова

Александр Николаевич Попов родился в Петербурге 12 марта 1840 года (см. приложение А). Первое время он проживал вместе с семьей в Череповецком уезде Новгородской губернии – деревне Малечкино. «Он рано осиротел и после смерти брата остался один на попечении тети, Екатерины Александровны Страховой, владевшей двумя небольшими деревеньками – Соболево и Кузнецово в Смоленской губернии» [79, с. 377]. Как сообщает краткая справочная информация из книги «Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Первый созыв», он «учился во втором кадетском корпусе и военной академии (кончил в 1862 г.)» [78, с. 328].

Биографический очерк инженера Шапкина, опубликованный в газете «Смоленский вестник» после смерти А.Н. Попова в 1911 году под названием «Из воспоминаний о А.Н. Попове», сообщает следующее: «немногим известно, что ... был крестником Императора Николая I, который в период обучения А.Н. в кадетском корпусе ввел его в семью своего сына Александра, бывшего в то время Наследником, Цесаревичем. Бывая еженедельно вотпуску в семье Наследника А.Н. сошелся близко с покойным Цесаревичем Николаем Александровичем, сверстником которого, собственно говоря, он и был» [129, с. 2].

Окружающие социальные условия благоприятствовали для свершения жизненной карьеры, он в 1862 году «блестяще окончил академию. Однако на волне великих реформ, проводимых императором Александром II, А.Н. Попов решает целиком посвятить себя работе по переустройству жизни народа на

местах» [79, с. 377]. До конца жизни он остался убежденным, что назначение помещика – в служении народу, простым людям, оказавшимся под его опекой. Душеприказчик А.Н. Попова, инженер Н.П. Шапкин передает в своих воспоминаниях разговор, состоявшийся с А.Н. Поповым за несколько месяцев до его смерти. «В чем назначение русского помещика, сидящего в деревне, на земле?», – спрашивал Попов и сам раскрывал, как он выражался, «провиденциальное значение русского помещика» [129]. Вне культурного служения «младшему брату» он не признавал жизни в деревне, так как, по его понятиям, «земля должна принадлежать исключительно мужику, потом и кровью своею ее сдабривавшему и обрабатывающему» [129].

Этот взгляд являлся для А.Н. Попова главным ориентиром на протяжении всей его жизни. Этим же и объясняется тот факт, что его собственное хозяйство не накопило ему огромных капиталов.

Активная земская деятельность А.Н. Попова начинается с переездом в деревню Малечкино после окончания академии и ухода со службы штабс-капитана.

Однако сразу приступить к общественной деятельности он не мог. Во-первых, потому что к тому времени еще не вступил в силу указ о земских учреждениях, во-вторых, потому что отставному штабс-капитану не хватало двух лет для того, чтобы быть избранным в эти органы [27].

18 февраля 1865 года повсеместно начали действовать органы местного самоуправления, и А.Н. Попов сразу же включился в эту деятельность. Интересен следующий эпизод, характеризующий и самого А.Н. Попова, и отношение к нему дворянства. На съезде землевладельцев, состоявшемся за месяц до начала работы земских учреждений, он был допущен к избранию в гласные Череповецкого уездного земского собрания [211]. На первом же заседании земского Собрания 18 февраля при проверке прав лиц, утвержденных в гласные, обнаружилось, что Попову до двадцатипятилетия недостает 22 дней. Рассматривая этот вопрос, земское Собрание в первом своем протоколе записало: «принимая во внимание, что А.Н. Попову 25 лет исполнится 12 марта сего года и, желая иметь его в среде

гласных, как человека образованного, с отличными качествами, могущего быть весьма полезным для земства, Собрание полагает ходатайствовать через г. начальника губернии оставить г. Попова гласным, о чем и послать его превосходительству депешу» [211, с. 25]. В результате А.Н. Попов был избран гласным земского Собрания, а второй кандидат, также не достигший к этому дню двадцати пяти лет, дворянин В.Э. Кровков был заменен крестьянином К.Афанасьевым.

В этот же день, после принятия присяги на должность гласных, была сформирована уездная земская управа (исполнительная власть). А.Н. Попов избран ее председателем. Управа (в это время вся администрация уезда) состояла из 3 выборных лиц: председателя и двух членов.

Первыми шагами на пути общественной деятельности Попова в должности председателя уездной управы были попытки облегчить для крестьян налоговую систему, обеспечить их действительное участие в работе земских учреждений. Уже в следующем году он добился выдачи «прогонных денег» крестьянам, избранным в гласные губернского Собрания [211]. Череповецкая управа одна из первых в губернии создает ссудные кассы.

Как член училищного совета, А.Н. Попов много внимания уделяет образованию крестьянских детей. При его участии уже через год открыто двухклассное сельское училище. Кроме уездного и сельского училищ, где занимались только мальчики, по инициативе А.Н. Попова открыто два женских училища, одно из них трехклассное. Решено было из каждой волости (а их насчитывалось 34) направить в уездное училище по одному наиболее способному мальчику, с тем, чтобы он впоследствии мог прочитать и разъяснить крестьянам смысл той или иной бумаги, написать письмо. На содержание каждого из таких учащихся земское Собрание ассигновало по 25 рублей в год [211].

В этот же период открылся четвертый класс в уездном училище и ремесленное отделение; для обучения ремеслам приглашены «техники и знающие мастера». Средства для организации и содержания ремесленного отделения изыскивались разными способами: земские сборы, продажа ремесленных изделий,

пожертвования почетных членов училищного совета, взносы учащихся. Причем взносы учащихся составляли не более 5-6% общих расходов, основным же источником средств (более 60%) для оплаты труда техников и мастеровых, для приобретения оборудования и материалов являлся доход от продажи производимых изделий. Созданное по инициативе А.Н. Попова ремесленное отделение при училище явилось предшественником будущего реального училища и предвестником современной школы народных ремесел и искусств Череповецкого района Вологодской области [211].

Деятельность молодого земца на посту председателя уездной управы, слушание его докладов по Череповецкому уезду на губернском земском Собрании создали А.Н. Попову хороший авторитет. В 1867 году его избирают гласным Новгородского губернского Собрания, где в этом же году он становится членом проверочной комиссии. В журнале Новгородского губернского земского собрания 1867 года говорится: «По предложению г. Председателя Собрания обсуждался вопрос о назначении комиссий: проверочной – для проверки цифр сметного исчисления и отчетности ... Собрание признало назначение комиссий необходимым, и подачею голосов по запискам избрало в проверочную комиссию гласных: Д.О. Завалишина, Б.А. Фока, И.Л. Соколовского и А.Н. Попова» [64, с. 4]. В журнале этого же заседания сказано: «Собрание приступило к выбору секретаря. Избран секретарем Собрания гласный А.Н. Попов» [64, с. 4].

Спустя девять лет, как сообщается в подробной биографии членов Первой Государственной думы, в 1873 году он избирается председателем Новгородской Губернской Управы [78, с. 62]. Девять лет беспрерывно до переезда в Смоленскую губернию он возглавлял главный исполнительный орган губернии.

Главным рычагом в изменении условий жизни и общественной психологии А.Н. Попов считал образование. В его деятельности на посту председателя управы образование неизменно оказывалось на первом месте. Особое внимание при этом уделялось подготовке учительских кадров. До прихода Попова в управу учителей в губернии подготавливала Александровская учительская школа закрытого типа. Поскольку Новгород относился к Петербургскому учебному округу, часть

выпускников отправлялась в другие губернии. Попов добился перевода этой школы в Новгород и преобразования ее в открытое учебное заведение, доступное всем сословиям [215]. А так как крестьянские дети не имели подготовки, необходимой для поступления в учительскую школу, в 1874 году к трем ее классам добавили еще один, подготовительный. Будущим учителям преподавали русский язык, русскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, физику с химией, географию, пение, музыку, рисование и другие предметы. Преподавателями являлись выпускники Санкт-Петербургского университета и педагогических курсов. Анатомию, физиологию, гигиену преподавал врач, Закон Божий – священник [33].

Одновременно губернская управа ходатайствует перед Министерством народного просвещения об открытии женской учительской семинарии. Местом ее расположения был избран город Череповец, являвшийся центром северо-восточной части губернии. Правительство поддержало инициативу земской управы. Правда, разрешено было открыть не женскую, а мужскую семинарию, притом на совместные средства – правительства и земства. В своем ответе попечителю Петербургского учебного округа 23 февраля 1874 года за № 2163 министр народного просвещения граф Д.А. Толстой писал: «Я не встречаю препятствий об учреждении в г. Череповце, Новгородской губернии, мужской, но не женской учительской семинарии» [216]. Через год после разрешения уже проводился прием. Из 22 человек, принятых на основе вступительных экзаменов, 9 были из крестьян, 10 из семей духовенства. Почти всех их обеспечили стипендией. Изыскивая средства на образование, управа приняла решение о сокращении расходов по воинским повинностям [63].

А.Н. Попов заботился о повышении квалификации уже работающих учителей. Будучи единогласно избранным членом губернского училищного Совета, по его инициативе управа принимает решение о губернских съездах учителей и выдаче им небольшого пособия, достаточного для проезда в один конец. В докладе по этому вопросу на заседании земского Собрания он

доказывал, что уездные съезды учителей не могут быть столь полезны, как съезды учителей всей губернии [65].

А.Н. Попов отстаивал свободу учительской школы и семинарии, их независимость от земства. Подчиненное положение, давление со стороны влиятельных лиц отрицательно сказывались на их работе. Вместе с тем председатель управы считал, что работа каждого конкретного учителя должна быть на виду у общественности [67]. С этой целью ежегодно о каждом учителе публиковались характеризующие его сведения: из какого уезда поступил он на учебу, какое учебное заведение окончил, в каком году, сумма получаемого им в год содержания, имеет ли квартиру при школе, сколько лет работает в данной школе, количество учеников, отзывы членов учительского совета о его работе [66].

Вторым важным направлением в развитии народного образования было открытие реальных училищ. Сначала построили Череповецкое шестиклассное реальное училище, затем Новгородское [164, 21]. В это же время были открыты новые прогимназии, двухклассные школы, женские гимназии [39].

1 марта 1881 года был убит народолюбцами царь Александр II. В первый же месяц после этого осложнились отношения А.Н. Попова с губернатором, которому давно не нравились его демократизм и настойчивость в проведении занятой линии, его благоволение к сосланным в Новгородский край, в частности, к публицисту революционно-демократического направления Н. В. Шелгунову. Поэтому А.Н. Попов «в 1882 году вынужден был отказаться от должности председателя управы и переехать в Смоленскую губернию, где после смерти тети, воспитывавшей его до поступления в кадетский корпус, получил в наследство имение в селе Соболево» [79, с. 378].

Надо отдать должное новгородским земцам: наиболее известного и наиболее стабильного председателя своей управы они не забывали вплоть до 1917 года. В 1895 году, через тринадцать лет после переезда Попова на Смоленщину, Новгородское губернское Собрание на одном из своих заседаний поручило губернской управе поздравить телеграммой бывшего председателя по случаю 30-

летнего юбилея его земской деятельности, продолжавшейся уже в другой губернии. На том же заседании Новгородское земство учредило стипендию А.Н. Попова, вложив для этого в Государственный банк капитал в 1100 рублей; стипендия в сумме 40 рублей в год выплачивалась за счет процентов, нараставших с вклада, то есть она фактически являлась вечной, источник средств для нее оставался постоянным вплоть до революционных потрясений в России. Назначать стипендиата предлагалось самому Попову [68].

Имение Воробьево, в которое переехал А.Н. Попов со своей женой Ольгой Николаевной, располагалось на правом берегу реки Вихры, а Соболево — на левом, в полуверсте от дворянской дачи, на боевом Досуговском тракте. Сельцо Воробьево сравнительно молодое, оно появилось в середине XVIII века [17].

Минимум земельных угодий, необходимых для избрания дворянина в гласные земского собрания, составлял по Смоленской губернии 300 десятин [27]. Владения А.Н. Попова, включая лес, пустоши, луга, болота, занимали 328 десятин. При первых же выборах он выставил свою кандидатуру и прошел в гласные Краснинского уездного земского Собрания, продолжая состоять гласным и Череповецкого уездного, и Новгородского губернского земских Собраний [175].

Земское Собрание Краснинского уезда, как и других уездов, по своему составу было в основном дворянским. Так, в 1892 году, когда состав его был расширен и избирали не 22, как вначале, а 30 гласных, дворяне в нем имели 18 мест, представители сельских обществ — 9, прочие сословия — 3 места [144]. Но земское Собрание, имевшее представителей от разных слоев общества, делало проводимую земством экономическую и культурную политику открытой, известной для всех. Это побуждало передовую часть дворянства прислушиваться к мнению крестьянских представителей, вникать в дела низшего сословия и по ряду вопросов занимать заведомо демократическую позицию.

В 1892 году при уездной управе «учреждается экономический совет, в состав которого вошли князь Е. Е. Друцкой-Соколинский, А.Н. Попов, К.П. Полянский, С.О. Бохвиц. Его основное назначение заключалось в повышении уровня экономического благосостояния населения, обеспечении его

продовольствием» [79, с. 379]. Совет занимался частными земскими делами, он «организовывал выдачу ссуды крестьянам, закупку недостающего количества зерна при неурожаях или градобитье, создавал комиссии, которые составляли списки домохозяев, нуждающихся в ссуде, производили закупку и раздачу зерна. Так, например, в 1896 году ввиду недобора озимых хлебов по инициативе экономического совета был открыт кредит земству в размере 70 000 рублей в целях покупки ржи для раздачи ее крестьянам. Беднейшему населению хлеб выдавался бесплатно, за счет благотворительных сумм, предусматриваемых в годовой смете земской управы» [79, с. 379].

Попов боролся за то, чтобы запасы зерна, в котором крестьяне остро нуждались в случае неурожая, не завозились из других уездов и губерний, а создавались на месте, в каждой волости, в специально строившихся для этого «запасных хлебных магазинах». Этим значительно облегчалась и удешевлялась помощь нуждающимся крестьянам.

Экономический совет регулярно изыскивал меры помощи крестьянам, не имевшим лошадей. Для приобретения лошади выдавалась ссуда в размере 25 рублей (стоимость крестьянской лошади). Принимали меры к поднятию сельского хозяйства на хуторах, им выдавались беспроцентные ссуды. Организованно производилась закупка плугов и другого инвентаря, для этого были созданы сельскохозяйственные склады, об их деятельности периодически слушались доклады в земском Собрании. Внедрялся травопольный севооборот. Велась настойчивая борьба с чумой крупного рогатого скота [201].

Особую заботу земства составляли обездоленные, попавшие в беду. Таковыми считались семейства ратников, призванных на действительную службу, им оказывали помощь при уборке урожая, снабжали семенами. Осиротевшим детям «офицерских и нижних чинов» учреждали земские стипендии. Обеспечивались и семьи врачей, погибших во время холерной эпидемии. Вопросы о таких семьях часто ставились Поповым.

В своих выступлениях он приковывал внимание и к более фундаментальным экономическим вопросам, связанным с выкупом крестьянами

земель. В частности, он указывал на несоответствие оценки земли крестьянским банком, дававшим ссуду, действительной стоимости земли в Краснинском уезде, в результате чего крестьянам, кроме ссуды банка, приходилось занимать деньги под крупные проценты. Уездное Собрание согласилось с мнением Попова и обратилось к губернскому земскому Собранию с просьбой повлиять на банк, добиться соответствия цен на землю и выдаваемой ссуды. Кроме того, Краснинской управе поручено было собрать сведения обо всех уже произведенных сделках, связанных с покупкой земли, с тем, чтобы установить затраты крестьян на погашение сверхнормативных процентов, и разработать меры помощи им за счет посреднического кредита.

Чрезвычайную щепетильность А.Н. Попов проявлял по отношению к пьянству. В биографической статье А.И. Власенкова можно найти этому ряд конкретных примеров. Однажды, на Страстной неделе, в Соболевскую школу, где в это время учитель Голицын репетировал с учениками церковное пасхальное пение, вошел в нетрезвом виде один из крестьян, начал шуметь и произносить неприличные слова. Учителю пришлось обращаться за помощью. Поскольку подобные случаи в школах уезда не были единичными, А.Н. Попов поднял этот вопрос в земском Собрании, предложив запретить открытие питейных заведений ближе одной версты от школы и церкви. Одновременно он обратился за содействием и к братству Святого Авраамия (членом которого состоял), чтобы воздействовать на кабатчиков через епархиальное начальство[21].

Антиалкогольный настрой Попова выражался иногда в неординарных поступках. Директор Соболевского ремесленного училища М. Е. Кудрявцев, работавший до революции, на встрече с учителями Соболевской средней школы в 1970 году рассказал о таком случае. Нанятые Поповым мастера, закончив работы по ремонту в его имении водяной мельницы, решили ознаменовать это событие совместной с ним выпивкой. Принесли бутылки с самогоном и выстроили их по краю мельничного перекрытия над рекой Вихрой. Попов, увидев выстроенную шеренгу наполненных бутылок, прежде чем разговаривать с работниками, подошел с тросточкой к перекрытию и принялся одну за другой

сбивать бутылки в реку. Удивительно, что скандала не произошло. Авторитет его, как помещика, как земца, был непрекаем [21].

Большое значение Попов придавал деятельности по попыткам поднять в уезде сельскохозяйственную культуру. Внедряется травосеяние. Важную практическую роль в этом играло хозяйство самого Попова. Здесь «по его инициативе в 1887 году в уезде появляется свой ветеринарный врач. Принимаются меры к обеспечению хозяйств племенными бычками. В трудные периоды при сокращении посевов крестьянам оказывалась помощь в производстве сельскохозяйственных работ посредством механизации и использования более совершенных сельскохозяйственных орудий» [79, с. 378].

Чтобы расширить и закрепить передовой сельскохозяйственный опыт, пробудить у крестьян творческую инициативу, в Краснинском уезде Поповым «создаются 60-часовые курсы по земледелию, где крестьяне осваивали теорию и практику по основным вопросам земледелия (почва, орудия обработки, способ обработки, семена, посев, удобрения, многопольная система), молочного животноводства, сельскохозяйственной кооперации» [79, с. 378].

Идеи кооперации в среде русского крестьянства жили с давних пор. Земство учитывало эту традицию и всячески поддерживало создание резервных семенных фондов (по волостям), складов сельскохозяйственных орудий, поочередное использование машин, принадлежащих земству или какой-то части уезда. При уездной управе была введена даже должность инструктора по кооперации с жалованьем в 1800 рублей в год, и 400 рублей определялось ему на разъезды.

А.Н. Попов оказался инициатором многих начинаний в Краснинском уезде. По его ходатайству в уезд был прислан «летучий окулистический отряд», находившийся в ведении императрицы Марии Александровны. За два месяца врачами-окулистами принято 2800 жителей с больными глазами, произведено более 600 операций, в 130 случаях возвращено зрение. Многие из обратившихся за медицинской помощью приехали из соседних уездов и Могилевской губернии.

А.Н. Поповым выдвигались предложения сооружения негорючих крыш, для ознакомления с их изготовлением в уезд приглашали специалиста.

Многочисленные предложения Попова помогли правильно организовать строительство дорог в уезде, наладить почтовую связь, совместно с Оршанским земством построить переправу через Днепр, организовать сбор статистических данных о рождаемости и смертности по населенным пунктам и провести санитарные обследования тех поселений, где рождаемость шла на убыль. В 1897 году им «возбуждалось ходатайство о строительстве железнодорожной линии от Смоленска к Бобруйску через город Красный. Результативными оказались предложения, связанные с предупреждением холерной эпидемии, улучшением питьевой воды в селах» [79, с. 379], строительством больничных барачных систем мер, предупреждающих распространение сифилиса (а им, по данным 1898 года, в уезде болели 1404 человека) [203].

В биографической статье Власенкова можно найти ряд примеров непосредственных действий Попова в отношении несправедливых решений и юридических нарушений в работе земства. Среди них можно назвать эпизоды, связанные с незаконным избранием в гласные в 1886 году дворянина В.В. Азанчевского. Выступая по этому поводу на заседании Собрания, Попов заявил, что «Азанчевский, как чиновник особых поручений губернатора, принадлежит к чином местной полиции и, согласно статье 36 земского положения, не может быть гласным» [22, с. 146]. После прений Собрание большинством голосов предложение это отклонило, пошло на уступку губернатору. Попов приложил к журналу Собрания особое мнение, подписанное 12 гласными (А. Попов, Х.Дрелинг, И. Энгельгардт, М. Вонлярлярский, А. Голынский и другие). На экстренном земском Собрании, которое состоялось через месяц, он требует вернуться к проверке прав гласных, имея в виду незаконное избрание Азанчевского. Председатель Собрания Н.З. Краевский, поддерживающий губернаторского ставленника, видя, что изменилась расстановка сил из-за отсутствия одного гласного, который решал бы исход голосования в пользу Азанчевского, закрыл заседание, перенес его на другой день, с тем, чтобы не дать группе Попова одержать победу в развернувшемся поединке. К журналу Собрания снова приложено особое мнение с подписями уже

13 гласных [143]. Кроме того, группа Попова расценила действия председателя как нарушение прав Собрания, превышение власти и выразила намерение обжаловать их. На очередном Собрании 1887 года Попов снова выступил с заявлением о необходимости проверки прав гласных. Начались прения по этому вопросу. Сам Азанчевский и некоторые гласные пытались закрыть вопрос, ссылаясь на то, что на предыдущем Собрании он якобы был разрешен. При голосовании предложение о проверке прав не прошло. Последовало еще одно особое мнение [136]. В июле этого же года состоялось экстренное Собрание, и Попов еще раз выступил с заявлением о несовместимости звания гласного с должностью чиновника особых поручений губернатора. К тому же были допущены нарушения правил при избрании еще троих гласных. Обо всех этих фактах ставится в известность правительствующий Сенат. Оттуда без предварительного следствия дело передается в суд. От группы протестующих против нарушения законов на суде выступает Попов. Заключение суда и прокурора подтверждает факты превышения власти, председателю земского Собрания объявляется выговор без внесения в формулярный список (наименьшее наказание) [22].

Это не единственный случай возглавляемой Поповым борьбы за справедливость. В 1889 году он предлагает признать недействительными выборы на Краснинском городском избирательном съезде, ввиду имевших место нарушений. Более трети участвовавших в голосовании поддержали его предложение, но перевес оставался за теми, кто нарушал положение о выборах и кто им покровительствовал. При поддержке других гласных Попов выступает против отстранения от занимаемой должности врача Хартена, не понравившегося начальству. Попов осуждал неуважительное отношение гласных-дворян к гласным-представителям простого народа. На очередном Собрании 1892 года он попросил председателя Собрания занести в журнал замечание гласному И.А. Кладницкому, земскому начальнику, который, обращаясь в сторону гласных от крестьянских обществ, указывал на них рукой, требуя «сохранять сидячее положение». Неясно, то ли крестьяне хотели выйти, то ли намеревались что-то

сказать, ясно лишь, что жест рукой расценивался Поповым как непозволительный, унижающий достоинство крестьян. Интересен тот факт, что Кладницкий принял это замечание и в своем объяснении старался доказать, что движение рукой произведено случайно, без злого умысла и обращено ко всем, не только к крестьянам [144, с. 89].

А.Н. Попов не стеснялся выражать несогласие с толкованием российских законов высшими государственными органами. В 1898 году на XXV очередном земском Собрании он выступил против толкования закона о страховании Хозяйственным департаментом Министерства внутренних дел. Многократно он выступал с критикой постановлений губернского земского Собрания, стремившегося расходы по содержанию смоленских больниц и богоугодных заведений возложить на уездные земства, при этом значительная доля расходов ложилась на соседствующее со Смоленском Краснинское земство. Критикой Попов не ограничивался: тут же принималось решение обжаловать действия губернского Собрания в Сенат. Такие предложения единодушно поддерживались Собранием и нередко приводили к положительному результату.

Не только уездное, но и губернное земское Собрание широко использовало в своей работе принципиальность и всестороннюю грамотность Попова. Когда возникали затруднения в определении доходности частных предприятий (мельниц, кирпичных заводов, торговых заведений и т. д.), а, следовательно, и в налогообложении, в комиссию по экономическому анализу, экспертизе, необходимым расчетам неизменно включали Попова. Столь же неизменным было и его участие в ревизионных и редакционных комиссиях. В течение почти полувека он боролся за строгую экономическую обоснованность, с одной стороны, налогов, сборов, повинностей, с другой — распределения имеющихся или ожидаемых денежных средств. Экономическую обоснованность и контролируемость этих двух сторон финансовой деятельности он считал непременным условием социальной справедливости, равноправия, демократии.

Личностные качества создают ему авторитет среди демократически настроенной части уездного земского Собрания. В 1901 году его избирают председателем уездной управы на очередной срок в три года.

Демократизм Попова имел широкую сферу проявления. Как земский деятель, он беспокоился о состоянии образования и медицинского обслуживания в уезде, о количестве хлеба в запасных магазинах и деятельности сельскохозяйственного склада, о многих других сторонах жизни окружающих его людей.

А.Н. Попова хорошо знал известный публицист, просветитель, философ И.В. Шелгунов, около восьми лет живший в его имении в Соболево, написавший здесь три цикла очерков. В одном из них под условным инициалом К. он попытался создать психологический портрет Попова, не являющегося для того времени исключением. Ниже приведем некоторые выдержки из данного очерка, характеризующие личность и взгляды Попова. «По умственному и душевному содержанию это был, по-видимому, средний русский человек, каких, пожалуй, много, и в то же время был особенный человек, каких мало. Его внутренний мир был для него святилищем, истинным святой святых, в которое он не только никого не пускал, но если он замечал, что посторонний глаз туда проникает, – сейчас же сжимался или старался себя замаскировать» [82, с. 148].

О характере А.Н. Попова Шелгунов пишет следующее: «Он постоянно колебался между деятельным и недеятельным... Но и в деятельном и недеятельном состоянии в нем чувствовалось что-то вечно протестующее, вечно защищающее и отстаивающее свое Я; он всегда был настороже, готовый охранять себя от каких-то покушений, воображаемых или действительных, но всегда возбуждавших в нем недоверчивость» [82, с. 148]

Личность А.Н. Попова, несомненно, вызывала интерес и уважение публициста. Немало примеров он приводит различным проявлениям черт его характера. В частности, он описывает выражение его твердости и стойкости: «В нем самом инстинкт и привычка к самоограничению и лишению доходили до смешного. Если ему представлялся выбор между удобством и неудобством,

излишеством и лишением, он непременно выбирал неудобство и лишение. Имея рессорный экипаж, он никогда в нем не ездил... в дороге он питался только хлебом и чаем; приезжая в город, например, в Петербург, он держал себя тоже впроголодь, на чае и белом хлебе; он всегда ходил пешком и совершал иногда поистине суворовские переходы. Подобным стоицизмом и насмешками над изнеженностью он, особенно в молодежи, вызывал к себе почтительное изумление» [82, с. 152].

Позже И.В. Шелгунов приводит пример простоты и скромности личности Попова, граничащие с требовательностью к другим и к себе: «В доме он не считал себя хозяином, хотя ему было очень приятно, если ему оказывали исключительное внимание; но вне дома, в хозяйстве, он держал себя абсолютным владыкой и никакого постороннего вмешательства и разделения власти не допускал» [82, с. 152]. И далее: «В К. было очень сильно чувство стыда, он искал одобрения и похвалы, дорожил общественным мнением, и, как добрый человек, был склонен к добру. Поэтому в выборе между справедливым и несправедливым он всегда склонялся к справедливому» [82, с. 150].

О проявлениях аристократичности А.Н. Попова он пишет: «Гордясь своим происхождением, этот человек в то же время имел все привычки мужика и был настоящим омужичившимся барином. Деревня была его стихией; он не только любил землю, но и весь смысл жизни исчезал для него вне земли. Он только и жил полною жизнью среди своих полей, яблонь, пчел, коров, свиней. Каждое свое животное он знал, знал его нрав и характер, каждому он давал имя» [82, с. 160].

В очерке присутствуют и примеры, характеризующие жизненную позицию А.Н. Попова: «Помогай себе сам, потому что другой тебе не поможет», – сделалось его теоретическим выводом из деревенской действительности. Иногда его рассуждения на подобные темы могли показаться просто жестокими, но он жесток не был, а только жалостливые разговоры считал пустыми словами, потому что из них ничего не выходит» [82, с. 163].

Несмотря на весь демократизм деятельности А.Н. Попова, Шелгунов отмечает: «Мужика он ставил невысоко и его словам и обещаниям не верил.

Этому научили его практические деревенские отношения и сношения с торгующим и промышленным людом» [82, с. 159].

Подытоживая психологический портрет А.Н. Попова, автор приводит следующее заключение: «В отвлеченности и обобщения он не пускался, к «теориям» не имел склонности, а любил заниматься насущными делами и к ним только и чувствовал влечение. И тем не менее этот самый К. своею жизнью, повседневным поведением изображал уже очень точную идею... Он просто любил землю. Он считал земледелие своим человеческим и гражданским долгом; он был хозяином не ради одних доходов, а еще и потому, что земледелие дает человеку положение, создает его достоинство, сообщает ему силу, независимость, отводит ему место в природе. Уже одною своею любовью к земле и тем, что он делает для нее ради своей любви, К. сам собою является прогрессивною идеей» [82, с. 165].

Цитируемый очерк мало затрагивает общественную деятельность Попова, с которой автор документально знаком не был. Кроме того, он отражает взгляды и настроения Попова периода 80-х годов XIX века, которые впоследствии изменились в сторону большей демократизации, большего понимания необходимости изменений в обществе. Тем не менее, существенные особенности личности, характера, взглядов Попова в очерке отражены.

Сформировавшиеся к середине 80-х годов личностные качества Попова характерны и для его деятельности в Смоленском губернском земском Собрании, гласным которого он был избран в декабре 1883 года. При голосовании ему было отдано предпочтение перед другими кандидатурами, за него подан 21 голос (против 1), в то время как за А.В. Вонлярлярского — 18 (против 4), за И.И. Энгельгардта — 17 (против 5), за Н.З. Краевского — 15 (против 7). В губернские гласные выбирался один гласный от каждых шести уездных гласных.

16 января 1884 года на XIX очередном губернском земском Собрании, открывшемся под председательством князя Г.В. Оболенского, А.Н. Попов приведен к установленной присяге, и в этот же день он участвует в обсуждении включенных в повестку вопросов. За 12 дней непрерывной работы Попов вносит свои предложения о таксе за вынужденный поруб фруктовых деревьев в частных

садах, об ознакомлении населения с мерами, предупреждающими занос чумы крупного рогатого скота, вводится предложение об учреждении кредита на приобретение дезинфицирующих средств в случае появления чумы. От имени своего уездного земства Попов возбуждает ходатайство о добровольном взаимном страховании построек в городе Красном [138].

На XX губернском земском Собрании, проходившем с 15 по 23 января 1885 года, Попов последовательно добивается осуществления предложений, выдвинутых им на предшествующем Собрании. Важным вопросом было запутанное счетоводство земской управы, что открывало путь для казнокрадства. Попов настаивает, чтобы специальный доклад о приеме и хранении губернских земских сумм, прежде чем передать его в особую комиссию, был сначала обсужден всем составом Собрания. Развернулись продолжительные прения, результатом которых явилось создание «особой комиссии по изменению форм счетоводства и отчетности по земским суммам», в числе членов которой был Попов [142].

Снова им поднимается вопрос о раскладке по уездам дополнительных сборов на содержание заведений общественного призрения и, оказавшись в числе меньшинства, снова прилагает к журналу свое особое мнение, усматривая в принятом постановлении нарушение правительственных законоположений [138]. Как и в предшествующем Собрании, он в составе ревизионных комиссий; Собрание принимает предложения комиссий, соглашается даже с предложением об отмене отдельных пунктов действовавших в то время правил взаимного земского страхования.

Занятую линию Попов продолжает и в следующем 1886 году, на XXI очередном губернском Собрании, где он отстаивает свое мнение относительно хранения земских сумм, состоящих в процентных бумагах, резко возражает (на этот раз небезуспешно) против употребления земского капитала на покрытие убытков того самого кредитного учреждения («общества взаимного кредита»), которое критиковал два года тому назад, добивается «немедленного возврата» в казну 8 тысяч рублей, некогда позаимствованных управой якобы «на исправление

зданий Смоленского богоугодного заведения». Мнение его по принципиальным экономическим, финансовым вопросам часто совпадает с мнением губернских гласных Д.А. Арбузова и В.П. Энгельгардта. Так, их совместными усилиями был поднят вопрос об образовании крестьянского продовольственного капитала за счет уменьшения общего страхового [143].

На одном из заседаний этого Собрания в связи с рассмотрением порядка выдачи патентов на право торговли крепкими напитками Попов при поддержке Арбузова начал давно привлекавшую его борьбу с алкоголизмом, против спаивания народа и наращивания за счет этого прибылей [143].

Долгие годы (80-е, 90-е, начало 900-х) являясь гласным губернского Собрания, Попов борется за совершенствование земских органов и улучшение жизни смолян, постоянно вникая в основания налоговой системы, в распределение доходов, в страховое дело, в вопросы здравоохранения, народного образования, помощи обездоленным. Он выступает против смет на ремонт или перестройку, составляемых на глазок, без тщательного технического обоснования, добивается, чтобы губернскому Собранию был представлен доклад по обнаруженным злоупотреблениям в канцелярии управы.

Особенно много внимания А.Н. Попов уделяет вопросам народного образования: и как губернский гласный, член училищной комиссии, и как инициативный, демократически настроенный землевладелец, учреждающий общедоступные учебные заведения на свои средства. Журналы заседаний Смоленского губернского земского Собрания содержат предложения А.Н. Попова по вопросам расширения сети учебных заведений в губернии и оптимизации образовательного процесса. Так, по его инициативе поднимались вопросы увеличения финансирования учебных заведений, строительства новых школьных зданий в деревнях и селах, ассигнования пособий и денежных выплат отдельным учебным заведениям (Смоленской женской прогимназии, Смоленской гимназии, Смоленскому обществу помощи учащемуся юношеству и т.д.) [147, 128, 136, 137].

В селе Каблуково Краснинского уезда при поддержке А.Н. Попова открывается министерское училище [135]. Вместе с расширением сети учебных

заведений, Попов «ужесточает гигиенические требования к вводимым в действие школьным зданиям, требует строгого соблюдения правил гигиены, освещения и отопления классов. Столь же большое значение он придает питанию учащихся, снабжению школ. По его мнению, «не следует помещать школу в тех имениях, где не имеется достаточно молока». Большие возможности он видел в совместной постановке народного образования земством и духовенством. По его предложению была создана специальная комиссия, разрабатывавшая основания совместной деятельности этих двух ведомств» [79, с. 379]. В работе комиссии также участвовали В.П. и К.П. Энгельгардты, князь В.Д. Урусов, председатель Смоленской губернской земской управы Н.А. Рачинский, двоюродный брат выдающегося педагога, просветителя С.А. Рачинского [212] и другие.

По инициативе Попова развивается сеть передвижных школ, учителя которых посещали с учебными занятиями населенные пункты, в которых по тем или иным причинам школа на постоянной основе была невозможна. Для облегчения поступления в начальные школы детей крестьян открываются подготовительные классы при гимназиях.

В 1890 году по решению губернского Собрания открыть при Смоленском реальном училище сельскохозяйственное отделение с собственной фермой. Была создана комиссия, призванная подготовить проект такого отделения, включая и все финансовые вопросы. Попов был одним из активных и наиболее деятельных ее участников. Позднее «встал вопрос об учреждении практической школы садоводства и огородничества при Алферовской учительской семинарии. При обсуждении в губернском земском Собрании этого замысла Попов высказался за то, чтобы учителей, желающих заняться садоводством, послать в Москву, в школу известного в то время садовода Гриля. По его инициативе было решено войти в сношения со школой ткачества в г. Сычевке с целью «насаждения» при ее посредстве профессионального образования в губернии» [79, с. 380]. При содействии земства возникла передвижная школа маслоделия. Рассматривая результаты ее деятельности, Попов прилагал усилия к тому, чтобы эта школа не только способствовала

распространению профессиональных знаний, но и являлась фактором положительного воспитательного воздействия на учеников [143].

В марте 1895 года на очередном XXX губернском Собрании отмечалось 30-летие его земской деятельности. Гласный Н.А. Рачинский, часто разделявший мнение Попова по злободневным вопросам, обращается к Собранию со следующей речью:

«В настоящем месяце истекает 30-летие земской деятельности нашего сотоварища Александра Николаевича Попова. Лучшие годы своей жизни он посвятил активной деятельности в Новгородском земстве. Но и в последнее время — время своего отдыха — он уделяет нам свои труды, работая как в уездном, так и в губернском земском Собрании. Немного людей после 30 лет деятельности сохраняют столько свежей, чисто земской энергии и отзывчивости к общественным нуждам. Мне известно, что Новгородское губернское земство, высоко ценя труды Александра Николаевича, приготовилось почтить юбилей его 30-летия земской деятельности. Позвольте, воспользовавшись тем, что мы собрались теперь вместе на земском Собрании, предложить приветствовать Александра Николаевича и пожелать ему еще многие годы потрудиться на земском поприще» [205, с. 15-16].

Собрание приветствовало А.Н. Попова продолжительными аплодисментами и горячими пожеланиями долгой и, как прежде, благотворной деятельности на пользу земства.

Кандидатура Попова четырежды выдвигалась на должность председателя губернской управы, но сторонники его принципов, его требований, его стиля работы при тайном голосовании не могли набрать большинства. Большинство составляли несогласные с его стилем, его требованиями, его общественно-политическими взглядами, хорошо известными смоленскому земству, смоленскому дворянству [206].

Начало XX века знаменовалось для России бурными событиями: поражением в русско-японской войне, нарастающим недовольством трудящихся политикой царского правительства. Появляются многочисленные политические

партии, печатные издания, ведущие активную пропаганду революционных идей. В Смоленской губернии получает развитие конституционно-демократическая Партия народной свободы. Помимо ежедневного периодического издания «Смоленский вестник», выпускавшегося с 1878 года, появляются новые газеты: «Смоленский голос», «Наш край», «Смоленская газета» [153].

В ноябре 1905 года собралось чрезвычайное земское Собрание Краснинского уезда. Редакционная комиссия под председательством Попова подготовила доклад «Об урегулировании аграрного вопроса» [148]. Попов предложил провести земское Собрание совместно с крестьянскими представителями, по три человека от каждой волости. Доклад был сделан 2 декабря, а 10 декабря на этом же Собрании обсуждался доклад, подготовленный земской управой: «О способах урегулирования аграрного движения в Краснинском уезде» [148]. В нем прозвучала тревога по поводу того, что со стороны крестьян «проявляются уже открыто выраженные притязания на владельческие леса и земли», прекращается внесение платежей. «При таких условиях,— говорилось в докладе председателя управы А. М. Вороновского,— деятельность земства, не располагая средствами, естественно, должна прекратиться, земство должно закрыть больницы, школы, медицинские и ветеринарные пункты, прекратить страховые и почтовые операции и распустить всех своих служащих» [148, с. 24]. Гласный Л. Н. Телеснин порекомендовал иной выход из создавшегося положения: прервать Собрание, предложить крестьянам избрать 4—5 своих представителей, после чего снова созвать Собрание с участием крестьянских представителей. Этот вариант сводил почти на нет предложение, высказанное в докладе Попова, однако именно оно и было принято. Три представителя от каждой волости обеспечивали большинство крестьян в Собрании, а 4—5 представителей – это 20—25 процентов общего состава Собрания, решающей роли они иметь не могли. К тому же, как показывал опыт совместной земской деятельности, крестьяне при малом их количестве оказывались психологически зависимыми, придавленными в дворянской аудитории. По настоянию Попова и некоторых других прогрессивно настроенных

гласных на Собрании был образован особый земельный комитет для разработки вопроса о расширении крестьянского землевладения. В состав его вошли 7 членов от земского собрания и 14 членов от волостных сходов, председателя избирал сам комитет из состава своих членов. Крестьяне высказывались за увеличение надела до 4 десятин (преобладали наделы в 2 десятины) и за снижение выкупной стоимости земли (с 1891 года по 1903 год она поднялась с 39 до 108 рублей за десятину). Однако эти вопросы остались нерешенными [148].

В дальнейших земских губернских Собраниях А.Н. Попов не участвовал по личным обстоятельствам. Пользуясь правом издавать книги без предварительной цензуры, его жена О.Н. Попова издала брошюру меньшевички Л.И. Аксельрод, находившейся в то время за границей [57]. Брошюра вызвала общественный и политический резонанс, и поскольку сама автор не возвращалась, ответственность легла на издателя, О.Н. Попову. Ее арестовали, и ей грозило тюремное заключение. Под большой залог в 10 тысяч рублей Ольгу Николаевну освободили от предварительного ареста до суда на поруки мужа. Однако из-за пережитых волнений у нее случился колит, и после долгих тяжелых страданий она умерла [54].

Подъем общественного движения, накал политических страстей, Манифест 17 октября, создание Государственной думы обратили внимание общественности на деятелей подобных Попову. Его кандидатура при выборах в Государственную Думу была среди первых.

Ход предвыборной борьбы отражался в газете «Смоленский вестник» [123], в ней подробно описан и заключительный акт выборов. Они были двухступенчатыми. Уже на первом этапе — среди выборщиков (уполномоченных) — землевладельцы оказались в меньшинстве. По Краснинскому уезду, например, было избрано 6 выборщиков: трое — от волостей (крестьяне), один — от съезда городских избирателей и двое — от землевладельцев (дворянин А.Н. Попов и врач Я.И. Романкевич — оба активные, хорошо известные в уезде общественные деятели).

А.Н. Попов в выборной кампании значился как «один из выдающихся земских деятелей», «бывший редактор журнала «Новое слово», отданных после закрытия этого журнала (за его вредное направление) под надзор полиции» [123]. При тайном голосовании записками он занял второе место. Тем не менее «антидворянские настроения выборщиков были настолько сильны, что даже самые радикальные характеристики Попова, делающие его чуть ли не революционером, при баллотировке шарами не помогли: в списке он остался единственным из дворян, и он же единственный из шести не смог набрать простого большинства голосов (за — 38, меньше, чем при голосовании по запискам, против—45» [79, с. 380], а по запискам его предлагали 48 выборщиков). Причем среди выборщиков крестьяне уже не составляли большинства, их было всего 31, или 37 процентов.

В результате избранными оказались пять членов вместо шести, и встала необходимость повторного голосования. А.Н. Попов, видя изменившееся к нему отношение за короткий промежуток времени между голосованием записками и шарами, заявил об отказе баллотироваться вторично. И тут выборщики резко изменили отношение к его кандидатуре. По настойчивой просьбе большинства из них Попов согласился баллотироваться вторично и получил 51 голос против 32, в то время как при первой баллотировке высший результат, принадлежавший М. А. Кваскову, составлял 48 голосов [123].

Все шесть кандидатур, избранные в Думу, были намечены комитетом партии Народной свободы совместно с выборщиками от крестьян. Это А.Н. Попов; смоленский врач М. А. Квасков— купеческий сын, окончивший гимназию с золотой медалью, отчисленный из Московского университета «за неблагонадежность», затем учившийся за границей, в Бреславльском университете, гласный Смоленской городской думы, председатель думской комиссии безопасности, созданной в дни октябрьских черносотенных погромов 1905 года; крестьянин д. Горюньково Краснинского уезда М.С. Мокрунов, окончивший народное училище, занимавшийся земледелием, пять лет проработавший в Петербурге на фабрике обуви и

снова вернувшийся в деревню, член Крестьянского союза; крестьянин Сычевского уезда И.И. Кузнецов, окончивший земскую школу, работавший столяром на Балтийском судостроительном заводе, в 1905 году вернувшийся в деревню; врач М.Д. Лебедев — сын священника, после окончания Московского университета оставленный при ординатуре, доктор медицины, гласный Гжатского уездного, Смоленского губернского земского Собрания и Московской городской думы; Т. О. Волков — учитель министерской школы Смоленского уезда [78].

В деятельности Государственной думы, тем не менее, А.Н. Попов практически не принимал участия, поскольку «с самого начала мало верил в ее дееспособность» [79, с. 380]. В книге депутата от Киевской губернии Е.Г. Шольпа «Московские впечатления», автор пишет:

«В Думе первого созыва мне пришлось близко познакомиться с Александром Николаевичем — мы были соседи по думской скамье — и оценить нравственную силу этого земского ветерана, не только сохранившего и проводившего в течение всей своей жизни идеалы шестидесятых годов, но и удивительно отчетливо ориентировавшегося во всех новых политических течениях и наслоениях. В то время, когда с думской трибуны раздавались страстные речи и сидевший рядом с нами совсем еще молодой депутат Оникко не переставал кричать министрам: «В отставку!» — А.Н. добродушно подшучивал над своими горячими коллегами. Но в его остроумных замечаниях не было ни старческого равнодушия, ни разъедающего скептицизма, напротив, в них чувствовалась несокрушимая энергия и напоминание, что борьба за политические права потребует упорного труда. А.Н. не выступал с думской трибуны, так как не был оратором «народного гнева»; до законодательной же работы Первая дума не дошла. Но он был стойкий думский работник, смотревший на свою обязанность депутата как на непрестанное пребывание на посту, с которого нельзя отлучаться, и он едва ли за все время заседаний пропустил хотя бы два часа. Он даже журил соседей, когда они не всегда аккуратно досиживали длинные думские заседания» [165, с. 70].

9 июля 1907 года императором Николаем II был подписан манифест о роспуске Государственной думы, в котором говорилось: «К прискорбию нашему, значительная часть состава второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ее строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства... Все это побудило нас указом, данным правительствующему сенату 3 сего июня, Государственную думу второго созыва распустить, определив срок созыва новой Думы на 1 ноября сего 1907 г.» [88, с. 319].

В этот же день в Выборге состоялось собрание депутатов Думы, на котором было составлено воззвание, подписанное 169 депутатами, в числе которых был и А.Н. Попов. На следующий день оно было размножено в типографии. Текст воззвания гласил:

«Государственная дума распущена, за то, что она хотела обратиться непосредственно к народу по вопросу о земле ... Она распущена за то, что хотела исполнить волю народа (удовлетворить насущную потребность трудового крестьянства в земле за счет земель казенных удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих). Граждане, требуйте, чтобы Дума была восстановлена для окончания начатых работ. Пусть Дума решит судьбу России согласно воле народа» [51].

На территории Смоленщины экземпляры текста Воззвания тиражировались на мемографе Ельнинской земской управы. Об этом событии пишет газета «Смоленский вестник»:

«Ночью в с. Досугово повсеместно на видных местах неизвестно кем прикреплено несколько экземпляров Выборгского воззвания. Местный священник со своим сторожем срывали их. К обеду «крамольные» листки были посорваны. После этого у священника были кем-то побиты окна. Священник усмотрел в этом месть «агитаторов» и революционеров... прошла неделя, и ...вдруг в село неожиданно приезжает местный исправник, жандармский ротмистр, казацкий

офицер и целый отряд казаков и стражников... начали проводить тщательный обыск, все ломая и коверкая» [125, с. 2].

Все депутаты, подписавшие воззвание, были арестованы и преданы суду.

25 сентября 1907 года в последний раз А.Н. Попов присутствовал на заседании уездного земского Собрания перед арестом. «Согласно требованию Министерства внутренних дел он привлекался к предварительному следствию по пп. 3 и 5 ст. 129 уголовного уложения» [79, с. 381], Данная статья гласила: «виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или изображения, возбуждающих к неповиновению или противодействию закону ... наказывается заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет» [69, с. 53-54].

Таким образом, из приведенных фактов биографии Александра Николаевича Попова видно, в каких социальных условиях формировалось его демократическое мировоззрение, ставшее основой его многолетней земской деятельности в Новгородской и Смоленской губерниях и его достижений на поприще меценатства в родовом имении в селе Соболево – Воробьево. Характеризуя духовно-нравственную основу деятельности Попова, можно отметить, что «важной чертой его идеологических взглядов можно назвать представление о возрождении и процветании российского общества через заботу об улучшении жизни самогорусского народа. Не вдаваясь в философию славянофильства, А.Н. Попов не стремился калькировать западные образцы политики и образования, а лишь пытался минимизировать бытовые проблемы и затруднения, тем самым создавая благоприятные условия для саморазвития русского общества» [79, с. 382].

2. 2 Организация народного и женского образования А.Н. Поповым в Смоленской губернии

Земская деятельность не давала Попову полного удовлетворения, он все больше убеждался в ограниченных возможностях, в консервативности этого аппарата и все больше возлагал надежды на «малые дела». Среди этих «малых дел» на первое место он ставил те, что давали грамотность народу — общую и профессиональную, повышали культуру труда, быта и отдыха.

Именно в этот период в Краснинском уезде начинается широкое строительство школ, училищ. За счет средств уезда и губернии строятся Окрутовская, Максимовская, Соболевская, Ново-Михайловская, Тростянская, Лунинская, Цыкуновская, Кузнецовская школы. В Каблукове и Лаптеве строятся двухклассные министерские училища, земство изыскивает лес и недостающие средства на их строительство. Преобразуется Мигновическое училище. Строится новое здание Досуговского женского училища взамен старого, пришедшего в ветхость. Через девять лет после приезда Попова в 37 школах и училищах Краснинского уезда, согласно данным комиссии по народному образованию за 1897 год, училось уже более двух тысяч крестьянских детей, в том числе 128 девочек [72].

Особое внимание Попов уделял обучению девочек. Еще в 1892 году на XXVIII очередном Краснинском уездном земском Собрании он выступил со специальным докладом — «О мерах к распространению грамотности среди девочек и неудобствах, вытекающих от чрезвычайно разновременного приема детей в школу». В постановлении по этим вопросам говорилось: «1) просить училищный совет о том, чтобы прием детей в сельские школы производился до 1 ноября, 2) передать для разработки в комиссию вопрос о мерах к распространению грамотности среди девочек» [202, с. 13].

В дальнейшем строительство земских школ приняло строго плановый характер. Был разработан и утвержден «список проектируемых новых школ по

годам их открытия», в него входило более пятидесяти школ. Кроме того, в школах, где состав учащихся превышал семьдесят человек (Максимовская, Каблуковская и ряд других) вводилась должность помощника учителя, школы становились двухкомплектными. Школьная сеть уезда приближалась к охвату обучением всех желающих, к всеобщему начальному образованию.

Попов лично посещал школы, интересовался их оборудованием, состоянием зданий, ходом их строительства и ремонта. По его предложению земское Собрание поручило управе завести склад учебных пособий, выделив для этого определенную сумму; пособия выдавались бесплатно.

А.Н. Попов хорошо понимал, что центральной фигурой в народном образовании является учитель, и на всех этапах своей деятельности не упускал эту фигуру из поля зрения. По его предложению были приняты постановления о выдаче учителям жалованья за летний период, об оплате за обучение в школе церковному пению, о награждении лучших учителей, и в особенности за обучение детей пению, о назначении земских стипендиатов по специальностям, необходимым для уезда. При его активном участии решались вопросы о вознаграждении учителей земских школ сообразно с их образовательным цензом, о съездах учителей, о летних педагогических и общеобразовательных курсах, в первую очередь для учителей, не имеющих среднего образования. Как гласит текст журнала XXXIV очередного Смоленского губернского земского Собрания от 4-19 декабря 1898 года, «по выслушании мнений гласных Попова, Ельчанинова и К.Н. Энгельгардта постановлено: 1) признать устройство педагогических курсов для учителей земских школ целесообразным и полезным, причем сообщить Уездным Земским Собраниям те условия, при соблюдении коих со стороны Уездных Земств, могут быть Губернским Земством открыты курсы, прося постановления их по сему предмету представить для доклада будущему очередному Губернскому Собранию, и 2) предлагаемое Управою ассигнование отклонить» [146, с. 27]. При его участии активно обсуждался вопрос содержания за счет казны помощников учителей при министерских училищах. В частности, в тексте журнала XXXII очередного губернского земского Собрания заседаний с 12

по 21 декабря 1896 года приводится доклад по ответу на ходатайство Собрания о содержании помощника учителя Федурновского двухклассного училища: «К.И. Ровинский предлагает вновь возбудить ходатайство об отпуске из казны средств на второго помощника учителя при Федурновском двухклассном училище в виду увеличения на 1897 г. Бюджета Министерства Народного Просвещения ... А.Н. Попов находит возможным при возбуждении ходатайства указать на свободные земские ресурсы, так называемого дорожного капитала, против чего возражают гласные А.В. Миронов и М.А. Махов» [145, с. 12 - 13]. Большое значение для школ того времени имел подвижной музей наглядных пособий, который содержал 486 пособий по географии, истории, технологии, физиологии, химии, анатомии и минералогии. Он функционировал в течение года, по 2-3-4 недели в каждой школе, давал возможность ознакомить учащихся с предметами и явлениями, далекими от них, способствовал расширению кругозора учителей.

Одно из постановлений, принятое по предложению Попова, рекомендовало «наиболее сложные вопросы школьной жизни рассматривать на съездах учителей при управе», приглашать учителей сельских школ для участия в работе комиссии по народному образованию.

Внимание к учителю сочеталось с высокими требованиями к нему. В 1886 году очередное земское Собрание по предложению и мотивированному обоснованию Попова предлагало сельским обществам применять крайние меры— «прекращать даваемое денежное пособие—к школам, в которых дела идут из рук вон плохо: дети ничего не знают, посещают школу от случая к случаю» [147]. А.Н. Попов выступал категорически против допуска на должность помощников учителей «лиц, окончивших курс двухклассных министерских училищ» [136], поскольку это может понизить уровень образования учительского персонала. На земские школы, где квалификация кадров была выше, и финансирование иное, и квалифицированный контроль осуществлялся, это постановление не распространялось.

Образование в представлении Попова органично смыкается с хозяйственной и бытовой культурой народа. В этом его поддерживали и другие гласные земского Собрания. При школах организовывались церковные хоры, народные библиотеки. Силами дворян и местной интеллигенции устраиваются народные чтения, по преимуществу духовно-нравственного, а позже и исторического содержания. Земство выделило средства для приобретения волшебных фонарей, позволявших иллюстрировать читаемый текст, беседу, доклад. Население с живейшим интересом относилось к чтениям. В школах, где они обычно проводились, не хватало мест. При обсуждении в земском Собрании вопроса о народных чтениях констатировалось, что чтения «посещают не из праздного любопытства», что «народ ищет знаний из доступных ему источников» [143]. Чтения устраивались по воскресеньям, а потому их нередко называли воскресными чтениями. Значительную роль в их организации выполняло общество трезвости при финансовой поддержке земства. Хорошие результаты давало и устройство народных чайных, первый опыт их в Краснинском уезде относится к 1896 году.

Достойный пример в организации народного образования подавало имение Поповых.

Село Соболево было известно как центр культурной и торговой жизни уезда и в прежнее время, до приезда Поповых. Каменная церковь, двухклассная земская школа, ежегодная ярмарка, собиравшаяся 23 апреля. Соболевские помещики были известны своей благотворительностью, добрым отношением к крестьянам. Авторитет их еще более укрепился после того, как Страхова, тетя А.Н. Попова, безвозмездно отдала крестьянам деревни Кисели занимаемые ими земли («бугры») [16]. Добропорядочность и благотворительность, готовность во имя общего блага отказаться от личной выгоды становились потомственными в Соболевском имении, передавались от поколения к поколению. Менялась только форма их проявления, она делалась все более цивилизованной [20].

В первое же время после переезда в село Соболево «вместо прежней старой школы Поповы строят новое школьное помещение, состоящее из двух классных комнат, общежития, отдельной раздевалки, кухни и двух квартир для учителей.

На пришкольном участке были разведены огород, плодовый сад и пасека, где проводились занятия по сельскому хозяйству. Уже при создании школы ими была заложена связь общего начального образования с подготовкой к профессиональному труду. В этом заключалась главная идея замысла Попова: «приобщение к культуре труда, быта и отдыха через школу» [81, с. 351].

Помимо своих детей в соболевской школе обучались дети из соседних: Романовского, Березников, Киселей, Макарова, Софьиной, Кузнецова. Осенью и зимой, когда приходилось в школу из других деревень было затруднительно, ученики проживали в общежитии при школьном здании.

Повседневными делами школы, а также бытом и досугом учеников занималась супруга, Ольга Николаевна. На заседании Смоленского губернского земского Собрания в 1895 году председателем Краснинской уездной управы Ю.В. Печковским было отмечено состояние созданной Поповыми школы и предложено «выразить признательность земства попечительнице этой школы О.Н. Поповой за всесторонние заботы о преуспевании и развитии школы [137]. Школа была признана образцовой, в дальнейшем она так и именовалась — Соболевская образцовая школа» [81, с. 352].

А.Н. Попов не ограничивался устройством школы в своем имении. Его интересовало, беспокоило состояние народного образования в уезде, в губернии. В 60—70-е гг. были разработаны общие принципы системы школьного образования: общедоступность, приоритет уездных земств в его развертывании, влияние губернских земств на ход строительства школ, на качество обучения и организацию педагогических курсов. Основательные проекты развития школьной сети и введения всеобщего образования были подготовлены в 1896—1899 гг. [6].

Однако централизованных средств на их осуществление правительство не отпускало. Предназначавшейся суммы было недостаточно даже для осуществления начального образования на всей территории Российской империи. Поэтому нередко имела место практика строительства школ и подготовки учительских кадров за счет земских и общинных сборов, а также за счет

пожертвований прогрессивно настроенных землевладельцев. Некоторые примеры подобного просветительского меценатства были приведены в первой главе.

Поповы в этом отношении были фигурами примечательными. По их инициативе и при их материальной поддержке были открыты школы в деревнях Кузнецово и Сивково. Как и в своем селе, стремясь к увеличению количества, Поповы заботились о качестве учебных заведений, «здания построенных ими школ отличались от деревенских изб и добротным материалом, из которого они были сделаны, и общим их объемом: высокие крыши и потолки, высокие и широкие окна, просторные классные комнаты; здесь же находились квартиры учителей. Здания эти долгое время служили и после Октябрьской революции, они были и школой, и помещением клуба, где проводились сельские собрания, устраивались репетиции, вечера художественной самодеятельности» [81, с. 352].

Соболевскую образцовую школу супруги Поповы видели не только, как учебное здание, обеспечивающее начальное образование детей крестьян, но как в будущем педагогический центр, призванный к просвещению людей всех возрастов: «здесь регулярно проводились чтения по школьной гигиене для учителей второго санитарного участка. Местный земский врач Д.Т. Андреев читал лекции и проводил собеседования о гигиенических требованиях к школьному помещению, классной комнате, школьной мебели, к посадке детей, о дыхании, о чахотке (туберкулезе легких), о детских заразных болезнях — кори, скарлатине, дифтерите. На чтения собиралось до трех десятков слушателей (учительниц, лиц духовного звания). Некоторые из них приезжали за 20—30 километров. Поповы считали важным не только пополнение знаний сельского учителя, но и то, что учителя, таким образом, получали возможность для духовного общения с товарищами по профессии, для обмена опытом» [81, с. 352].

Острый вопрос, как и по всей России, стоял с обучением девочек, грамотных среди которых было значительно меньше, чем среди мальчиков [146]. С целью решения этой проблемы «в 1897 году по предложению Попова в Краснинском уезде открыты две школы грамоты для девочек; первое время

школы существовали за счет частной благотворительности. Через год в уезде открыто еще две таких школы, земство начало их финансировать» [81, с. 352].

В связи с тем, что увеличивалось количество школ и обучением охватывался все более широкий контингент детей, у земства и землевладельцев, осознающих свой долг перед обществом, появлялись новые заботы, новые проблемы: ремонт школьных зданий, приобретение дров для их отопления, устранение причин непосещения учениками школы, горячие приварки для учащихся (в некоторых школах их заменяли чаепитием), авансирование учителей, подготовка учительских кадров, организация обмена педагогическим опытом и т. д.

С середины 80-х годов Поповым пропагандируются подвижные школы, предназначенные для малонаселенных и отдаленных сел и деревень, где создание собственной школы было затруднительно. В таких случаях учителя переезжали из одного пункта в другой, осуществляя преподавательскую деятельность.

Но главное, передовым людям того времени виделось не просто в повышении грамотности народа, а в соединении общей его грамотности с профессиональной, с внедрением прогрессивных методов, приемов труда, с передачей народу передовых технологий, достижений науки. К этому периоду относится деятельность А.Н. Энгельгардта, профессора химии Санкт-Петербургского земледельческого института. Оставив в 1871 году по предложению полицейских властей кафедру и поселившись в своем небольшом имении Батищево, близ станции Дурово Дорогобужского уезда, он стал одним из выдающихся хозяев Смоленской губернии. Его имение посещали многие землевладельцы того времени; помещики, крестьяне учились там хозяйствовать. Благодаря опыту энгельгардтовского имения, после смерти его хозяина преобразованного департаментом земледелия в Батищевскую опытную сельскохозяйственную станцию, на Смоленщине раньше, чем во многих других регионах, были освоены фосфорно-кислые удобрения, успешнее внедрялся травопольный севооборот [168, с. 794-795].

Важной задачей Поповых оставалось создание единой четко организованной системы обучения на базе Соболевской школы, включавшей не только ступень общего, но и профессионального образования, необходимого для деревенской жизни. Работа в этом направлении велась планомерно и последовательно. Сначала это была школа со своим огородом, садом, пасекой, с обучением не только письму, чтению, счету, но и труду. Впоследствии «в 1894 году Поповы открыли в своем имении курсы ручного труда для учителей городских и сельских школ четырех уездов. Заведовал ими педагог Н.П. Столпянский, он сам вел все обучение по двум ремеслам — столярному и токарному и, благодаря рациональным приемам, в течение двух месяцев (июнь и июль, при 10-часовых ежедневных занятиях) обучил курсантов настолько, что они могли сами выполнять все запланированные работы и обучать детей этим ремеслам. Методические приемы школьного обучения ручному труду демонстрировались на настоящих уроках. Для этого на период работы курсов приглашались мальчики из окружающих деревень, и курсанты под руководством Столпянского практиковались на них в преподавании того, чему только что научились сами. Квартира, питание, инструменты и все материалы предоставлялись хозяевами имения бесплатно. Впоследствии курсы переросли в ремесленное училище» [81, с. 353].

Помимо центра профессионального образования Соболевская школа становится центром культурной жизни села. В газете Смоленский вестник за 1899 год опубликована статья о проведении праздника в честь юбилея А.С. Пушкина. Ниже приведена цитата из нее:

«26 мая сего года у нас состоялось чествование памяти столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Утром этого дня учащиеся трех ближайших школ собрались в храме к литургии и панихиде по Пушкину, по окончании которой священником было сказано приличное дню слово. Затем присутствовавшие в храме направились в школу, здесь хором учеников была исполнена слава Пушкину и прочитана его биография, после чего в присутствии попечителя школы А.Н. Попова было роздано ученикам около 240 экземпляров пушкинских

книг ... На следующий день, 27 мая, в здании народного театра состоялся вокально-литературный вечер. Он открыт славой (хвалебная песнь) Пушкину — «Ты памятник воздвиг нерукотворный», исполненной хором учеников со сцены. «Приятно было смотреть,— пишет авторгазетной статьи,— на маленьких детишек, толково и выразительно декламирующих перед многочисленной публикой. В заключение исполнена «Слава Пушкину» при бенгальском освещении» [121, с. 3].

Долгое время в Соболеве работал народный театр, в котором в качестве режиссеров выступали учащиеся, а также местная интеллигенция и дворяне. Для театральных постановок было создано отдельное здание, в котором регулярно давались спектакли, о чем также можно найти информацию в газете «Смоленский вестник». Например, деятельность Соболевского театра освещает статья от 26 июня 1899 года:

«Целый ряд спектаклей в Соболевском народном театре открылся 14 июня «Женитьбой» Гоголя. Все представления, по примеру прошлого года, пройдут живо и с воодушевлением. Я это и заметил, что зрителям главным образом нравилось то воодушевление, с которым играли исполнители. Жизнь на сцене была так искренна и неподдельна, что буквально заражала публику, захватывала всех зрителей, невольно приковывала их к сцене. Нужно было видеть всех этих парней, девиц и детей, сидевших на плечах: взрослых, чтобы понять неотразимый интерес народа к театру. Даже в антрактах многие оставались в театре /.../. Все прекрасное, как в жизни, так и на сцене, доступно чувству и уму нашего простого пахаря-крестьянина. /.../

Наблюдатель» [122, с 2].

В это же время, «в январе 1899 года, О.Н. Поповой открыта и снабжена всем необходимым бесплатная народная читальня. В ней было много небольших народных книжек, Библия, сочинения Пушкина, Гоголя, Даля, Купера и других авторов, журналы «Нива», «Сельский вестник», «Живописное обозрение», газеты «Смоленский вестник», «Биржевые ведомости». Вблизи читальни находилась дешевая чайная, которою крестьяне, пользовались с большой охотой, особенно

зимой» [81.с. 354]. Для грамотного подростка-крестьянина, которому в праздничное время некуда деть себя, читальня сделалась притягательным местом.

Система культурных мероприятий, проведенных Поповыми, зачастую имела антиалкогольную направленность, что было не случайно, поскольку, питейные заведения открывались практически повсеместно. В статье, цитата из которой была приведена выше, отмечено и замечание автора: «Кто составлял публику? Если исключить первые ряды интеллигенции, то останется толпа баб, девиц, парней, подростков. Не было только степенных «хозяев», которые веселили свое сердце у кабатчика» [121, с. 2].

Отвлекающими от пьянства факторами служили и чайная, и читальня, и народный театр, и литературно-музыкальные вечера. На борьбу с пьянством направлялась и деятельность приходского совета. Влияние совета было действенным, поскольку он принимал живое участие во всех делах, организовывал помощь в случае пожара, падежа скота, неурожая, градобитья и других несчастий. Сам Попов под особым контролем держал мельницу, куда приезжали мужики из разных деревень. Порядкам был установлен строгий: категорический запрет на распитие спиртного.

При мельнице Попов выстроил домик, являвшийся чем-то вроде библиотеки и читального зала, где можно было послушать грамотея, читающего интересную книгу, познакомиться с новостями из свежей газеты.

Поповы не были одиночками в своих культурных начинаниях, и это воздействие со стороны дворянства и интеллигенции на культурный и интеллектуальный уровень населения к концу прошлого века все больше нарастало. «Забота о поднятии умственного уровня крестьянского населения,— писал один из авторов «Смоленского вестника» 7 февраля 1898 года,— является характерной чертой текущего десятилетия» [120, с. 3]. Эта тенденция хорошо прослеживается на примере и Краснинского уезда, где жил и трудился Попов, хотя уезд не был выдающимся ни в каком отношении.

Помимо просветительских мероприятий «важную роль в распространении знаний играл комитет попечительства о народной трезвости, созданный в уезде

при содействии Попова. Главная цель комитета — отвлечь крестьянина от кабака. Именно этому комитету удалось открыть доступ в 38 пунктов уезда для народных чтений, которые разрешались лишь там, где есть наблюдатели от правительства, в должности которых выступали священники» [81, с. 354]. Публичные чтения поощрялись и царскими особами. В частности, великая княгиня Елизавета Федоровна в 1891 году на нужды чтений прислала 100 рублей в Сычевку. Народные чтения не ограничивались религиозно-нравственной тематикой. Наряду с духовно-нравственными темами («Пророк Моисей», «Тихон Задонский», «Иоанн Дамаскин») все большее место занимала светская тематика: чтение художественных произведений Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Жуковского, А.К. Толстого, Пушкина, Крылова. Большой популярностью пользовались научные тексты с «теневыми» картинками (проекционным фонарем) – о чае, о явлениях природы. Учителя, врачи, агрономы и некоторые дворяне становились активными проводниками и пропагандистами научных знаний. Особенно сильным было влияние чтений с использованием проекционного фонаря. Их было три в комитете. Иногда чтения сочетались с выступлениями любителей драматического искусства.

Среди крестьян становится популярным и самостоятельное чтение.

В городе Красном, селах Досугове, Соболеве, Каблукове, Мерлине создаются бесплатные библиотеки и народные читальни, также открываются школьные библиотеки; в Красном учреждена бесплатная публичная библиотека, являвшаяся филиалом Смоленской заднепровской библиотеки. Уже к 1900 году в каталоге библиотеки насчитывалось более тысячи читателей, половину из которых составляли крестьяне [135].

Бурную деятельность развернуло общество пособия бедным. Основной формой его деятельности была подготовка спектаклей и выступления. В главных ролях часто выступали дворяне Печковский, Плескачевский, Краевская. Практиковались литературно-музыкальные вечера. В них принимали участие оркестр пожарного общества (капельмейстер Дворин). Использовались произведения А.Н. Островского, А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого,

А.Н. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.М. Гаршина, С.Я. Надсона и других авторов. Чаще всего ставились пьесы Островского: «На бойком месте», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется», «Не все коту масленица», «Женитьба Белугина», «Лес». Ставились водевили, комедии, фарсы, шутки. Спектакль или концерт давал от 300 до 500 рублей дохода, который реализовывался в благотворительных целях через посредство уездной земской управы.

В 1899 году по инициативе общества пособия бедным на средства, собранные в виде пожертвований и средства от нескольких платных спектаклей и концертов, выстроено великолепное здание народного театра со зрительным залом на 250 мест и разного рода подсобными помещениями. В нем разместились филиал Смоленской библиотеки, бывший ранее в доме П.А. Келлера, одного из инициаторов создания такого филиала, а также читальня и дешевая чайная, и культурно-благотворительные общества [123].

Общественная и просветительская деятельность Поповых не ограничивалась уездом и губернией. Они являлись петербургскими книгоиздателями. Особой известностью пользовалась О. Н. Попова.

В 1895 году она становится издательницей ежемесячного научно-литературного и политического журнала «Новое слово». Финансовой и хозяйственной частью журнала руководил А.Н. Попов; через непродолжительное время министр внутренних дел утверждает его ответственным редактором. Среди сотрудников журнала, являвшегося неподцензурным изданием, — А.П. Чехов, А.М. Горький, Д.Н. Мамин-Сибиряк, К.М. Станюкович, представители либерального народничества (С.Н. Кривенко, А. Скобичевский и другие) [170].

Редакция журнала ставила своей целью обратить особенное внимание на запросы и нужды провинции. «С другой стороны,— говорилось в программе редакции,— зная, насколько важно сопоставление европейской науки и опыта с русской действительностью, мы желаем обратить серьезное внимание на европейскую литературу, науку и жизнь» [16, с. 126].

В журнале печатались произведения А.М. Горького («Тоска», «Коновалов»), И.А. Бунина («На край света», «Учитель», «В поле»), Д.Н. Мамина – Сибиряка («Без особенных прав», «На шестом номере»), А.С. Серафимовича («Под праздник», «Аптека ночью»), Н.А. Рубакина («Взыскующие града», «Лицом к лицу», «Искорки»), Э. Золя, А. Доде, Ф. Энгельса, П. Лафарга, П.Б. Струве, М.И. Туган – Барановского, К.А. Тимирязева.

В 1897 году резко обострились противоречия между группой либеральных народников (С.Н. Кривенко и другие), составлявших основное ядро редакции журнала, и издательницей. Попова стремилась уйти от этих противоречий. Группе конфликтующих сотрудников — идеологов либерального народничества было предложено «взять журнал, уплатив 25 процентов затрат», но те не приняли предложение. Попов готов был передать журнал безвозмездно (затраты на него в общей сложности составляли около 40 тысяч рублей) лично Кривенко, тот отказался.

После всех этих передраг, изматывавших О.Н. Попову, журнал был продан М.Н. Семенову. Но передраги на этом не кончились. Кривенко и Скобичевский вышли из состава редакции. Скобичевский с другим сотрудником от имени редакции подали жалобу в суд чести Союза русских писателей, обвиняя издательницу в том, что якобы по ее вине журнал перешел к людям направления прямо противоположного, защищающего буржуазию. Попова по состоянию здоровья участвовать в суде чести не смогла, доверенным лицом обвиняемой выступал ее муж. Разбирательство длилось с 25 апреля по 12 мая 1897 года, а 30 мая того же года вышла из печати брошюра Попова объемом 76 страниц с подробным изложением всего хода разбирательства. Судьи не пришли к единому мнению. Один из троих (В.Д. Спасович — известный юрист, специалист по международному и уголовному праву и процессу, автор «Учебника уголовного права») остался при особом мнении, считая поданную жалобу необоснованной и предлагая оставить ее без последствий. Двое других членов суда приняли решение «считать Ольгу Николаевну нравственно неправой в продаже журнала в том виде, как эта продажа совершилась, то есть лицам иного, хотя тоже

прогрессивного направления, не исчерпав всех средств для продажи журнала своим прежним сотрудникам» [24].

На протяжении трех десятилетий Поповы владели книжным магазином с библиотекой-читальней в Петербурге. Тем книжным магазином (Невский проспект, д. 24, ныне Центральная городская библиотека им. В.В. Маяковского), который основал в 1861 году Н.А. Серно-Соловьевич, один из руководителей тайного общества «Земля и воля», вместе с сотрудником «Современника» А.А. Слепцовым. После гибели Серно-Соловьевича к возрождению магазина приложил руку член «Земли и воли» А.А. Черкесов. Магазин снабжал книгами по сниженным ценам (на 20—40—60 процентов) студенчество и провинцию. Также он осуществлял и издание книг [56].

О.Н. Попова придерживалась сложившихся в Черкесовской библиотеке традиций, и библиотеку продолжали называть Черкесовской. Книжные фонды постоянно пополнялись, в том числе и за счет марксистской литературы. Здесь имелись «Критика некоторых положений политической экономии» К. Маркса («К критике политической экономии»), «Положение рабочего класса в Англии» и «Крестьянский вопрос на Западе» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии») Ф. Энгельса, «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды и статьи» В.И. Ленина, работы А.М. Коллонтай, А.В. Луначарского, Розы Люксембург, Карла Либкнехта.

Как пишут И.Е. Баренбаум и Н.А. Костылева, «направление издательства О.Н. Поповой с самого начала было демократическим. Она привлекала к участию в работе издательства ученых, писателей, популяризаторов. В издательстве активно сотрудничали К.А. Тимирязев, возглавлявший естественно-научный отдел, биолог А.О. Ковалевский, ботаник А.Н. Бекетов, историк литературы А.Н. Пыпин. Главным редактором был приглашен выдающийся просветитель, библиограф Н.А. Рубакин» [5, с. 287].

О.Н. Попова издавала литературу, которая служила развитию общественного сознания в духе передовых современных идей. Важное место занимали книги по общественным наукам — истории, праву, философии,

естественно-научные книги. Преобладали серийные издания. Таковы серии «Из жизни природы и человека» (например, выпуск № 64 — книга М. Сабининой «Доисторический человек»), «Культурно-историческая библиотека № 2», дешевая серия «Рассказы о разных странах и народах», еженедельное серийное издание «Темы жизни», в подготовке которого основное участие принимали А.В. Луначарский, А.М. Коллонтай. Здесь издавались произведения Н.В. Шелгунова, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, И.М. Сеченова, Ч. Дарвина, брошюры о политических процессах по делу А.Д. Михайлова, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, лекции, читанные в Московском политехническом музее, книги зарубежных общественных деятелей [5]. Некоторые из книг, изданных Поповой (например, «Светочи правды» М.В. Алтаевой-Ямщиковой), выдержали впоследствии много изданий. Попова выступала как издатель, редактор и автор.

Ольгой Николаевной были составлены учебные пособия: книга для чтения в сельской школе «Родной мир» и приложение к ней «Естественно-историческая хрестоматия»[5].

После закрытия журнала «Новое слово» Попова живет в основном в Соболеве. Она была избрана почетным членом попечительства о детских приютах в Краснинском уезде, вместе с мужем на базе Соболевской земской школы занималась модернизацией школьного образования, явилась инициатором многих культурно-просветительных начинаний в Краснинском уезде (организация народного театра, подготовка концертов, распространение педагогического опыта).

Таким образом, Александра Николаевича Попова по праву можно назвать одним из выдающихся организаторов - просветителей Смоленской губернии. Во многом именно к его заслугам относятся развитие системы народного образования на местах, активные мероприятия по решению проблемы обучения девочек и создания женских школ и семинарий. Образцом организации просветительского процесса явилось село Соболево, где на сравнительно небольшой территории были созданы условия не только для обучения детей, но и для приобщения к достижениям культуры жителей сел и деревень старших

возрастов, поскольку именно в этом он видел главный фактор развития русского общества и выхода его на качественно новый уровень.

2. 3 Организация и деятельность Соболевской женской учительской семинарии

Начало XX века сопровождалось для Александра Николаевича Попова целым рядом печальных событий. Смерть его жены Ольги Николаевны, уход с государственной службы, политическое обвинение и заключение в тюрьму. Многие дела остались незавершенными, многие проекты не были доведены до конца. Но самое главное, человек, видевший целью всей своей жизни служение народу, оказался фактически отстранен от какой-либо общественно-полезной деятельности. Поэтому все идеи и весь свой потенциал он направляет на родовое имение Соболево-Воробьево.

У Попова созревает грандиозный план создания женской учительской семинарии для крестьянских детей, образцового учебного заведения, предназначенного для учебных занятий и быта учащихся и преподавателей. В биографической статье А.И. Власенкова «Они жили для нас», автор отмечает, «это удовлетворяло все внутренние запросы подвижника-земца, отвергнутого от общественных дел: и достойный памятник, и осуществление давнишней мечты — дать народу школу, образцового учителя, культуру и возможность еще раз взяться за большое, полезное для общества дело, реализовать всего себя и все свои материальные, денежные средства» [23, с. 46].

В приводимом выше очерке инженера Шапкина, душеприказчика А.Н. Попова, также есть упоминание об этом проекте: «Попов не раз говорил, что хороший учитель — душа школы», что школа без хорошего учителя «учреждение мертвое, механический аппарат, не приносящий и десятой доли того, что бы она

могла принести» [130, с. 2]. Далее в своем очерке он попытался раскрыть идеи и мотивы, двигавшие Поповым при создании учительской семинарии. Шапкина поражало, что человек, наделенный столь разносторонней одаренностью — «исключительно ясным умом, талантом организатора, кристальной чистотой и честностью» — из-за «своей житейской скромности остался как бы в тени и, недостаточно оцененный современниками, тихо и сравнительно незаметно отошел во всепоглощающую вечность» [130, с. 2].

Что же касается строительства учительской семинарии в сельской местности, то тут, по словам Шапкина, «все было продумано и выглядело вполне логично. Тем более что смысл всей жизни Попов видел в служении народу, в повышении его благополучия, а прямой путь к нему он видел в повышении культуры народа» [130, с. 2].

И далее он отмечает, «без обучения народа не может быть и культуры. Не будет культуры, не будет и самого народа в благородном значении этого слова, а будут лишь жалкие рабы. Рабство же во всяком виде Попов не терпел и не выносил» [130, с. 2].

О создании семинарии Шапкин пишет: «На пути вставала непреодолимая стена – отсутствие учителей, педагогов. Надо создать кадры учителей, которые, воспитавшись в скромной сельской среде, не стремились бы из нее в город и не томились бы ее бедным однообразием, а смело бы вошли в самую гущу жизни народной, прониклись бы интересами ее, обогатив ее в то же время зачатками культуры, вынесенными из учебного заведения, устроенного среди полей и лесов, скромных медвежьих углов России. Таким образом, естественным путем пришел он к необходимости воспитывать учителей именно в той же атмосфере родных медвежьих углов, вдали от суеты и соблазнов городской жизни, дабы питомцы подобных школ чувствовали реальное биение пульса народного и не дичились бы бедноты и мрака деревенского... Таким образом, он преследовал две цели: подготовить учителей народных в той самой среде, в которой придется им, быть может, проводить всю свою последующую жизнь» и «внести в темную деревенскую жизнь культурный фактор, который, будучи независимым от

меркантильных мелочей повседневной деревенской жизни, явился бы способным внести в нее объективное, спокойное, просвещенное начало чего, к сожалению, по мнению Попова, не могли и не могут делать помещики, живущие за счет доходов от земли. Очень уж перекрещиваются линии их интересов с крестьянскими [130, с. 2].

Одновременно он планировал «устройство в его имении низшего сельскохозяйственного училища, полагая, что параллельное существование в деревенской глуши учительской семинарии и сельскохозяйственного училища только усилит то влияние, которое он хотел создать путем организации просветительских учреждений» [130, с. 2].

Реализации задуманного, казалось бы, как нельзя лучше способствовала складывающаяся обстановка. Появление в мае 1908 года законопроекта о введении всеобщего обучения и отпуске средств на эти нужды резко меняло ситуацию [214]. Строительство новых школ, общежитий и ночлежных приютов при них, снабжение учеников теплой одеждой, устройство при школах завтраков и обедов для учеников, содействие обучению глухонемых и слепых – вставали в повестку дня, вопросы эти решались земством. Осуществлению вступившего в силу законопроекта препятствовало отсутствие учительских кадров. Работавшая на тот момент Алферовская семинария, которая готовила педагогов для школ Смоленской губернии, справиться с такой задачей не могла. Выпускники гимназий к тяжелой работе учителя, тем более в сельской местности, не были готовы. На повестку дня вставало учреждение в губернии учительских школ.

Сложности на пути создания учительской семинарии возникали не только на юридической и материальной почве. Почти двухлетнее пребывание в тюрьме (следствие длилось больше года) с последующим лишением избирательных прав было также серьезным препятствием на пути к намеченной цели.

Подготовка нужных решений велась еще до судебного процесса по делу по Выборжскому воззванию. 8 января 1908 года, через три недели после вынесения приговора суда, на заседании Смоленской губернской земской управы И.Г. Полуектов докладывал: «на его имя поступило заявление бывшего гласного

Губернского Земского Собрания А.Н. Попова о том, что в память О.Н. Поповой им жертвуется 20000 рублей на устройство помещения для женской учительской семинарии в с. Воробьево, Краснинского уезда, ..., с тем, чтобы означенная семинария находилась в ведении Губернского Земства. При этом жертвователь заявляет, что после его смерти вся земля по селу Воробьево, принадлежащая ему, должна перейти в собственность учреждения, в ведении которого будет находиться учительская семинария» [139, с. 18]. Предложение Попова было встречено «с благодарностью» [139], гласные Собрания В.Н. Муромцев, Ю.В. Печковский, А.В. Тимофеев поддерживают данную инициативу «тем более что таких учреждений еще нет» [139, с. 19].

В этом же месяце была создана ревизионная комиссия по предложению Попова об устройстве на его пожертвование женской учительской семинарии. 23 января губернское Собрание заслушало доклад ревизионной комиссии. По ее мнению, «если Губернское Земство примет на себя устройство семинарии в заведывание этим учебным заведением, то при отсутствии со стороны Министерства народного просвещения материальной помощи, оно должно будет принять на себя расход по содержанию учительского персонала, который может выразиться ежегодным расходом в 3-4 тысячи» [139, с. 123]. Само предложение А.Н. Попова комиссия оценила как очень своевременное, поскольку «семинария сослужит большую службу Смоленскому Земству, так как ежегодный приток шестидесяти вполне компетентных учительниц даст возможность выбора и тем поставить преподавание в училищах на лучшую степень» [139, с. 124]. На основе доклада Собрание решает принять с благодарностью предложение А.Н. Попова и устроить женскую учительскую семинарию на 60 воспитанниц, а также «поручить Управе при участии Александра Николаевича, если он того пожелает, выработать план и смету, как расходов по устройству семинарии, так и будущего ежегодного содержания, а также представить свои соображения и предначертания по делу устройства и ведения дела в семинарии по образцу наилучших, существующих уже в других земствах» [139, с. 126].

Однако действительность предъявила немало препятствий на пути создания семинарии. Изначально был принят ряд постановлений, направленных на успешное и быстрое решение вопроса, в кассу земства внесено 20 тысяч рублей, участок земли в 4 десятины для строительства зданий принадлежит земству, на нем сложено 5250 бревен, вывезенных из лесной дачи Попова нанятыми им же рабочими, куплено и завезено 29 кубометров бута, заготовлено 2700 досок теса, есть соглашение на поставку 3 тысяч пудов извести. Губернская управа ведет переговоры с Министерством народного просвещения по поводу расходов на вознаграждение преподавательского персонала и на учебно-хозяйственные нужды. Все это проходило в то время, пока шло следствие по делу о Воззвании, и виновными отсиживался срок. А.Н. Попов изучил за это время структуру и учебные планы всех существовавших в то время в России учительских семинарий, включая проект крестьянской семинарии, составленный Л.Н. Толстым, который стремился организовать подготовку учительских кадров при Яснополянской школе. Согласно его проекту, обучающиеся должны были 6 месяцев в году (в зимнее время) посещать занятия, изучать предметы: арифметику, русский язык, славянский язык, географию, Закон Божий, историю, геометрию, черчение, землемерие, пение, алгебру, чистописание, а также проходить практическую подготовку на базе школы, давая пробные уроки. В летнее время обучающиеся занимались сельским хозяйством, работали на полях, что помогало сблизиться с местным населением и лучше его понимать, что являлось неотъемлемой чертой народного учителя [18].

Однако в апреле 1908 года появляется новое положение Министерства народного просвещения о женских учительских семинариях [47] – с четырехлетним курсом обучения (в то время, как планировался трехлетний) и с общим числом учениц 120 человек, вдвое больше, чем намечалось в планах Попова. Содержание штатов и стипендии теперь потребуют вдвое больше средств. И зданий также необходимо вдвое больше. На строительство зданий, не принимая во внимание стоимости леса, который брался бесплатно в даче Попова и завозился им же, теперь требовалось 69,5 тысячи рублей, с водопроводом — 73

тысячи, а если считать стоимость леса и его доставки, то затраты на одно лишь сооружение семинарии составляли более 100 тысяч рублей вместо планировавшихся 20 тысяч. Для того, чтобы покрыть все эти расходы, пришлось бы продать с молотка не только землю Попова (нигде не заложенную и не состоящую под запрещением), но и библиотеку, носившую имя А.А. Черкесова, и книжный магазин с книжным складом, что неблагоприятно отразилось бы на состоянии будущего специального фонда, направленного на обслуживание нужд семинарии.

На январском земском губернском Собрании в 1909 году напрямую ставится вопрос: предлагать Попову, чтобы он сейчас внес всю необходимую сумму или искать более гуманный выход из создавшегося положения. Тут и появилась группа «зубров», так назвал их «Смоленский вестник», 1909 года [124], решившая приостановить широко развернутое дело. Потребовался авторитет губернатора Н.А. Хомякова, члена Государственного совета В. П. Энгельгардта и члена Государственной думы Н.Н. Опочинина, чтобы побороть «зубров» в двух заседаниях объединенной редакционно-ревизионной комиссии. Но до единогласия было далеко. 16 января, когда окончательно решался вопрос о судьбе Соболевской семинарии, некоторые из «правых» (противники строительства и политические оппоненты Попова) не явились на заседание, итаким образом шансы на положительное решение вопроса возросли. Урусов (губернский предводитель дворянства, он же председатель Собрания) предлагает перенести рассмотрение вопроса на другой срок. Опочинин настаивает рассмотреть сейчас. При голосовании его поддерживает большинство. Двое из «правых», выступая, пытаются отодвинуть и сроки рассмотрения вопроса и сроки ввода в действие семинарии, если уж строительство ее неизбежно (в то время, как оно уже шло полным ходом). Аргументы используются самые различные, в основном экономические, касательно того, что 20 тысяч, переданные Поповым,— это якобы рента, процентные бумаги, и стоимость их не более 15 тысяч, имущество книгоиздательства и книжного склада принадлежит товариществу, а не одному Попову, и принимаемое решение ввергнет земство в непомерные расходы на

строительство семинарии в глухой деревне, в то время как городу нужны мощеные тротуары, пожарный обоз, каменные лестницы в зданиях; и не окажется ли Попов в стороне, когда земство будет втянуто в строительство. Опочинин возражает противникам Попова. Возражают Вороновский, Печковский (докладчик комиссии). Ровенский заявляет: «Личность А.Н. Попова настолько известна, настолько пользуется уважением и доверием, что едва ли можно сомневаться, чтобы при переговорах с ним встретились какие-либо затруднения относительно удовлетворения тех или иных нужд семинарии — его родного детища, являющегося выражением его заветного желания. Надо ли нам изыскивать всякие способы, чтобы затормозить это дело, являющееся благодеянием для всей губернии» [140, с. 44].

А.Н. Попов при этом не присутствовал. Переговоры с ним по частным текущим вопросам ведет А.М. Тухачевский. Полемика на заседании по хозяйственным вопросам приобретает политический оттенок, накал страстей достигает своего предела. Некоторые выступают подва-три раза. Когда дело доходит до голосования и становится очевидным, что большинство — за открытие семинарии уже в следующем, 1910 году, двое из «правых» демонстративно покидают Собрание [140].

Большинством голосов (25 против 12-ти), представленные комиссией планы по строительству семинарии утверждаются (из расчета, что материалы для стройки и ее финансирование полностью обеспечивает Попов) [140].

Под комплекс сооружений учительской семинарии отведено красивое и удобное место. Соболево к началу XX века стараниями Попова, а отчасти Шелгунова превращено в живописнейший уголок Смоленщины. Величественные деревья разных пород с необычными для этой местности формами листа и кронами, бесконечно длинные ровные ряды лип, с двух сторон окутанные живописным кустарником, посыпанные песком дорожки между густыми зарослями роз, акаций, хмеля, жимолости, рябины и других растений. Повсеместно просматривается ландшафтная архитектура.

Усадьба располагалась на правом гористом берегу реки Вихры, протекающей здесь с севера на юг. Под самой усадьбой течение реки вместе с гористыми берегами делает небольшой излом к юго-западу, на образуемом им холмистом мысу и выбрано место для семинарии. Место это отделяется небольшим оврагом от хозяйственных и усадебных построек экономии Попова, закрытой парком и раскинувшимся на нескольких десятинах плодовым садом. С места, отведенного под семинарию, открывается широкий вид на речную долину с разбросанными по ней деревнями. Прямо против проектируемой семинарии, тоже на горе, за рекой, стоит Соболевская церковь и неподалеку от нее двухклассная Соболевская школа, преобразованная в министерскую (см. приложение З). Под усадьбой, на западе,— четырехэтажная Соболевская мельница (см. приложение Б), вносящая оживление в местную округу, лопасти которой впоследствии соединялись с генератором и давали электричество для семинаристок. Участок, отведенный под семинарию, медленно поднимается в гору.

Для семинарии на 120 мест территория теперь расширена до 6 с лишним десятин (примерно 9 гектаров). Утверждена смета в размере 104 875 рублей (в пять раз больше, чем первоначально намечалось Поповым). Однако затраты были оправданы. Все здания должны располагаться на каменных фундаментах, непременно иметь бетонные подполья быть покрытыми железом. В число зданий входили следующие: двухэтажный учебный корпус (см. приложение В), два двухэтажных здания для общежития (см. приложение Г), квартирный корпус (см. приложение Д), жилой корпус для преподавателей (см. приложение Е), здания для кухни и столовой (см. приложение Ж), для бани и прачечной.

Потом встал вопрос о сооружении водопровода с энергетической установкой, о строительстве еще одного здания — для базовой школы, где будущие учителя должны проходить первоначальную педагогическую практику, так как ходить в школу, что на другой стороне реки, было бы неудобно. Предстояло соорудить теплых помещений общим объемом более 2000 кубических саженьей (около 20 тысяч кубометров).

А.Н. Попов сам руководит строительством: едет в Прибалтику перенимать опыт возведения подобных сооружений, вместе со специалистами планирует расположение учебного и жилых корпусов, подсобных зданий, внутреннее устройство помещений, благоустройство территории, обеспечивает доставку материалов, повседневно следит за качеством производимых работ. Как пишет в биографической статье А.И. Власенков, «несмотря на все препятствия, которые пришлось преодолевать в земских учреждениях разных уровней и в Министерстве народного просвещения, строительный гул не прекращался, нарастал, и из земли, подобно грибам, начали подниматься сразу в нескольких местах будущие учебный и жилые корпуса, столовая и другие здания. И среди этого гама и шума постоянно, начиная с 4 часов утра и до позднего вечера, можно было видеть сухощавого, среднего роста, бравого старика, который то объяснял что-то плотникам, то вместе с ними переносил бревно или доску. Почти вся Кузнецовщина (целый лес) пошла на возведение семинарских зданий» [23, с. 51].

Семинарский участок в шесть с лишним десятин он почти весь обсадил сплошной живой изгородью из роз, второй ряд изгороди — из чередующихся насаждений ивы, липы, дуба, третья линия — из ели. По участку то там, то здесь посажены небольшие группы из разных деревьев, и ни одно дерево не было посажено без его участия, без подробного и всестороннего обсуждения, как сделать лучше, красивее, удобнее. Сам лично ухаживал за деревьями, подстригал кустарники. И так — во всем, что относилось к семинарии и будущим обитательницам интерната. Заботам его не было предела.

Он уже подробно обсуждал будущее «пищевое довольствие», интересовался литературой по этому вопросу, опытом других заведений, в частности, Смоленского епархиального женского училища. Он хотел все предусмотреть, каждую мелочь. Думал даже над тем, как лучше организовать сушку белья.

Тяжелые заботы сильно подрывали здоровье А.Н. Попова в его уже значительном возрасте. И причиной этому были не только препятствия, встававшие на пути к осуществлению мечты, но и политические неурядицы в стране. Тяжелое впечатление производило на него то, что происходило тогда в

Финляндии (распространение на нее русского закона о воинской повинности, уничтожение финляндской конституции). После первого приступа грудной жабы (стенокардия) он говорил: «Все было хорошо, да вот взял «Русские ведомости» и опять прочел о Финляндии». То же самое и в последний день, в день кончины 20 мая, когда Попов после более чем месячного перерыва впервые взял в руки газеты... «Он с утра чувствовал себя совсем хорошо, настолько хорошо, что хотел уже выходить и ждал только приезда врача, который должен был в этот день навестить его; но прочитал опять о Финляндии, и приступ начался. Это было в 10 часов утра, а в четверть четвертого его уже не стало. И последние его минуты были посвящены горю других...» [127, с. 3]. В это время газеты сообщали о победе в 3-й Думе консервативных сил при голосовании по финскому вопросу. Суть его заключалась в том, что при наборе состава Думы, который по закону насчитывал 446 мест, баллотировались 4 члена от Великого Княжества Финляндского. Однако, как сообщает «Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва 1907-1912 гг.», «избрание таковых не последовало до истечения полномочий Думы» [70, с. 8]. Попов был этим страшно взволнован, поскольку оппозиция, к которой относил себя и Попов, имела опору в Финляндии, именно там составлялось и печаталось подписанное им в 1906 году Выборгское воззвание; однако теперь за неимением поддержки она терпит поражение.

На следующий день «Смоленский вестник» помещает некролог (без указания автора, от редакции), передающий отношение прогрессивной общественности губернии к одному из своих лучших представителей, ушедшему из жизни:

«В своем имении Соболево Краснинского уезда скончался член Первой государственной думы от Смоленской губернии, популярнейший у нас земский деятель Александр Николаевич Попов. (...) Не стало одного из честнейших наших общественных деятелей, с именем которого связано все светлое, все прогрессивное в жизни нашего земства; не стало человека, вся жизнь которого была служением народу и родине; не стало рыцаря без страха и упрека. (...)

Александр Николаевич умер в преклонном возрасте. Но до последних дней он сохранял бодрость, кипучую энергию и беспримерную работоспособность. Увы, в последние годы эта энергия и работоспособность были скованы: он был «выборжцем» — и многие пути к любимой его земской деятельности были для него закрыты. Но он не унывал, он нашел другой путь, другое поприще для работы на пользу народа и родной ему Смоленской губернии. Он отдал все свои средства и весь остаток сил своих на устройство женской семинарии имени достойной своей спутницы – Ольги Николаевны Поповой. И здесь на этом пути, на этой славной работе ему пришлось встретиться с мстительной злобой черной стаи. Помните, как на земском собрании наши реакционеры всячески тормозили разрешение вопроса о женской семинарии, помните, к каким уловкам они прибегали, чтобы сорвать этот вопрос? ... Но им не удалось сорвать прекрасное просветительское дело, задуманное Александром Николаевичем, как не удастся им заглушить и великую идею, которой всю жизнь служил он вместе с другими «лучшими людьми» нашего времени» [128, с. 2].

Газета «Смоленский вестник» несколько раз на самых видных местах, крупным шрифтом сообщала о смерти и похоронах Попова, об организуемых земствами панихидах в Соболеве, в уездном и губернском Собраниях.

«Он ушел от нас, думая и заботясь о нас. Он так хотел пожить хотя бы до октября, чтобы ее готовую совершенно отделанную, чистую и прибранную передать директору. Все еще кажется, что стоит только приехать в Соболево, пойти на постройку – и увидишь там А.Н., либо устраивающего собственноручно живую изгородь из шпырея и разных деревьев, либо подбадривающего кирпичников и других рабочих» [127, с. 3].

Похороны, как и вся жизнь Попова, были на редкость скромными. В тот момент, когда уже собирались ехать в Смоленск за погребальными принадлежностями, достойными дворянина, нашли оставленную Александром Николаевичем записку просьбой, чтобы о смерти его никого не уведомлять, положить его в простой гроб и свезти на погост на простых дрогах, на старой лошади, доставшейся ему в наследство от тетки вместе с именем. Поэтому вся

погребальная процессия была обставлена крайне просто. «Медленно плелась с гробом слепая старая лошадь, понуро шли за нею крестьяне и немногие соседи — друзья покойного. Со слезами провожали останки А.Н. прислуга и служащие его экономии» [128, с. 2]. Похоронили его при Соболевской церкви, рядом с О.Н. Поповой. Отпевание и проводы совершал притч села Соболево. Было много венков и букетов от рабочих, строивших семинарию, от служащих его экономии, от крестьян окрестных сел.

Кроме информационных материалов о случившемся, в газете выступили с воспоминаниями о Попове писательница М. К. Цебрикова, строитель А. Бобров, главный инженер соболевской стройки Н.П. Шапкин (душеприказчик по завещанию), помещик Е. Х. Дрелинг (тоже душеприказчик), учитель П. Голицын. Цебрикова писала, что «А.Н. Попов всю свою жизнь оставался трезвым оптимистом», «никогда не переоценивал практического значения» таких политических актов, как «Выборгское воззвание», что «реакция не погасила его веры в близкое общественное возрождение», что он всегда ратовал за широкое распространение народного образования, за мероприятия, направленные на раскрепощение населения и пробуждение в нем чувства человека-гражданина» [128, с. 2].

На 46-м Краснинском земском Собрании после панихиды и минуты молчания, после того как земский гласный, душеприказчик покойного Е.Х. Дрелинг прочел завещание Александра Николаевича и сообщил о ходе работ по завершению строительства семинарии и ее открытии, Собрание, приняв сведению это сообщение, постановило приобрести портрет А.Н. Попова и вывесить его в зале заседаний, из средств уездной управы учредить в семинарии две стипендии имени Попова. В этом же году одна постоянная стипендия при Соболевской семинарии была учреждена Смоленским уездным Собранием (в ознаменование 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости) [200, с. 29].

После смерти А.Н. Попова образуется строительная комиссия для продолжения работ по возведению зданий. Председательство в ней возлагается на

начальницу будущей семинарии А.А. Маркович. В комиссию входят душеприказчики, инспектор народных училищ Краснинского уезда, законоучитель и один из преподавателей строящейся семинарии. Строительство продолжается как при Попове. Совершается приемказаний архитектором Московского учебного округа: «Все здания выстроены солидно и вполне удовлетворяют техническим условиям, исполнение их соответствует предварительным планам» [141, с. 10].

В августе 1910 года начали поступать «прошения о допущении к конкурсным экзаменам». На 30 мест их подано более ста. И вот Соболево-Воробьевская женская учительская семинария имени О. Н. Поповой раскрывает двери перед первыми ученицами: учебный корпус с четырьмя классами, двумя рекреационными залами, физическим и естественно-историческим кабинетами, библиотекой, двухэтажные общежития, столовая, квартирный корпус и другие здания. Первый набор учительской семинарии, изначально рассчитывавшейся на 60 воспитанниц, составил 121 человек [181, с. 3].

Постепенно учебный процесс налаживается. В конце первого учебного года газета «Смоленский вестник» пишет:

«Александр Николаевич умер, но не умерла его бессмертная идея.

Уютно обставленный класс, столовая, масса света, воздуха во всех помещениях, увлекательное преподавание, тесно соединенное с практическими работами, работа с микроскопом, практические занятия по зоологии, ботанике на живом материале, который так щедро кругом рассыпала природа, частые экскурсии в лес, поле, совместные с преподавателями игры и прогулки учениц — все это осуществление мечты Попова. Хорошо, бодро чувствуют себя здесь первые питомцы семинарии, и вполне понятны горькие слезы вместо радости, при отпусках на праздники» [126, с. 2].

На следующий год было подано уже 142 заявления на поступление, что составило конкурс почти пять человек на место. Желаящие прибывали и из других губерний, Могилевской, Витебской, Гродненской, Орловской (см. приложение И). После сочинения — «Моя родина» идиктанта в конкурсе осталось

65 человек, а после письменной арифметики — 30. Такой же конкурс был и в 1912 году. И так же быстро отсеивались на экзаменах. Количество ошибок в сочинении («Почему я хочу учиться?») или диктанте доходило до 120. И неудивительно: школы были одноклассными, двухклассными, реже — трехклассными, к тому же женских школ было очень мало, в Краснинском уезде, например, в 1911 году на 100 человек сельского населения приходилось грамотных мужского пола 23 человека, женского—1 [149].

С открытием Соболево-Воробьевской семинарии сильно возрос интерес местного населения к образованию. Если раньше крестьяне ограничивались обучением своих дочерей в местной одноклассной женской школе, то теперь большинство девочек, окончив курс женской школы, поступают в двухклассную министерскую, где их уже столько, сколько и мальчиков. А все же Досугово местные педагоги организовали даже специальные группы по 7—10 человек для подготовки к поступлению в семинарию. Занимаясь в течение двух летних месяцев в качестве репетиторов, они брали с каждой девочки по 20—25 рублей.

Соболево из года в год набирает силу как культурный центр. Уже во вторую годовщину открытия семинарии здесь организуется вечер — спектакль с музыкально-вокальным отделением: сначала для своих учащихся (в Соболеве в те годы действовали три начальных школы: церковно-приходская, министерская и базовая, образцовая при семинарии), потом для приглашенных из отдаленных школ — Романовской, Сивковской, Каблуковской, Досутовской. Воспитанницы I—III классов семинарии (IV еще не было) в числе прочих сценических вещей исполнили фрагменты из 3-го действия оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя» (хор девушек — «Разгулялися, разливалися...», ария Антонида — «Не о том скорблю, подруженьки...»). Оркестром из 45 скрипок и хором руководил законоучитель, отец Михаил (М.И. Лебедев). После вечера, который длился около трех часов, начинались игры и танцы.

Вечера для учащихся окрестных школ в день открытия семинарии (24 ноября) стали традиционными. На них широко пропагандировалась русская литературная и музыкальная классика. После исполнения хором и оркестром

русского гимна разыгрывались сцены из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, звучали фрагменты из опер «Князь Игорь» А.П. Бородина, «Демон» А.Г. Рубинштейна, «Легенда о Христе» П.И. Чайковского, также русские народные песни в обработке известных композиторов, с большим успехом шли пьесы А.Н. Островского «Лес», «Женитьба Белугина» (соавтор Н.Я. Соловьев) и другие, «Смерть Ивана Грозного» А.К. Толстого. В постановках участвовали местные учителя.

В развертывании сценической деятельности большую помощь оказывал летний народный театр, организованный еще при жизни Поповых. Юбилейные вечера начинались днем совершением панихиды на могилах основателей семинарии, возложением венков, а заканчивались через три-четыре часа танцами.

20 апреля 1914 года учащиеся семинарии уже давали благотворительный концерт в Смоленске, в зале дворянского Собрания. Звучала классика в исполнении недавних выходцев из простого народа, звучали скрипки.

Сбор за продажу билетов составил 426 рублей. После всех расходов, связанных с концертом (оплата за 40-километровый проезд, гостиница, питание, 75 рублей — за аренду зала) осталось 183 рубля. На них организовали бесплатные обеды для учеников школы при семинарии, «Вместе с тем, — сообщалось в газете «Смоленский вестник», — радушный прием губернского города окрылил юных концертанток, дал им новый запас энергии, так необходимый в деле подготовки к ответственной роли народной учительницы. Не страшна глухая, молчаливая и суровая провинция с ее зимними выюгами и снежными заносами, когда тебя пригреют, приласкают и благословят на дальний путь. Смело и радостно тогда идешь вперед» [131, с. 3].

На концерте побывали и земские гласные, хорошо знавшие Попова и всю историю, связанную со строительством семинарии. Теперь перед ними плоды той самоотверженной борьбы, которую с их участием или в их присутствии вел ушедший из жизни земский деятель.

Все это как нельзя лучше воспитывало будущего учителя, патриота, гражданина. Просвещали и воспитывали не только учебный процесс (много

внимания уделялось закону Божию, русской словесности, истории, математике, рукоделию, пению, рисованию), установленный порядок и окружающая природа, чтение книг, приобщение к художественной культуре, воспитывала и личность Попова, Поповых, вложивших все свое состояние в этот дворец науки для угнетавшихся веками крестьян.

Осуществлялась и вторая мечта Попова. В 1913 году рядом с семинарией, по другую сторону реки, открылось первое в уезде низшее ремесленное училище. Было принято 25 учащихся (прошений было 60) в возрасте от 13 до 18 лет, имеющих разную школьную подготовку: одни закончили одноклассную начальную школу, другие — двухклассное министерское училище, третьи — городское училище, трехклассное. Председатель Краснинской земской управы Е.Х. Дрелинг (душеприказчик Попова), открывая училище, в своей речи перед учащимися нового учебного заведения, их родителями и собравшимися из окрестных сел жителями указал на «все большее и большее распространение среди земледельческого населения уезда усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин» [132, с. 2], повышающих производительность труда и качество производимых работ, в связи с чем возрастает роль специалистов, которые могли бы работать на этих машинах.

В 1913 году московская газета «Русские ведомости» подметила то, что давно было замечено «Смоленским вестником»: «В Краснинском уезде уже второе трехлетие в состав земского Собрания проходят в большинстве лица прогрессивного направления» [103]. Земцы здесь «впервые в губернии поставили вопрос об устройстве в уезде больничной сети», телефонной сети, как всегда, много уделяется внимания народному образованию. Смета на народное образование против прошлого года повышена земским Собранием почти вдвое, с 40 до 71 тысячи рублей [103].

В 1914 году инженер Н.П. Шапкин, руководивший строительством семинарии, а затем душеприказчик Попова, умирая в Петербурге, поступил так же, как и его бывший заказчик: он передал свои накопления в Крестьянский банк, и по духовному завещанию, поступившему в Смоленское губернское земское

Собрание, проценты с этого капитала должны выдаваться в виде стипендий ученицам Соболево-Воробьевской семинарии, а в случае ее закрытия — расходоваться как плата за беднейших учеников Смоленского реального училища.

Фраза «в случае ее закрытия» не была случайной. С губернскими властями Попов так и не договорился о передаче им семинарии, а вместе с тем и всех забот, связанных с ней, и всей своей недвижимости, служащей источником доходов. Договоренность с Министерством народного просвещения состоялась, когда строительство основных зданий близилось к завершению.

При жизни Попова в финансировании оно не участвовало. Все делалось на средства не столь уж богатого землевладельца, который к тому же стремился за счет неприкосновенного капитала создать хороший стипендиальный фонд. В тот момент, когда писалось завещание Попова, не было еще полной ясности, в чье ведение попадет будущая семинария и, следовательно, кому завещать материальные ценности. Именно поэтому в духовном завещании Попова в строго определенной последовательности было указано несколько юридических лиц: 1) «все доходы с имуществ должны идти в пользу учреждаемой семинарии» (подробно указывается, как должны распределяться эти доходы: «добавочное содержание педагогическому персоналу», «на стипендии учащимся», «на ремонт», «на учебно-воспитательные экскурсии», «на научные командировки»); 2) со смертью вышеназванных душеприказчиков или в случае отказа от этого звания, все поступает в ведение и распоряжение товарищества книгоиздательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой»; 3) «в случае же ликвидации дела названного товарищества все мое достояние поступает в распоряжение Краснинского земства»; 4) если не состоится открытие семинарии; то все доходы с имуществ следует употребить «на нужды народного образования в пределах Смоленской и Новгородской губерний», «на устройство общеобразовательных курсов и съездов» [132].

Многоадресность завещаемых средств дала повод товариществу издательского дела вступить в борьбу и с семинарией, юридически еще не оформившейся, и с Краснинским земством. Борьба велась энергично и

оперативно. Для петербуржцев облегчалась она тем, что капиталы товарищества (около 400 тысяч рублей) не были поделены, они оставались групповыми. И в том же 1910 году в столице, все было решено в пользу товарищества, и не только издательство, книжный склад, магазин, но и все имение Попова, его земли, лес, кроме 6 десятин, на которых возводились корпуса семинарии и которые по акту были переданы губернскому земству, оказались в руках чужих людей, весьма недружелюбно настроенных по отношению к семинарии. Недоступными для них остались лишь деньги, ранее перечисленные на счет губернского земства для строительства семинарии и создания стипендиального фонда [24].

Е.Х. Дрелинг в своих воспоминаниях пишет: «А.Н. всегда говорил, что всякие съестные припасы он будет доставлять семинарии; где же им, женщинам, с этим всем возиться. Частенько на мое замечание, почему он ездит не в рессорном экипаже, а в какой-то таратайке, А.Н. говаривал: «Надо сохранить рессорные экипажи для наших дам: вот начальница приедет, учительницы — им, конечно, нужны рессоры, не ехать же им на киселевских телегах» (Кисели — деревня). Вместо всех этих благ, вместо того, чтобы помещичья экономия обеспечивала семинарию всем необходимым или хотя бы помогала ей, «товарищество, к которому перешло имение, и семинария сразу стали на военное положение» [132]. Началась безрезультатная для только что народившегося «детища» Попова борьба.

В этих условиях в 1910 году приступила к обязанностям начальницы вдова генерал-майора Анна Алексеевна Маркович. Она не только сплотила коллектив, направила его на высокоэффективный педагогический труд, на воспитание у вчерашних крестьянок хорошей эстетической культуры, на приобщение их к ценностям современной цивилизации, но и бралась за решение вопросов, которые были по плечу лишь Попову. При ней, например, открыли в Соболеве почтовое отделение, принимавшее разного рода корреспонденцию и телеграммы. Планировалось строительство церкви при семинарии, так как церковь, расположенная за рекой, отделенная болотом, несмотря на близкое расстояние,

большую часть года оказывалась труднодоступной. Однако осуществиться этому плану помешали война и революция [24, с. 56].

А.И. Власенков пишет о данном периоде следующее: «Без пахотной земли, без учебного хозяйства, даже без луговых угодий (хотя в семинарии были лошади) кое-как еще обходились, а вот без леса, без дров при такой огромной жилой площади с печным отоплением жить, заниматься в классах, существовать было тяжело. А лес теперь принадлежал товариществу. Мало того, Попов заготовил 40 кубических сажень дров (около 400 кубометров) и сложил их на территории семинарии, но в документах они нигде не были видны, и представитель товарищества заявил, что это дрова помещицкой усадьбы, и они принадлежат новым хозяевам. После долгих споров семинария вынуждена была платить за эти дрова. Подобные ситуации складываются и с кормом для лошади, и с помещением для почты. В усадьбе стояли два пустующих дома, а почту пришлось размещать за рекой, и деревне, в крестьянской избе, так как за аренду флигеля Шелгунова, принадлежавшего Попову, новые владельцы потребовали 400 рублей в год, таких денег семинария не имела» [24, с. 58].

Резко ухудшилось положение семинарии в годы первой мировой войны. Все труднее было обеспечивать здания топливом. В 1916 году из-за высокой цены прекратился подвоз дров. Педагогический совет решает разместить всех воспитанниц в одном корпусе, сокращая, таким образом, расход топлива. Страшная теснота в комнатах и коридорах. Членов педсовета Наркович командирует для закупки дров у окрестных хуторян. Но меры эти не спасают положения: нашли «полтора куба» дров по высокой цене и без доставки. Если топить все здания — этих дров всего на два дня. Местный священник призывает крестьян помочь семинарии. Они не отказываются, но надо ждать, пока установится хорошая дорога. Классные комнаты не отапливаются, все сидят в верхней одежде. Наконец совет семинарии решает с 28 октября в первых трех классах прекратить занятия на неопределенный срок, до решения дровяной проблемы, четвертый же класс, выпускной, собрать сразу после святочных праздников. Занятия в полном объеме возобновились лишь 22 января 1917 года.

Упущенное наверстывали в праздничные дни, на первых трех курсах вместо весенних экзаменов проводили обычные занятия [134].

На усадьбу Поповых наступает запустение. «Уныло и сиротливо стоит дом с мезонином, утопающий в зелени, так старательно насаженной Александром Николаевичем и Ольгой Николаевной и так запущенной и беспризорной теперь,— пишет Е.Х. Дрелинг.— Дом, где прежде лились непринужденные беседы с Н.В. Шелгуновым, М.К. Цебриковой, Н.А. Рубакиным, С.Н. Кривенко, А.Н. Энгельгардтами другими, в нынешнюю зиму получил скромное назначение хранить яблоки, которые остались нераспроданными к зиме. После смерти А.Н. я ни разу не был в этом доме, где я провел, быть может, лучшие вечера в своей жизни в живой и интересной беседе с А.Н. о разных земских делах, которые так любил и так хорошо знал А.Н. /.../ Не знаю, во что превращена внутренность этого все же почти исторического домика. Где довольно обширная библиотека? Где картины? Где целая коллекция часов, ковры, посуда и пр. и пр.?» [132].

Революционные события 1917 года трагично сказались на судьбе Соболевской семинарии. После февраля семнадцатого года она перестала быть женской. 26 июля появилось объявление, что в Соболевскую женскую учительскую семинарию будут приняты 10 мальчиков и 20 девочек, но мальчики «будут приходящими, они будут жить на квартирах в близлежащих деревнях» [133]. Меры, предупреждавшие раннее знакомство будущих учительниц с мальчиками, давно изжили себя, утратили эффективность. По другую сторону Вихры процветало ремесленное училище. Теперь, в связи с революцией, оно стало более престижным, более авторитетным в быстро меняющемся обществе. Усилилось паломничество в семинарию, наступление ремесла на культуру.

А.И. Власенков приводит рассказ Н.Е. Кудрявцева, начальника Соболевского ремесленного училища с 1913 года, участника Великой Отечественной войны, кавалера 16 боевых орденов, услышанный им на встрече с коллективом Соболевской средней школы: «Революция пробудила энергию народа, окрылила людей, но она дала свободу и анархии, таившейся в крестьянских массах. Местное население к революции отнеслось настороженно.

Программу большевиков поддерживали не полностью. Но выступлений против новой власти не было» [24, с. 40].

Далее рассказ сообщает, «началась ликвидация помещичьих имений, раздавали имущество, скот, в том числе и с бывшей фермы Попова. Случались грабежи и погромы. Целые библиотеки бросали в реку, книги можно было ловить, как рыбу. Кузницу нашу, училищную, уничтожили: очень уж там соблазнительные предметы имелись — молотки, зубила, напильники, железо всякое. Действовали, как пелось в песне: мы старый мир разрушим и создадим новый. Проходящие солдаты иногда обстреливали училище и семинарию. Деньги быстро обесценились. На зарплату учителя можно было купить десять спичек. Месячной стипендии хватало на один обед. Обычные повседневные суммы исчислялись миллионами. Учителя ходили в лаптях, обзаводились хозяйством, скотом, но работать старались хорошо и от учащихся требовали, как и раньше. Работало культурно-просветительное общество, действовал народный театр Попова, выступали сами и приглашали артистов. Ребят увлекала техника. Очень долго трудились над электрификацией учебных зданий. Работу начали еще до революции: то одно не получается, то другое, то провода не хватает, то изоляторов. И когда однажды вспыхнул свет и во всех классах вечером стало видно, как днем, восторгам не было конца, ребята почувствовали себя хозяевами, посерьезнее взялись за учебу» [24, с. 41].

Кудрявцев, сменивший в 1918 году Наркович, ставший начальником учительской семинарии, рассказал о культурных потерях в усадьбе Поповых. Исчезла не только богатейшая библиотека с множеством редких книг, исчезла копия письма Л. Н. Толстого синоду по поводу его отлучения от церкви. Рукопись письма объемом 60—70 страниц была послана Поповой для опубликования, но публиковать она не решилась, и рукопись осталась у нее.

У Поповых хранилось рукописное Евангелие, подлинные документы, подписанные Екатериной I, Екатериной II, книги из библиотеки декабриста В.Ф. Раевского. Все это исчезло.

Советская власть осознавала роль культуры и образования для общества. В 1918 году исполком Краснинского совета постановил немедленно открыть в каждой волости школу, библиотеку, курсы грамотности для взрослых [177]. И действительно открывались избы-читальни, библиотеки, народные дома, красные уголки. Появился декрет о ликвидации неграмотности [174]. Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет обязано было овладеть грамотой: чтением, письмом и счетом. Создавались уездные и волостные комиссии по ликвидации неграмотности. Все, имеющие опыт преподавания и не имеющие такого опыта, но достаточно грамотные, бескорыстно, безвозмездно в свободное от основной работы время занимались с неграмотными, видели в этом свой гражданский, патриотический долг. Открывались специальные курсы ликвидаторов неграмотности. В Краснинском уезде около ста человек прошли через такие курсы, в том числе и при Соболевской семинарии [177].

С 1915-1916 учебного года Соболевская семинария переквалифицируется в земское одноклассное училище. В нем насчитывалось четыре отделения, обучалось уже из 49 учащихся 34 мальчика и 15 девочек. Педагогический коллектив состоял всего из двух учителей [204].

В 1918 году учительская семинария стала педагогическим техникумом [207]. До 1922 года он работал по старым учебным планам, программам и учебникам. При техникуме действовали двухмесячные педагогические курсы, на которых переучивали учителей, ранее окончивших учительскую семинарию или гимназию. Им преподавали политэкономии, теорию и практику крестьянской кооперации, основы научного миропонимания, учили проводить школьные экскурсии, организовывать школьный музей.

В годы Гражданской войны на всех уровнях берутся за приобщение женщин к хозяйству, к экономике, к руководству. В Соболевском педтехникуме развертывается работа с женщинами-делегатками, которые ехали потом на уездные, губернские, всероссийские, всесоюзные съезды. Их учили грамоте, учили выступать, раскрепощали духовно, развивали их инициативу [210].

Сохранившиеся в архивах протоколы собраний женщин-делегаток при Соболево-Воробьевском педтехникуме рассказывают о пробуждающейся энергии женщин-крестьянок. На эти собрания собиралось до ста человек из четырех сельсоветов. На них выступали с докладами о переустройстве жизни села председатели сельских Советов, обществоведы, хозяйственники и сами женщины-делегатки. Обсуждались вопросы кооперации или личного участия каждого в кооперативном движении. Намечались мероприятия, связанные с помощью бедным. Много уделялось внимания классовой характеристике бедняка, середняка и кулака, конкретным случаям скрытой аренды земли и скрытого найма рабочей силы, благоустройству деревень [210].

Разбирались хулиганские выходки, велась борьба с самогонварением и пьянством. Ставились доклады о международном и внутреннем положении СССР, о Красной Армии. Здесь же распределялись по деревням подписные издания (журнал «Крестьянка», «Крестьянская газета»). Делегатки учились мыслить, критиковать недостатки, требовать, строить планы на будущее. И небезуспешно. Приведем пример одного из выступлений, Силкиной Марии, в связи с обсуждением вопроса, как практически различать бедняка, середняка и кулака (протокольная запись): «Есть беднота, которая гонит самогон и все пропивает, а потом ходит по дворам и просит помощи, ругает Советскую власть за то, что плохо помогает им. А сами ленятся и пьянствуют» [210, с. 14]. За ней выступает Кузьменкова Вера и тоже против самогонварения. А вот Винокурова Вера оценивает бедноту по-другому: «У нас, внашей деревне, такой распущенной бедноты мало» [210, с. 14], Блинова Мария: «Что ни говорите, а беднота становится хорошей, лучше, чем была раньше, дореволюции» [210, с. 15].

Самыми притягательными для крестьян и крестьянок были выступления агронома и преподавателя педтехникума В.Н. Ильющенко, окончившего Белорусскую сельскохозяйственную академию. Как и мечтал Попов, его имение в 20-е годы превратилось в учебное хозяйство (учебный совхоз) педтехникума, и деятельность этого совхоза оказывала огромное влияние на культуру сельскохозяйственного труда крестьян, получивших землю. Ильющенко

рассказывал о том, как учебный совхоз помогает окружающему населению, сколько протравлено семян для хлеборобов окрестных сел, какой убыток терпит крестьянское хозяйство от головни и вредителей, сколько оно теряет от засорения земли плохими семенами и насколько увеличивается доходность тех хозяйств, которые засевают свои поля сортированными семенами, о ранних парах, о многополье, подтверждая выводы и рекомендации примерами и цифрами. Встречи с ним очень нравились и делегаткам и просто крестьянам, приходившим на собрания [210].

С началом коллективизации интерес этот пропал, но традиция не исчезла, она ширилась, углублялась, набирала силу. Будущие учителя учились здесь не только школьному, но и сельскохозяйственному делу, садоводству, огородничеству. Учебное хозяйство, имевшее хорошие парники, снабжало население рассадой помидоров и капусты.

Полеводство и животноводство в связи с коллективизацией исчезло. Но при педтехникуме сохранилось хорошее, полноценное учебное хозяйство. Все лучшее, что было в имении Попова, чем он гордился, что пропагандировал, распространял среди окрестного населения, принадлежало теперь педтехникуму.

В 30-е годы Соболевский педагогический техникум преобразовывается в педучилище [207]. К этому времени в советской школе и в педагогических училищах существовали многочисленные новаторские методики (бригадно-лабораторный метод, дальтон-план и др.), однако вместе с тем сохранялись и традиционные формы работы. Приобщение будущего учителя к искусству, к музыке, к театру — всегда имело широкий размах в Соболеве. В педучилище существовала иная форма приобщения: кружки. У преподавателей и учащихся кружковая работа отнимала много сил и времени, зато каждый выпускник сверх предметов, предусмотренных учебным планом, приобщался еще к чему-то жизненно важному. Занятиями в кружках охватывались все студенты, за редкими исключениями. Некоторые преподаватели руководили двумя и даже тремя кружками. Вот перечень кружков 1937—1938 учебного года: драматический и литературный (руководит Ю.С. Дубовицкий), хоровой и музыкальный

(П.И. Шашков), политкружок (Бизиков), физкультурный (Г.М. Царев), шахматный (И.Ф. Кроер), библиотечный (П.И. Шашков), журналистский (Ю.С. Дубовицкий). В этом же учебном году в связи с постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» (1936 г.) [94] был организован педагогический кружок (руководитель — А.А. Никольский). Наряду с этим создается специальная комиссия по подготовке пушкинского вечера. Ежегодно проводится большое мероприятие, посвященное тому или иному писателю, в некоторые годы — два таких мероприятия. Каждый студент должен принять в них участие, под руководством своих наставников практически осваивая методику подготовки и проведения юбилейных торжеств. В 1936—1937 учебном году внеклассная работа в значительной своей части была направлена на подготовку пушкинского вечера. В следующем учебном году шла подготовка к некрасовским дням.

В педучилище действовал лекторий: каждую неделю по вечерам студентам читались лекции по научным вопросам.

Развернувшаяся в стране борьба за осуществление всеобщего обучения требовала использования всех возможностей по подготовке учительских кадров. Кроме стационарного отделения педучилища, появилось заочное отделение и экстернат (сдача экзаменов за педучилище без обучения в нем). Многие выпускники педучилища, в связи с недостатком учителей с высшим образованием, преподавали русский язык, литературу, математику и другие предметы в 5—7 классах.

Выпускникам Соболевского педучилища доверяли ведение любого предмета в неполной средней школе: они получали здесь всестороннее образование, приобретали широкий кругозор, проникались высокой ответственностью за педагогическое дело. Надо сказать, что и требования в педучилище, начиная с приема, были высокими, жесткими, неукоснительными. Несмотря на конкурсный отбор, через месяц занятий на первом курсе из состава принятых и условно принятых отчисляли до 20 человек (25 процентов общего состава первокурсников). И в процессе учебы, вплоть до выпуска, преподаватели

не скупилась на плохие оценки. Поэтому текущая и итоговая успеваемость не блистала. В первом полугодии она не поднималась выше 60 процентов [208]. Все это являлось результатом весьма посредственной предшествующей подготовки в сельских семилетних школах. 10—15 студентов на каждом курсе, в том числе и на третьем, выпускном, получали задания на лето, то есть их перевод на следующий курс или выпуск откладывался на осенний период, когда производилась переэкзаменовка. Не справившихся с летним заданием или не сдавших повторный, осенний экзамен отчисляли из педучилища. Подобная система, регулярно действовавшая из года в год, обеспечивала предельную мобилизацию каждым студентом своих сил и возможностей.

Соболевское училище работало и в годы немецко-фашистской оккупации. Стремясь обосноваться на занятой территории, немецкие захватчики не запрещали открытие русских учебных заведений. Хотя, как отмечает А.И. Власенков, «открываемые школы и гимназии оккупированных территорий не стали ни опорой немецкого строя, ни проводниками фашистской идеологии» [24, с. 52].

Под руководством преподавателя педагогики А.А. Никольского при Соболевском училище был создан художественный коллектив, который использовал не советские и не немецкие музыкальные и литературно-художественные произведения, а русскую дореволюционную классику, в частности баллады и трагедии А.К. Толстого, в том числе и трагедии, которые ставились в народном театре Поповых еще при их жизни, такие как «Смерть Иоанна Грозного» или баллада «Василий Шуйский». Составляли и свои песни частушки, которые хорошо выражали позицию самодеятельных артистов [24].

Деятельность педагогического училища в послевоенные годы постепенно сворачивается. Подобные учебные заведения открылись в нескольких городах области, где было больше условий для приобщения к современной культуре. Катастрофически уменьшалось детское народонаселение, особенно на селе (результат деградации сельского хозяйства). Здания училища, простоя в почти полсотни лет, требовали некоторого ремонта, хотя основные конструкции

оставались первоначально прочными. В 1956 году вместо педучилища в Соболеве открыли детский дом и при нем десятилетнюю школу [209]. Через десять лет детдом закрыли, школу выстроили за парковой зоной; там же, разросся и новый поселок. Здания, возведенные в самом начале века, разрушили, бревна пошли на пристройки к частным домам. Разломали мельницу. По парку пошли машины и трактора.

В войну и после войны рушили ранее закрытую Соболевскую церковь, каменное здание почты, находившейся недалеко от церкви, стирали с лица земли кладбище, где покоится прах основателей учительской семинарии и их предков. Исчезло и само здание, где располагалась первая в Смоленской губернии женская учительская семинария.

Главное достижение всей жизни Александра Николаевича Попова, каким он сам ее считал, Соболевская учительская семинария явилась ярким довершением его работы по созданию своеобразного образовательного центра в родовом имении Соболево-Воробьево, аналогов которому практически не было во всей стране. Семинария по праву может считаться передовым и прогрессивным учебным заведением своего времени, поскольку не только создавала все необходимые условия ученицам для развития и совершенствования педагогических умений, а также обеспечивала компетентными преподавательскими кадрами отдаленные края Смоленской губернии, но и представляла собой пример важной и трудоемкой работы по вопросу развития женского образования в российской провинции начала XX века. К сожалению, революционные события 1917 года и дальнейшие политические и социальные изменения в России привели к фактическому запустению некогда процветавшего села, а имя мецената и просветителя Попова на долгие годы было предано забвению.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В данной главе нами были рассмотрены факты биографии, государственной и меценатской деятельности одного из крупнейших демократов-просветителей Смоленской губернии, гласного Смоленского губернского земского собрания, депутата I Государственной думы Александра Николаевича Попова. Его жизненный путь «является ярким примером служения своему народу представителя аристократического общества. В период, когда он был гласным земского Собрания Новгородской, а затем с 1882 года Смоленской губерний, под его руководством и по его инициативе было претворено в жизнь немало проектов, от малых бытовых до более крупных, в работе над которыми он всегда ориентировался на принципы демократизма, справедливости и открытости, с чем отчасти были связаны его трудности в отношении вышестоящих органов власти» [79, с. 382].

Одной из основных отраслей его деятельности являлась забота о народном образовании, распространении грамотности и просвещения как главном факторе развития общества. Им были предприняты многие мероприятия по оптимизации образовательного процесса в Смоленской губернии, в частности, строительство начальных школ, реальных училищ и учительских семинарий, организация передвижных учебных курсов и лекториев для малонаселенных пунктов, улучшение условий работы учителей (увеличение количества и повышение качества квалификации педагогических кадров, создание фондов по оплате труда и выдаче вознаграждений учителям, организация должностей помощников учителю и др.), учреждение библиотек и читальных клубов, народного театра.

Образцом просветительской деятельности в сфере образования А.Н. Попова и его супруги О.Н. Поповой и их заботы об образовании стало село Соболево-Воробьево, перешедшее к Александру Николаевичу по наследству, в котором на свои средства они организовали целый комплекс учреждений, нацеленных на повышение культуры и грамотности населения. Здесь в 1910 году была открыта женская учительская семинария, не только обеспечивавшая педагогическими

кадрами целый ряд губерний России, но и ставшая отражением прогрессивного шага власти и общества на пути решения вопроса женского образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное историко-педагогическое исследование организационно-просветительской меценатской деятельности А.Н. Попова, служения в органах земского и губернского самоуправления в Новгородской и Смоленской губерниях, его просветительских и педагогических взглядов позволяет представить Александра Николаевича Попова как яркого деятеля-организатора на поприще народного образования. В исследовании продемонстрированы достижения А.Н. Попова, а также охарактеризована их ценность, прогрессивность и своевременность.

Данные исследования позволяют выделить три этапа жизни и деятельности А.Н. Попова. Первый, Новгородский (1865-1882 гг.), включает в себя период работы в Череповецком уездом, а затем в Новгородском губернском земских собраниях. Он характеризуется процессами формирования идеологических и педагогических взглядов Александра Николаевича, приобретением опыта земской и просветительской работы в сфере образования и содержит, прежде всего, примеры деятельности административной и хозяйственной сфер. Однако уже в этот период важное место занимают проекты, касающиеся учебных заведений и условий обучения.

Второй период, Смоленский (1883-1907 гг.), включает время проживания в Смоленской губернии и работу в Смоленской губернском земском собрании. Важной чертой этого этапа становится приоритетная забота Александра Николаевича о вопросах образовательной сферы, а также начало организации учебных заведений в селе Соболево-Воробьево, которое к концу данного периода вырастает в полномасштабный учебно-просветительский центр.

Третий период, Соболевский (1908-1910 гг.), определяется уходом А.Н. Попова с поста гласного Смоленского собрания и полной его концентрацией на меценатской просветительской деятельности в селе Соболево-Воробьево, а именно учреждением Соболевской женской учительской семинарии,

строительству и содержанию которой он не только посвятил последние годы своей жизни, но и завещал все накопленные капиталы и все имущество.

Материалы исследования показали, что педагогические взгляды А.Н. Попова, его демократические идеалы, а также мотивационные предпосылки меценатской просветительской деятельности в сфере образования стали отражением социально-политической ситуации в Российской империи во второй половине XIX века, и, в частности, проводимой императором Александром II образовательной реформы, которая, будучи начатой еще в 1861 году, значительно тормозилась материально-финансовыми проблемами и политическими противоречиями и оставалась незавершенной к началу XX века.

В своей меценатской деятельности по вопросам образования Александр Николаевич перманентно занимался проблемой распространения сети учебных заведений в провинциальных губернских и уездных городах и сельской местности, и их оснащением, что являлось необходимой и своевременной работой его как организатора-просветителя. Поскольку нехватка подобных учреждений была одним из основных препятствий на пути реформирования системы образования России, данная деятельность была главной и наиболее важной помощью государству, которую мог оказать губернский помещик-меценат.

Взгляды А.Н. Попова на педагогику и народное образование основываются, прежде всего, на выделении важности роли учителя в педагогическом процессе, личности и подготовке которого было посвящено немало организованных им проектов, как способствующих самосовершенствованию педагогов и посильному облегчению их труда (организация передвижных школ, поддержка учреждения должности помощника учителя во многих школах), так и повышающих требования к данной профессии и ужесточающих контроль результатов обучения.

Как одна из ключевых проблем системы образования обозначенного периода была рассмотрена проблема женского образования и отношение к ней А.Н. Попова. По данному вопросу он всегда занимал определенную прогрессивную позицию, всецело способствуя расширению сети женских учебных заведений, особенно начальных школ в деревнях и уездных городах, а

также заботясь о профессиональной подготовке их выпускниц, в целях чего им была учреждена Соболевская женская учительская семинария.

В результате осуществленного историко-педагогического исследования жизни и деятельности А.Н. Попова, его мировоззрений на роль народного просвещения и организации учебного процесса, опыта просветительской деятельности в сфере образования нами было подтверждено, что Александр Николаевич Попов является ярким прогрессивным деятелем конца XIX – начала XX века на поприще образования в Смоленской губернии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, М.В. Очерк из истории народного просвещения в Смоленском крае. / М.В. Аксенов. – Смоленск, 1909. – С. 199.
2. Александр Васильевич Головнин: Речь в особом собрании для рассмотрения проекта университетского устава 17-го января 1863 года // «Русская старина». – 1887. – Т. 56. – № 11. – С. 507—512.
3. Андреева, Е.А. Епархиальные женские училища в России / Е.А. Андреева // Педагогика. – 1999. – №3. – С. 86.
4. Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И. А. Соловков. М.: Педагогика. – 1985. – 480 с.
5. Баренбаум, И. Е. Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. / И.Е. Баренбаум. – Культ-Информ-Пресс. – 2004. – 440с.
6. Барон Н. Корф, "Об обязательности обучения в России" / Н. Корф // Вестник Европы. – 1872. – № 1.
7. Беляев, И.Н. Почетные граждане Смоленска. 1865-1997. / И.Н. Беляев. – Смоленск. – 1998.– 160с.
8. Билибин, И. Памяти кн. М.Кл. Тенишевой / И. Билибин// Возрождение. – 1928. – № 1052.
9. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: Словарь-справочник от А до Я / авт.-сост.: Макальская М. Л., Бобровская Н. Н. М.: Дело и сервис. – 2003. – 255 с.
10. Благотворительность как средство развития отечественного образования в середине XIX - начале XX вв.: диссертация к.п.н.: 13.00.01. / Радченко В. А.; [Место защиты: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова]. – 197 с.
11. Богуславский, М.В. Реформы российского образования XIX-XX вв. как глобальный проект / М.В. Богуславский // Вопросы образования. – 2006. – №3. – С. 5 – 21.

12. Богуславский, М.В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX–XX вв. / М.В. Богуславский // Образование и общество. – 2008. – № 5. – С. 9-19.
13. Богуславский, М.В. Проблемы реформирования Российского образования (историко-педагогический контекст) / М.В. Богуславский // Проблемы современного образования. – 2010.– №1. – С. 33-44.
14. Богуславский, М.В. Социокультурный контекст реформирования российского образования XVIII-XIX вв/ М.В. Богуславский // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. – 2007. – №4. – С. 3-7.
15. Бурышкин, П. Москва купеческая. / П. Бурышкин.– Высшая школа. – 1991. – 352 с.
16. Бялик, Б.А. Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890-1904. / Б.А. Бялик.– М.: Наука. – 1981.– 394 с.
17. В бассейне реки Вихры. Очерки истории сел и деревень Монастырщинского района / редактор составитель Г.Т. Рябков. – Смоленск. Смядынь. – 1993. – 397 с.
18. Вейкшан, В.А. Л.Н. Толстой – народный учитель. / В.А. Вейкшан. – М.: Учпедгиз. – 1959. – 103 с.
19. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский. – 1993. – №11-12. – С. 144 – 153.
20. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский. – 1993. – №11-12. – С. 144-153.
21. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский. – 1993. – №7-8. – С. 135 – 146.
22. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский.– 1994. – №1-2. – С. 25-62.
23. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский. – 1994. – №1-2. – С. 25-62.

24. Власенков, А.И. Они жили для нас / А.И. Власенков // Край Смоленский. – 1994. – № 3-4. – С. 38-59.
25. Воскресенский, Н.А. Законодательные акты Петра I: Акты о высших государственных установлениях. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1 / Н.А. Воскресенский.– Изд-во АН СССР. М. – 1945. – 602 с.
26. Вылгина, И. Приступить к соображениям об устройстве женских школ...: Реформа женского образования в России в начале XX в. / И. Вылгина// Школа. – 1997. – № 4. – С. 67–70
27. Высочайше утверждённое Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд-ние 1-е. – СПб. – 1867. – Ст. 40934. – С. 2.
28. Галерея славных людей города Бийска. – Бийск. – 1999. – Вып. 1.
29. Генерального плана Императорского воспитательного дома исполнительное учреждение вдовьей, ссудной и сохранной казны, в пользу всего общества. – Спб. Сенатская тип. – 1772. – 40с.
30. Гриневич, И. М. Формирование правового статуса женского гимназического образования в XIX веке / И.М. Гриневич // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2013. – №3. – С. 11-17.
31. Гюнцбург, К. Образование женщин и женские школы. / К. Гюнцбург// Гражданин. – 1874. – №№ 15-17.
32. Д. Толоконников Меценатство в России // Обозреватель-Observer. – 2005. – №1. – С. 104-114.
33. Двадцатипятилетие Череповской учительской семинарии. // Вестник Новгородского земства. – 1901. – № 2. – С. 22 – 23.
34. Днепров, Э.Д., Усачева Р.Ф. Женское образование в России. / Э.Д. Днепров.– М.: Дрофа. – 2010. – 288с.
35. Днепров, Э.Д., Усачева Р.Ф. Среднее женское образование в России. / Э.Д. Днепров.– Учебное пособие. Москва. – 2009. – 275с.
36. Домострой. – СПб.: Наука.– 1994. – 89 с.

37. Дульмухаметова, Г.Ф. Половая дифференциация обучения: исторический аспект (античный период) / Г.Ф. Дульмухаметова// Современные наукоемкие технологии. – 2011. – №1. – С. 55-56.
38. Европейская педагогика от античности до нового времени. // Сб. науч. трудов. ч. 3. – М. – 1994. – С. 158-165.
39. Женские гимназии и прогимназии министерства народного просвещения: 1858-1905. – СПб. – 1905. – 139 с.
40. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. — Л., 1987. — С. 147—148
41. Зинченко, Н. Женское образование в России. Исторический очерк. / Н. Зинченко.– СПб. – 1901. – 54 с.
42. Изоркин, А. Таланцевы – предприниматели и меценаты / А. Изоркин// Исследования по истории дореволюционной Чувашии. – Чебоксары. – 1989. – С. 144-171.
43. Историко-педагогические предпосылки развития социальной работы в России, вторая половина XIX - начало XX века: диссертация к.п.н.: 13.00.06. Иванова Н.П.; [Место защиты: Институт педагогики социальной работы РАО]. – 163 с.
44. История педагогики и образования. / под ред. А.И. Пискунова. – М. «Сфера». – 2001.– 512с.
45. Калинина, С.В., Каширина В.В. История отечественного образования. Учебное пособие: Хрестоматия VIII-начало XX вв. / С.В. Калинина.– Омск. – 2000.– 408 с.
46. Кацалова, Н.Ф. Становление организационно-правовых основ женского образования в России в конце XIX – начале XX века / Н.Ф. Кацалова// Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева. – № 4 [14] / Т. 2. – 2013.
47. Ключев, И.С. Доклад по законопроекту о женских учительских семинариях. (Представление М Н П. по Департаменту народного просвещения 26 апреля 1908 г., №10810). – СПб. – 1913.

48. Константинов, Н. А., Медынский Е. М., Шабаета М. Ф. История педагогики. Учеб. Для педвузов. / Н.А. Константинов. – Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. – М. – 1956. – 479 с.
49. Ксенофонт. Лакедемонское государство. Пер. Г. А. Янчевецкого // Сочинения Ксенофонта в пяти выпусках. Киев, – 1880. – Вып. V: Мелкие статьи. – С. 45-64.
50. Кузьменко, Д.П. Народное образование в России в царствование Дома Романовых: Россия в ее прошлом и настоящем (1613-1913). / Д.П. Кузьменко. – М. – 1914. – С. 1-12.
51. Кузьмин-Караваев, В. Выборгский процесс. / В. Кузьмин-Караваев. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза». – 1908.
52. Лапчинская, В.П., Н.А. Вышнеградский и его роль в развитии женского образования в России (1821 – 1872) / В.П. Лапчинская// Советская педагогика. – 1962. – №6. – С. 116.
53. Лихачева, Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). / Е.О. Лихачева. – Типография М. М. Стасюлевича. – Санкт-Петербург. Россия. – 1889. – 885 с.
54. Лопухин, А.П., Глубоковский Н.Н. Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь. / А.П. Лопухин. – С.-Петербург. – 1900-1911. – 12 т. – 635 с.
55. Любимов, П.П. Исторический очерк Смоленской Мариинской женской гимназии (1861-1911). / П.П. Любимов. – Смоленск. – 1914. – С. 36.
56. Люблинский, С.Б. Книгоиздательство О.Н.Поповой/ С.Б. Люблинский// в сб. Книга: Исследования и материалы. – Вып.13. – М.:1966, – с. 120-132.
57. Любовь Исааковна Аксельрод. К XXV-летию научно-литературной деятельности. – М. – 1926.
58. Мануйлова, И. Гимназия Евневича в Смоленске. / И. Мануйлова // Край Смоленский.– 2008. – №10. – С. 3-21; №11. – С. 3-16.

59. Миропольский, С.И. Очерк истории церковно-приходской школы. От ее возникновения на Руси до настоящего времени. / С.И. Миропольский.– Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. – 2006. – 408 с
60. Мицюк, Н.А. Образование не для одной только гостиниой». Феномен провинциальных женских пансионатов / Н.А. Мицюк// Женщина в российском обществе. – 2012.– № 2. – С. 3-9.
61. Мотивационные компоненты благотворительной активности субъекта: диссертация к.п.н.: 19.00.01. Татаренко О.В.; [Место защиты:Москва, Российский государственный гуманитарный университет]. – 183 с.
62. Народное образование//Бельский календарь-ежегодник. Белый. – 1914. – С.165.
63. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Ф. 24. Оп. 1. Д. 188. Лл. 1-8 об.
64. Новгородское губ.земское собрание. Журналы Новгородского губернского земского собрания. Очередного с 4 по 20 декабря 1867 года. – Типография Сухова. – 1868. – 807 с.
65. Новгородское губ.земское собрание. Журналы Новгородского губернского земского собрания. Очередной сессии 1877 года. С 20-го января по 4-е февраля 1878 года. – Типография Н.И. Богдановского. – 1878. – 324 с.
66. Новгородское губ.земское собрание. Журналы Новгородского губернского земского собрания. Очередной сессии с 1 по 20 декабря 1875 года. – Типография М. Сухова. – 1876. – 378 с.
67. Новгородское губ.земское собрание. Журналы Новгородского губернского земского собрания. Очередной сессии. – Типография Новгородского Губернского Правления. 1878 года. – 1879. – 274 с.
68. Новгородское уездное земское собрание. Постановления Новгородского уездного земского собрания и доклады Уездной земской управы по Новгородскому уезду. В сессию 1895 года. – Паровая типография А.С. Федорова. – 1896. – 271 с.

69. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. В.П.Анисимова. – 1903. – 250 с.
70. Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. Часть 1. Общие сведения. Составлен Канцелярией Думы. СПб., – 1912. – 515 с.
71. Особенности регионального женского образования во второй половине XIX века - по октябрь 1917 г. (На материалах Вятской губернии): диссертация к.п.н.: 13.00.01. Зотова Л.М.; [Место защиты: Вятский государственный педагогический университет]. – 232 с.
72. Очерк положения начального народного образования в Смоленской губернии в 1897-1899 учебном году. – Смоленск. – 1901. – 189 с.
73. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР второй половины XIX в. // под ред. А.И. Пискунова. – М.: Педагогика. 1976. – 600с.
74. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. // Отв. ред. Э.Д.Днепров; [АПН СССР, НИИ общ. педагогики]. М.: Педагогика. – 1989. – 479 с.
75. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII век – первая половина XIX века // отв. ред. М. Ф. Шабаева. – М. – 1972. – 605с.
76. Памятная книга Смоленской губернии. – 1862. – С. 25
77. Паршина, В.Н. К вопросу о гендерном аспекте в истории народного образования в России / В.Н. Паршина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2007. – №8. – С. 104-108.
78. Первая Государственная Дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной Думы. – М.: Тип. Товарищества И. Д. Сытина. – 1906. – 175 с.
79. Петров, К.Г. Земская деятельность А.Н. Попова / К.Г. Петров // Известия Смоленского государственного университета. – 2015.– №4 (32). – С. 376-384.

80. Петров, К.Г. Организация женского образования на Смоленщине в XIX веке / К.Г. Петров // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – №1 (33). – С. 250-257.
81. Петров, К.Г. Учебно-просветительский центр Поповых в селе Соболево Краснинского уезда Смоленской губернии / К.Г. Петров // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – №2 (34). – С. 350-356.
82. Письма Н.В. Шелгунова к А.Н. Попову // Современный мир. – 1911. – №5. – С. 145-168.
83. Платон. Государство – М., – 1999. – 333 с.
84. Плутарх. Избранные жизнеописания. /Перикл. XXIV/. – М. – 1990. – 294 с.
85. Полное собрание законов Российской империи (Сперанский). № 17484. Собрание Третье. Т. 19. Ч. 1. – С. 935—936.
86. Полное собрание законов Российской империи за 1804-1805, том XXVIII. Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 года. – С. 626-647.
87. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 39. Отделение первое. 1864. СПб. – 1876. Т. 3. – С. 1420-1428.
88. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVII. 1907. СПб., – 1910. – С. 319-320.
89. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том I. Спб. – 1885 – С. 372-374.
90. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. № 12154. Именной указ от 5 мая 1764 года «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре; с приложением Устава и штата сего Воспитательного Общества».
91. Полное собрание законодательства Российской империи. Собрание первое. Т. XIV. №10346. – СПб. – 1830.
92. Полное собрание законодательства Российской империи. Собрание 2-е. Т. XXXIII. Отделение 1-е. – № 33221.

93. Положение о женских училищах ведомства МНП. – СПб. – 1858. – С. 689-691.
94. Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4.07.1936
95. Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-1841 по 1890-1891. СПб.– 1901. – С.212
96. Псковский областной словарь. – Вып. 2. Л. – 1973. – С. 35.
97. Пятидесятилетие IV отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1828—1878. – СПб. – 1878.
98. Развитие гуманистической направленности женского образования в России во второй половине XIX - начале XX в.: диссертация к.п.н.: 13.00.01. Чумаков В.И.; [Место защиты:Волгоградский государственный педагогический университет]. – 235с.
99. Развитие региональной системы образования Смоленской губернии в XIX веке: диссертация к.п.н.: 13.00.01. Леонтьева Т.М.; [Место защиты:Смоленский Государственный Университет]. – 194 с.
100. Речи и статьи графа Д.А. Толстого. Спб. – 1876. – С. 46.
101. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения 1802 - 1902 годов. – СПб. – 1902. – 785 с.
102. Российская педагогическая энциклопедия. Т 1. Т2. М. – 1993. – 672 с.
103. Российская педагогическая энциклопедия. М. Большая Российская Энциклопедия. / Под ред. В.Г. Панова. – 1993. – 607 с.
104. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб. РАН. Институт Российской истории. – 1995. – 415с.
105. Русские ведомости. – 1913. – №231.
106. Русский биографический словарь: Бетанкур — Бякстер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Санкт-Петербург: тип. Главного упр. Уделов. 1908. Т. 3. — 699 с.

107. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870-1903 годы. / Составитель Д. Кузьменко. Смоленск. – 1904. – 435с.
108. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - СПб., 1865. - Т. III. - Столб. – 1301-1311.
109. Сборник постановлений по министерству народного просвещения.т. IV. – С. 1620 – 29.
110. Сборник постановлений по министерству народного просвещения.т. V. – С. 431— 464.
111. Сборник постановлений по министерству народного просвещения.т. X. – – С. 880—883.
112. Свод уставов учёных учреждений и учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Изд. 1893 года и по прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. – Т.ХI. Ч.I.
113. Смоленские губернские ведомости. – 1856. – №27. – С. 234.
114. Смоленские епархиальные ведомости. – 1861. – №47. – С.984, 986.
115. Смоленские епархиальные ведомости. – 1862. – №25. – С. 363.
116. Смоленские епархиальные ведомости. – 1862. – №38. – С. 286.
117. Смоленские епархиальные ведомости. – 1874. – №13. – С. 445-446.
118. Смоленские епархиальные ведомости. – 1876. – №7. – С. 193-199
119. Смоленские епархиальные ведомости. – 1885. – №2. – С. 72, 690.
120. Смоленский вестник. – 1898. – №30. – С. 3.
121. Смоленский вестник. – 1899. – №141. – С. 3.
122. Смоленский вестник. – 1899. – № 161. – С. 2.
123. Смоленский вестник. – 1905. – №115. – С. 1-2.
124. Смоленский вестник. – 1906. – № 216. – С. 3.
125. Смоленский вестник. – 1907. – №75. – С. 2.
126. Смоленский вестник. – 1909. – №14. – С. 2.
127. Смоленский вестник. – 1910. – №115. – С. 3.
128. Смоленский вестник. – 1910. – №116. – С. 2.

129. Смоленский вестник. – 1910. – №117. – С. 2.
130. Смоленский вестник. – 1911. – №183. – С. 2.
131. Смоленский вестник. – 1911. – №177. – С. 3.
132. Смоленский вестник. – 1914. – №88. – С. 2.
133. Смоленский вестник. – 1915. – №133. – С. 2.
134. Смоленский вестник. – 1917. – №22. – С. 2.
135. Смоленское губ. земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. Чрезвычайного 17 и 18 марта 1900 года. Смоленск. – Электро-типо-литография Я.Н. Подземского. – 1900. – 72 с.
136. Смоленское губернское земское Собрание. Журнал экстренного Смоленского губернского земского Собрания. Заседание 2 мая 1887 года. Смоленск. – Типо-литография А. И. Елишева. – 1887. – 52с.
137. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания с прил. Чрезвычайного 17 июля 1895 года. Смоленск. – Типо-литография А. И. Елишева. – 1895. – 40 с.
138. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XIX очередного 15 по 26 января 1884 года. – Тип. П.А. Ельчанинова. – 1884. – 622 с.
139. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XLIII очередного с 5 по 20 января 1908 года. Смоленск. – Электро-типо-литография Я.Н. Подземского. – 1908. – 872 с.
140. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XLIV очередного с 7 по 21 января 1909 года. Смоленск. – Электро-типо-литография Я.Н. Подземского. – 1909. – 995 с.
141. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XLV очередного с 9 по

- 18 января 1910 года. Смоленск. – Электро-типо-литография Я.Н. Подземского. – 1910. – 1032 с.
142. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XX очередного с 15 по 23 января 1885 года. – Тип. П.А. Ельчанинова. – 1885. – 573 с.
143. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XXI очередного с 16 по 25 января 1886 года. – Тип. А.И. Елишева. – 1886. – 511 с.
144. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XXVII очередного 18-24, 26-28 января 1892 года. – М.: Книга по требованию. – 2012. – 926 с.
145. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XXXII очередного с 12 по 21 декабря 1896 года и чрезвычайного с 1 по 4 марта 1897 года. Смоленск. – Паровая типо-литография Я.Н. Подземского. – 1897. – 1090 с.
146. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. XXXIV очередного 4-19 декабря 1898 года. Смоленск. – Паровая типо-литография Я.Н. Подземского. – 1899. – 929 с.
147. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. Чрезвычайного 25-26 ноября 1905 года. Смоленск. – Типо-литография Я. Н. Подземского. – 1905. – 27 с.
148. Смоленское губернское земское собрание. Журналы Смоленского губернского земского собрания. С приложениями. Чрезвычайного 4 июня 1890 года. Смоленск. – Типография И.А. Силина. – 1890. – 26 с.
149. Смоленское земство и народное образование. 1865-1918 годы. Сборник материалов / Государственный архив Смоленской области. Отв. составитель Г.Н. Мозгунова. – Смоленск: Маджента.– 2004. – 320 с.

150. Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обою пола благородного и мещанского юношества. Т. 1. – СПб. – 1789. – С. 1–11.
151. Становление и развитие благотворительности в системе отечественного образования: на примере Нижегородской губернии конца XIX - начала XX веков: диссертация к.п.н.: 13.00.01. Золотницкая В. С.; [Место защиты: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет]. – 154 с.
152. Становление системы женского образования в российской провинции (1800-1880 гг.): на материалах Смоленской губернии: диссертация к.и.н.: 07.00.02. Дмитриева Н.А.; [Место защиты: Брянский государственный педагогический университет им. И.Г. Петровского]. – 269 с.
153. Степченков, Л. Л. Полиграфия Смоленщины: 1795—1915 гг. / Л.Л. Степченков. – Смоленск. Изд-во Коллекция. – 2008. – 336 с.
154. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды IV отделения. – СПб. – 1890. – С. 16.
155. Татищев, В. История Российская. Книга 1. Часть 2. М. / В. Татищев. – Императорский Московский Университет. – 1769. – 379 с.
156. Тенишева, М.К., Впечатления моей жизни. Воспоминания. Княгиня Мария Тенишева. / М.К. Тенишева. – М.: Захаров. – 2002. – 396 с.
157. Тугаринова, Т.Г. Увековечить память Таланцевых/ Т.Г. Тугаринова// Знамя труда. – 1998. 21 апреля.
158. Университетский устав 1863 г. – СПб.: Тип. Иосафата Огризко. – 1863. – 128 с.
159. Устав духовных консисторий. – СПб. Синодальная типография. – 1843. – 134 с.
160. Устав Епархиальных Женских училищ. – Пенза. – 1880. – 215 с.
161. Устав женских учебных заведений, ведомства учреждений императрицы Марии. – СПб.: в тип. Опекунского Совета. – 1855. – 134 с.

162. Федосеева, Э.П. Бестужевские курсы - первый женский университет в России./ э.П. Федосеева. – М. Педагогика. – 1980. – 144 с.
163. Хорошилова, Л.Б. Женское образование и воспитание / Л.Б. Хорошилова// Очерк русской культуры XIX в. – М.: Изд-во МГУ. – 2001. – Т. 3. – С. 309-364.
164. Череповецкое реальное училище: цифры и быт // Коммунист (Череповец). 1989. 22 окт. – С. 3.
165. Шольп, Евг. Московские впечатления // Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева / Под ред.: В. П. Обнинский. — М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко. – 1910. – С. 69-72.
166. Шперк, Ф.Ф. Краткий очерк народного образования в Смоленской губернии. / Ф.Ф, Шперк.– Смоленск. – 1899. – С. 86.
167. Элис Циммерн (1898), Расцвет эпохи образования для девочек в Англии.— London : A.D. Innes. – 284 с.
168. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб. 1890—1907. – т. XXXIII.– С. 447.
169. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб. 1890—1907. – Т. XIа. – С. 864—873.
170. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб. 1890—1907. – Т. XXI. – С. 279.
171. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб. – 1890—1907. – Т. I. – С. 280—281.
172. Яшина, Г. Меценатство в России: живы ли традиции прошлого? / Г. Яшина // Капитал страны. – 2009.

Архивные материалы

173. ГА РФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 104. Л. 1-1об.
174. ГА. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 1. Л. 38-40
175. ГАНО. Ф. 391. Оп. 1. Ед. хр. 1027. Дата: 1875-1918.
176. ГАПО, ф. 62, оп. 2, д. 49, л. 3,9, 21-23; д. 19 л. 61, 66

177. ГАСО. Краснинский уездный училищный совет Ф.1270, 25 дел, 1901-1917
гг
178. ГАСО. Ф, 1. Оп. 1. Д. 1684. 1856. Л. 1.
179. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1827. Л. 32.
180. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 22. 1827. Л. 33.
181. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. № 2987. Список воспитанниц Соболево –
Воробьевской женской семинарии. 3 л.
182. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 139. 1834. Л. 8.
183. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1457. 1853.
184. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1897. 1860.
185. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1911 (1860). Л. 41 об.
186. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2273. 1866.
187. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2342. 1867. Л. 1об.
188. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 250. 1838. Л. 8.
189. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2515. 1870. Л. 6.
190. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2537. 1870.
191. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2542 (1870). Л. 1-3.
192. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2697. 1875. Л. 91-91об.
193. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. 1832. Л. 20; Ф. 1. Оп. 1. Д. 13 А. 1830. Л. 6.
194. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2965. 1905. Л. 29-30.
195. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 403. 1842. Л. 1.
196. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 452. 1842. Л.1; Д. 289. 1839. Л. 9, 15, 33; Д. 161.
1836. Л. 10; Д. 386. 1841. Л. 11; Д. 239. 1838.
197. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 926. 1848. Л. 12 об-13
198. ГАСО. Ф. 45. Оп. 4. Д. 816. 1859. Л. 74.
199. ГАСО. Ф. 51. Д. 50. 1876-1918. Смоленское женское епархиальное
духовное училище
200. ГАСО. Ф. 534. Ед. хр. 20. Дата: 1877-1918. Журнал XLVI очередного
Краснинского уездного земского Собрания. 172 с.

201. ГАСО. Ф. 534. Ед. хр. 20. Дата: 1877-1918. Журнал XXXI очередного Краснинского уездного земского Собрания. 362 с.
202. ГАСО. Ф. 534. Ед. хр. 20. Дата: 1877-1918/ Журнал XXVII очередного Краснинского уездного земского Собрания. 63 с.
203. ГАСО. Ф. 670. 65 д. 1853-1889 гг. Смоленский губернский комитет общественного здравия /1852-1917/
204. ГАСО. Ф. 7. Оп. 3. Св. 15. Д. 191 (1915г.).лл. 12-12 об.
205. ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 1813. Лл. 15-16.
206. ГАСО. Ф. 80. Ед. хр. 168. 1890-1918.
207. ГАСО. Ф. Р – 3017. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.
208. ГАСО. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 141. Л. 4
209. ГАСО. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 184. Л. 11
210. ГАСО. Ф.Р – 3017. Оп. 1. Д. 185.
211. ГИАНО Ф. 98. Оп. 3. Д. 72. Журналы Череповецкого уездного земского собрания сессии 1871 г. с приложениями.
212. РГАЛИ. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1358. Л. 1–11 об
213. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 495. Л. 480 об.-481 об.
214. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 495. Л. 480 об.-481 об.
215. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 846. Л. 1.
216. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 846. Л. 2.

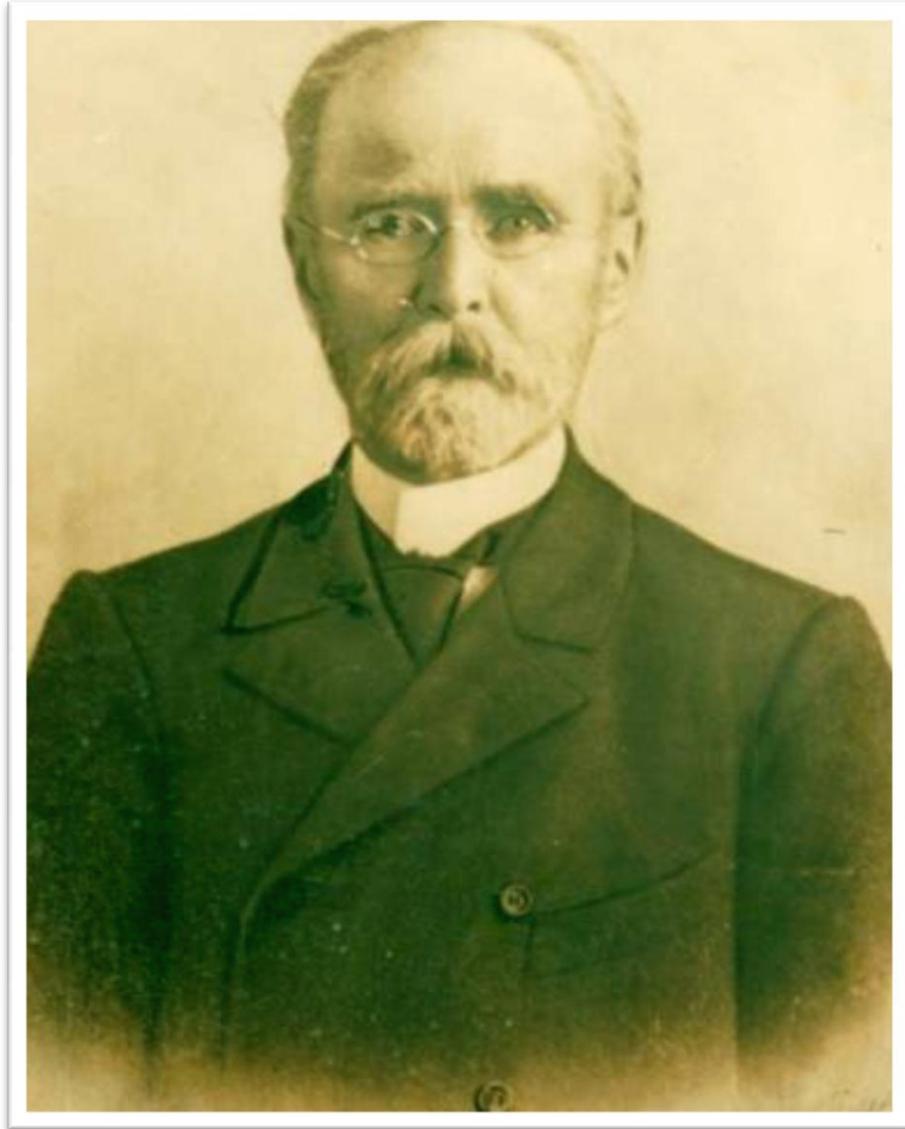

Рис. 1. Александр Николаевич Попов

Рис. 2. Мельница в селе Соболево-Воробьево

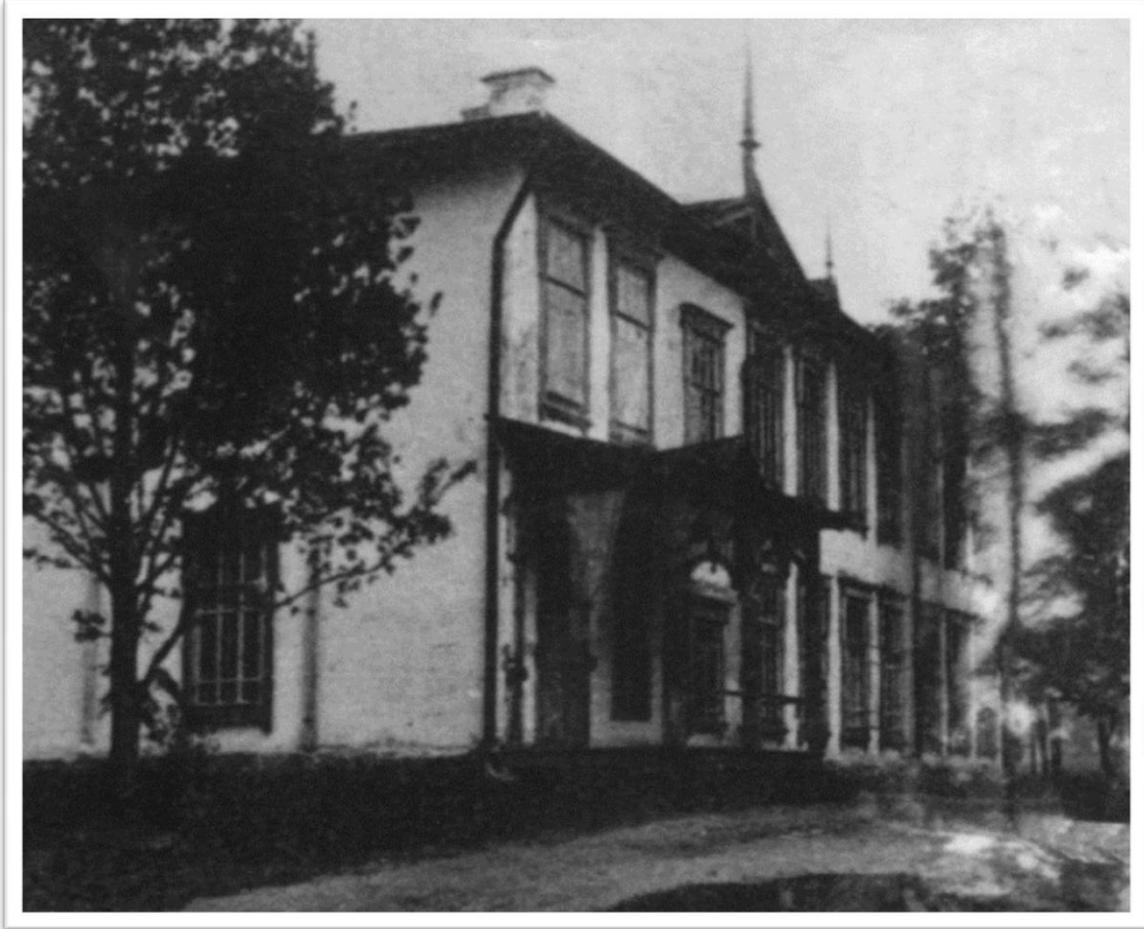

Рис. 3. Здания Соболевской женской учительской семинарии.

Учебный корпус

Рис. 4. Здания Соболевской женской учительской семинарии.

Общежитие младшего возраста

Рис. 5. Здания Соболевской женской учительской семинарии.

Квартирный корпус

Рис. 6. Здания Соболевской женской учительской семинарии.

Преподавательский корпус

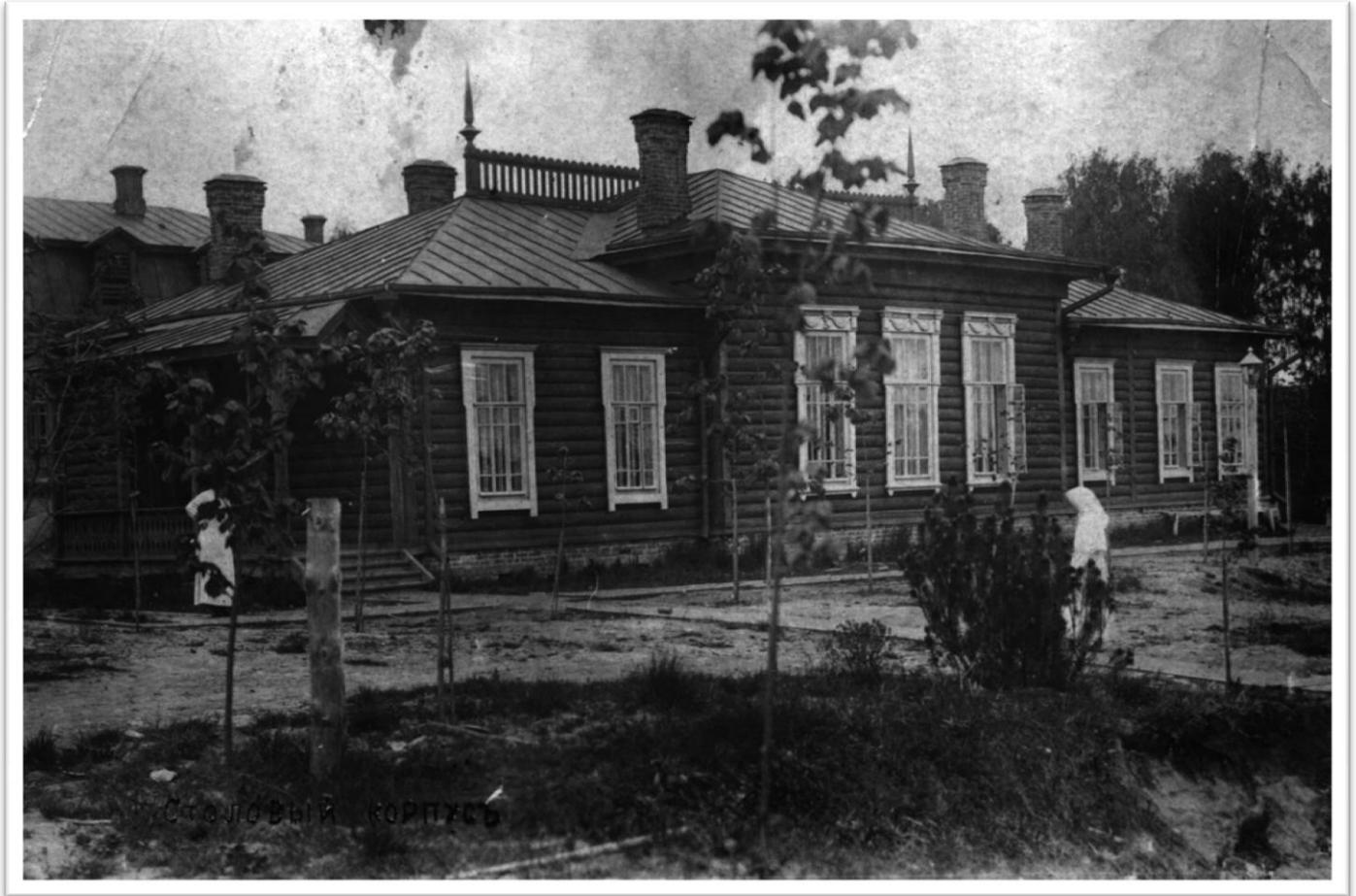

Рис. 7. Здания Соболевской женской учительской семинарии.

Столовый корпус

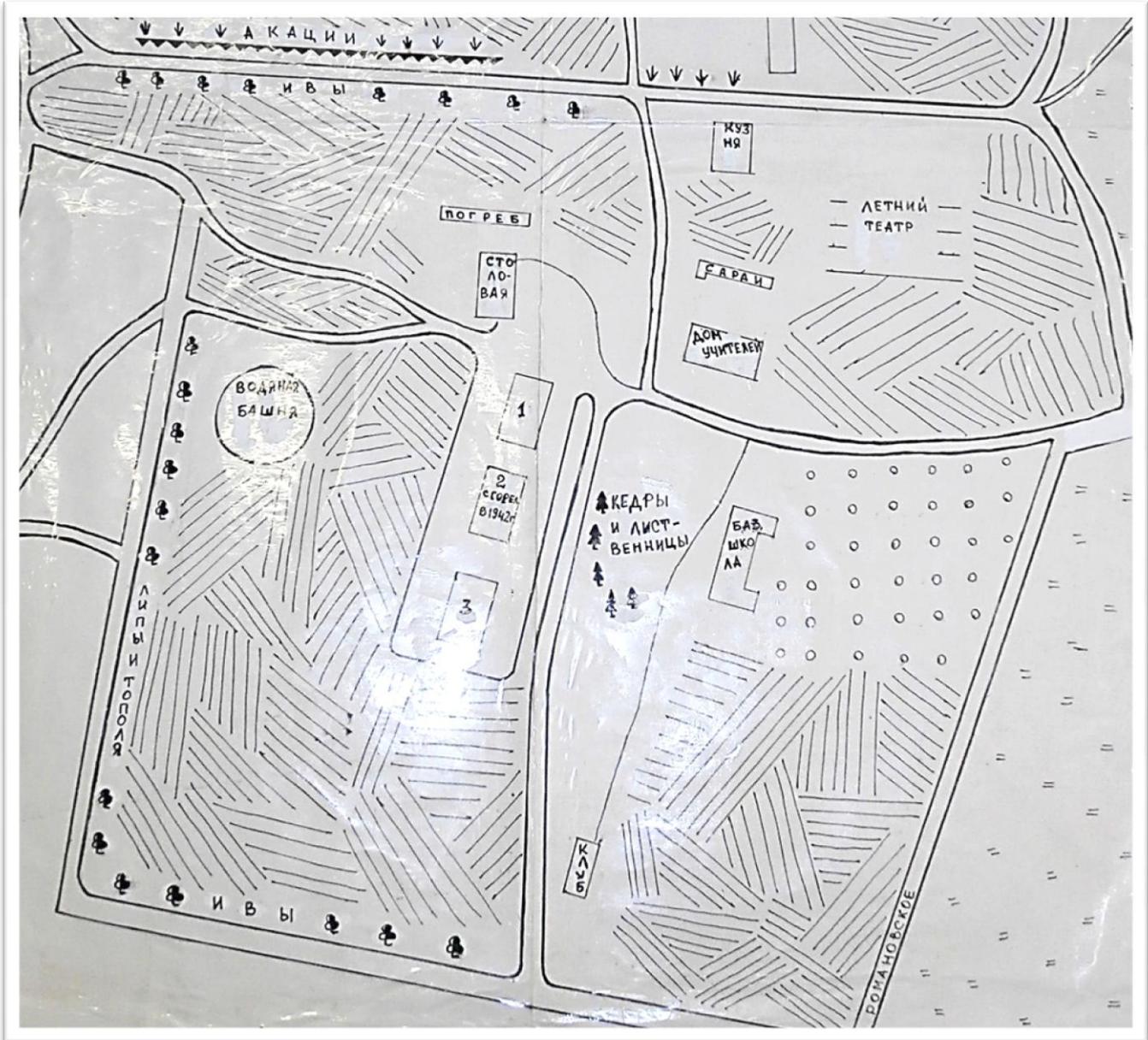

Рис. 8. План территории Соболевской женской учительской семинарии

Масштаб 1:1000

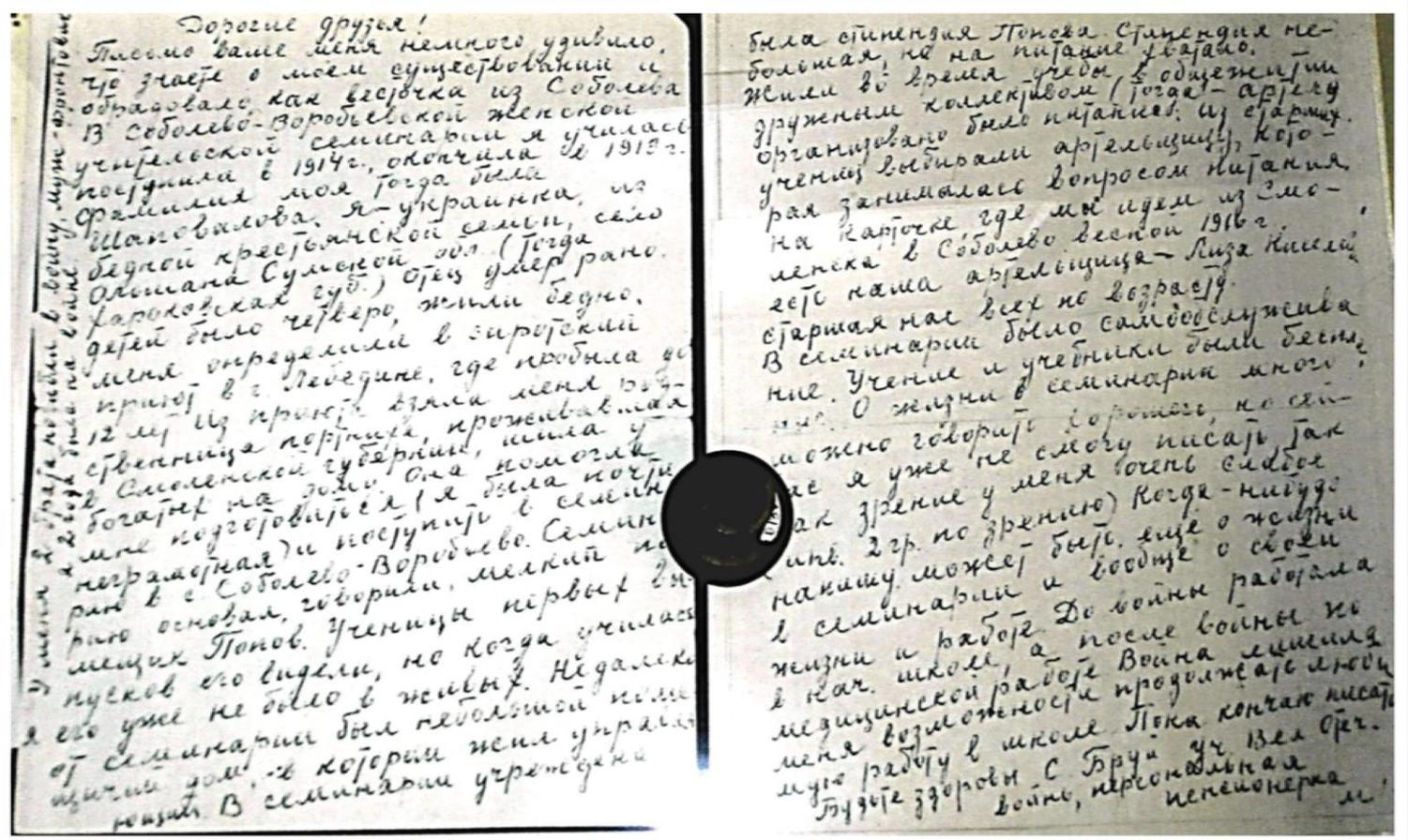

Рис. 9. Письмо выпускницы Соболево-Воробьевской женской учительской семинарии Шаповаловой С.Е. 1918 г.